ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

КОЗЕЛЬСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

и

ПРЕДТЕЧЕВА СКИТА

(КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ).

ВНОВЬ СОСТАВЛЕННОЕ Е. В.

Изданіе Оптиной Пустыни.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

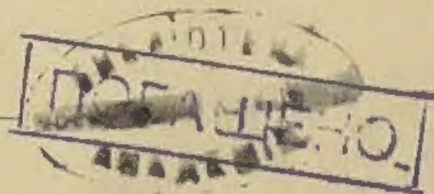
Съ таблицами: 1) въ началѣ книги;
2) между стр. 52–53;
3) ——— 66–67;
4) ——— 74–75;
5) ——— 106–107;
6) ——— 106–107.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ КОЗЕЛЬСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ И ПРЕДТЕЧЕВА СКИТА

(КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ).

ВНОВЬ СОСТАВЛЕННОЕ Е. В.

Изданіе Оптиной Пустыни.

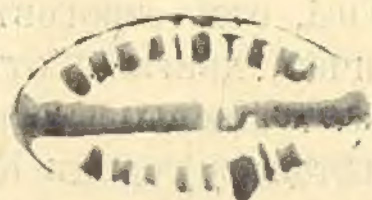

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Августа 7-го дня 1902 года.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ПУСТЫНИ ДО XVII В.

Мѣстность.

Козельская Введенская Оптина пустынь находится въ Калужской губерніи, на правомъ лѣсномъ берегу сплавной рѣки Жиздры, на полугорѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города Козельска и въ $1^1/_2$ в. отъ деревни Стениной, расположенныхъ на лѣвомъ нагорномъ берегу той же рѣки (впадающей въ р. Оку близъ г. Перемышля).

Весь правый берегъ рѣки Жиздры на нѣсколько десятковъ верстъ, вверхъ и внизъ по теченію, покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, произрастающимъ на песчаной почвѣ, неудобной для пашни *).

Эта лѣсная площадь съ трехъ сторонъ защищаетъ пустынь отъ сосѣдства съ селеніями; съ четвертой же стороны пустынь защищена рѣкой Жиздрой, чрезъ которую существуетъ одна только переправа на паромѣ, содержимомъ пустынью противъ самаго монастыря.

Мѣстность противъ монастыря должно отнести къ числу обиталищъ человѣка доисторическихъ временъ, въ такъ называемую каменную эпоху. На это указываютъ найденныя въ 1899 году въ оврагѣ, близъ деревни

*) Эта почва залегаетъ между Жиздрой и Окой, паралельно текущими въ этомъ мѣстѣ и составлявшими въ удѣльный періодъ естественную границу между княжествами.

Стениной, раздробленныя кости животныхъ и кости мамонта, вмѣстѣ съ угольями и двумя подѣлками изъ кремня и кости. Вещи эти хранятся въ Калужскомъ музеѣ *).

Въ историческія времена, при передвиженіи славянскихъ племенъ съ Юга, отъ отроговъ Карпатскихъ горъ и Дуная, племя Вятичей, двигаясь отъ Днѣпра на сѣверъ, заселило верховья рѣкъ Десны и Оки.

Въ Ипатьевской лѣтописи городъ Козельскъ упоминается въ первый разъ подъ 1146 годомъ (ранѣе г. Москвы).

Большая часть поселенія Вятичей (Мценскъ, Брянскъ, Козельскъ) во времена пр. Ѳеодосія Печерскаго оставалась еще въ язычествѣ, пока не явился къ нимъ, во второй половинѣ XI вѣка, пр. Кукша, проповѣдавшій имъ Св. Евангеліе и пріявшій отъ нихъ мученическую смерть въ Мценскѣ (въ 1215 г.**).

Первымъ удѣльнымъ княземъ Козельскимъ, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ, былъ сынъ Святослава Всеволодовича—Сѣверскаго—Мстиславъ, убитый въ сраженіи противъ татаръ на р. Калкѣ въ 1224 году.

Ко времени татарскаго нашествія новопросвѣщенные православною вѣрою Козельчане, какъ видно изъ исторіи, выставившіе значительное ополченіе въ битву при р. Калкѣ, составляли еще настолько многочисленное населеніе, отличавшееся единодушіемъ и преданностію своему Князю, что преимущественно предъ всѣми городами Русской земли оказали въ 1238 г. Батыю, съ его полчищами, упорное сопротивленіе, задержавъ движеніе его орды подъ стѣнами Козельска на семь недѣль. „Батый же, воротясь отъ Новгорода“, говоритъ лѣтопись, „пріиде (чрезъ Торжокъ) къ Козельску.“ Жители Козельска рѣшились не сдаваться татарамъ: „хотя князь нашъ (Василій) и молодъ,—рѣшили они,—но положимъ животы свои за него и здѣсь славу и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ.“ Татары же, разбивше стѣны града, взыдоша на валъ; Козельчане же ножи рѣзахуся съ ними, совѣтъ же сотвориша изыти противу имъ на полки татар-

*) Калужск. Г. Вѣд. 1901 г. № 22.

**) Соловьев. Т. III, 58 и полн. собр. лѣт. 1, 6.

скіе и изшедше изъ града изсѣкоша пращи ихъ и нападше на полки и убиша отъ татаръ 4 тысячи, сами же избіени быша. Батый взя градъ Козельскъ, избивая и до отрочати ссущихъ млеко. Оттолѣ же въ татарахъ не смѣяху его нарещи Козельскъ, но зваху его „градъ злый", (Моль-Бугу-Зунъ) понеже бишася у града того по семъ недѣль." (Полн. собр. лѣт. 1846 г.).

Послѣднимъ изъ князей Козельскихъ упоминается въ лѣтописяхъ князь Юрій, когда Козельскъ подпалъ уже подъ власть Литвы (около 1406 г.).

Въ 1408 году Козельскъ, по договору съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, отошелъ къ Московскому князю Василію Дмитріевичу, а въ 1445 году — вторично подпалъ подъ власть Литвы, но въ 1449 г. снова отошелъ къ внуку Храбраго Боровскому князю Василію Ярославичу, который въ 1456 г. уступилъ области своему шурину, Московскому князю Василію Темному.

Въ завѣщаніи Іоанна III, умершаго въ 1505 г., въ числѣ отнятыхъ у Литвы городовъ упомянутъ и Козельскъ, — предоставленный во владѣніе сыну его, Симеону.

Церковное управленіе края.

По церковному управленію новопросвѣщенный Козельскій край состоялъ, до нашествія татаръ, въ зависимости отъ Черниговскихъ епископовъ.

Въ 1294 г., когда Кіевъ совершенно опустѣлъ, и Черниговъ былъ опустошенъ Батыемъ, Кіевскій митрополитъ Максимъ удалился въ Брянскъ, а потомъ во Владиміръ.

Въ 14 вѣкѣ для архипастыря Черниговскаго учреждена была каѳедра въ Брянскѣ. Въ 1334 г. Наѳанаилъ посвященъ Брянскимъ епископомъ; почему епископы именовались то Брянскими, то Черниговскими.—Послѣднимъ Брянскимъ епископомъ былъ Іона († 4 Апр. 1499 г.).

Время основанія Оптиной пустыни.

Время основанія Оптиной пустыни и имена первыхъ насельниковъ ея—неизвѣстны. Можно, однако, предположить, что, съ принятіемъ Козельчанами христіанства.—

явилось вскорѣ и монашество, какъ цвѣтъ православія и совершеннѣйшее его выраженіе. — Достовѣрно подтверждается это тѣмъ, что близъ города Брянска, на рѣкѣ Деснѣ, въ 1261 г. основанъ Свѣнскій Успенскій монастырь сыномъ св. Михаила Черниговскаго, княземъ Романомъ Михаиловичемъ.—Появленіе монашества вслѣдъ за принятіемъ христіанства есть естественное выраженіе первой горячности вѣры новообращенныхъ. Въ домонгольскій періодъ, по соображеніямъ Е. Голубинскаго (Ист. Р. Ц. т. I—458), у насъ было „много монастырьковъ—несобственныхъ, въ родѣ монашескихъ слободъ, при приходскихъ церквахъ.“ Къ числу такихъ небольшихъ монастырьковъ — пустынекъ, — строенныхъ не князьями или боярами, а самими отшельниками, слѣдуетъ признать и Оптину пустынь, созидавшуюся безъ злата и сребра, а слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ и „въ потѣ лица“ трудами подвижниковъ.

Первые отшельники и основатели Пустыни.

Избравъ для монашескихъ подвиговъ уединенную мѣстность на границѣ княжествъ Рязанскаго и Козельскаго, первые отшельники Оптиной пустыни основали себѣ жилище на правомъ берегу рѣки Жиздры, въ лѣсной пограничной мѣстности, неудобной на далекое пространство, вслѣдствіе песчанаго грунта, для землепашества, а потому и для заселенія жителями, и, отдѣленные отъ города Козельска 3-хъ верстнымъ разстояніемъ и сплавною рѣкою Жиздрою (непроходимою въ бродъ), только усиленнымъ трудомъ могли существовать, производя вырубку лѣса для построекъ, разчистку поемныхъ луговъ для сѣнокоса и огорода и корчеваніемъ пней для усадьбы съ дворомъ.

Переживъ вмѣстѣ съ Козельскомъ всѣ политическія невзгоды—татарское нашествіе, удѣльныя междоусобія, набѣги крымскихъ татаръ, разореніе Литовское и междуцарствіе,—насельники Пустыни были первыми хозяевами никому непринадлежавшей земли, у пограничной засѣки *).

*) Козельская засѣка входила въ составъ проведенныхъ отъ Польской

Когда, послѣ тягостныхъ смутныхъ временъ, наступили въ Россіи, наконецъ, времена гражданскаго благоустройства, и правительство приступило къ переписи земельныхъ владѣній, Оптина пустынь представлялась уже собственникомъ окружающей ее земли, съ прибрежными лужками по р. Жиздрѣ, пространствомъ внизъ по рѣкѣ на одну версту, вверхъ по рѣкѣ тоже на одну версту и на одну версту поперекъ, въ естественныхъ границахъ по живымъ урочищамъ: р. Жиздрѣ и впадающимъ въ нее: съ запада—рѣчкою Желѣзинской и съ востока—ручьемъ Липовцемъ, начиная съ его истока.

Въ первомъ историческомъ описаніи Оптиной пустыни—авторъ Арх. Леонидъ (І. Л. 1847 г.) относитъ основаніе оной въ періодъ времени 1408—1445 г. (когда Козельскъ перешелъ въ родъ князя Владиміра Андреевича Храбраго), въ томъ соображеніи, что объ немъ сказано въ Лаврентьевской лѣтописи *): „бяше бо любя сей князь чинъ монашескій и священническій", и дальше сказано, что въ его время основанъ монастырь преп. Пафнутія Боровскаго (1477 г.).

Но если бы Оптину пустынь строилъ князь, или бояре, то объ этомъ было бы записано въ лѣтописяхъ, а, главное, — даны были бы монастырю земли, удобныя для пашни, и были бы возведены значительныя строенія на капиталы строителей...

Мѣстное преданіе, довольно темное, также приводимое Арх. Леонидомъ, сообщаетъ, что основателемъ пустыни былъ нѣкій разбойникъ „Опта", — почему она и получила названіе Оптиной. Но точно такое-же объясненіе дается и основанію Болховской Оптиной пустыни. Преданіе однакоже не можетъ удовлетворительно объяснить, почему два монастыря одновременно основаны однимъ и тѣмъ же разбойникомъ Оптою? Кромѣ того, монастыри обычно называются не по имени князей или бояръ, строившихъ монастыри, а по имени святыхъ, или Господ-

---

границы къ рѣкѣ Окѣ чрезъ Козельскъ, Бѣлевъ, Тулу, Веневъ — до Рязанской области.

*) Др. Л. 1774 г., ч. I, 281—282.

скихъ праздниковъ, въ честь которыхъ монастыри строились.—И что это за имя „Опта“, что оно значитъ? Изъ какого языка взято это слово? Въ русскомъ языкѣ такого слова нѣтъ; въ монгольскомъ—тоже нѣтъ, кромѣ слова „окта“,—болѣзнь, лекарь, лекарство; на татарскомъ еще можно допустить производства слова „Опта“ отъ глагола „опмакъ“. По татарски говорятъ о человѣкѣ, который кого либо ставитъ въ затруднительное положеніе (по русски—притѣсняетъ): „башими опду“, — отсюда по русскому произношенію „опту“, а затѣмъ уже „Опта“. Если остановиться на этой догадкѣ, то слово „опта“, какъ не собственное, а нарицательное, въ такомъ смыслѣ можетъ быть отнесено къ татарскому періоду времени, когда, по свидѣтельству исторіи (Ист. Русс. Ц. Фил. Арх. Черн. 2, 12), каждый баскакъ татарскій грабилъ на Руси и притѣснялъ, кого только хотѣлъ. Можно, поэтому, согласиться отчасти и съ преданіемъ въ томъ смыслѣ, что Оптинскіе монастыри основаны въ татарское нашествіе бывшими грабителями, обратившимися ко Христу.

Есть еще другое соображеніе о значеніи слова „Опта“ *). Болховскій монастырь прежде былъ общимъ для старцевъ и старицъ. По этому случаю до Литовскаго разоренія онъ назывался „Общимъ монастыремъ“, что допускаетъ и составитель исторіи Болховскаго монастыря. (До 1499 года во многихъ монастыряхъ было двѣ половины: мужская и женская, подъ общимъ управленіемъ одного духовнаго отца. Опредѣленіемъ Московскаго собора 1499 года такіе общіе монастыри воспрещены). Въ самомъ городѣ Козельскѣ не было ни одного монастыря до 1670 года, только въ этомъ году открытъ былъ Вознесенскій дѣвичій монастырь (упраздненный въ 1764 г.). Это зна-

*) Это непонятное слово „Опта“ или „Опть“, если разумѣть его не какъ имя нѣкоего разбойника, существуетъ въ самомъ дѣлѣ въ русскомъ языкѣ, только оно пишется не „*Оптъ*“; а „*Обтъ*.“ По академическому словарю церковно-славянскаго и русскаго языка (т. III, 1847 г.) слово *Обтъ*, а, с. м. употребляется въ творительномъ падежѣ, въ зн. цѣлое количество чего-либо; гуртъ; продать товаръ „*обтомъ*“. *Обтовщикъ*, торгующій обтомъ. *Обтовой*, ая, ое, въ противуположность — торговли въ розницу

ченіе можетъ быть отнесено и къ „Общей" Макарьевской пустыни, такъ какъ она именовалась въ 18-мъ столѣтіи: „*Оптинъ монастырь Макарьевской пустыни*". А что это былъ прежде дѣйствительно общій монастырь, на это отчасти указываютъ записки въ синодикѣ умершихъ схимонаховъ и схимонахинь.

Жизнь подвижниковъ.

До сихъ поръ объ Оптинской Пустыни можно считать несомнѣннымъ, что основана она въ древнее время; строили ее не князья и не бояре, а сами подвижники, по призванію свыше, покаянными слезами, трудомъ, молитвою и др. подвигами. Бури политическія ихъ не сокрушили, и они сохранили свою самостоятельность до временъ гражданскаго благоустройства Московскаго Царства.

Какова была жизнь нашихъ подвижниковъ до начала 16 столѣтія, объ этомъ мы можемъ получить нѣкоторое представленіе, если приведемъ здѣсь отзывъ Зиновія Отенскаго—„Истины показанія, слово 45" (Казань 1863 г.) о монашествѣ 16 вѣка. „Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной! Досслѣ приходитъ мнѣ на память, какъ я видѣлъ монаховъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ монастырей, которыхъ осуждаютъ за деревни (вопросъ касался монастырскихъ вотчинъ). Руки скорчены отъ тяжкихъ страданій; кожа, какъ воловья, и истрескалась; лица осунувшіяся; волосы растрепаны; безъ милости волочатъ и бьютъ ихъ истязатели, истязываютъ, какъ иноплеменники; ноги и руки посинѣли и опухли. Иные хромаютъ, другіе валяются. А имѣнія такъ много у нихъ, что и нищіе, выпрашивающіе подаяніе, болѣе ихъ имѣютъ. У иныхъ 5 и 6 серебряныхъ монетъ, у другихъ 2 или 3, а у большей части рѣдко найдешь и одну мѣдную монету. Обыкновенная пища ихъ овсяный невѣяный хлѣбъ, ржаные колосья толченые, и такой хлѣбъ еще безъ соли. Питье ихъ—вода; вареное—листья капусты; зелень—свекла и рѣпа; если есть овощи, то это—рябина и калина. А объ одеждѣ что и говорить".

Иностранцы, бывшіе въ Москвѣ, напр, Гербенштейнъ

(1516 и 1526), Павелъ Новопашенный (1522 г.) и англичанинъ Адамъ Климентъ, писали про московскіе монастыри: „тамъ разрѣшены только соленые припасы, молоко и сыръ. Въ четыре поста совсѣмъ не ѣдятъ рыбы, а только соленую капусту и огурцы; питье употребляютъ самое слабое и нехмѣльное“ (Первое путешествіе англичанъ въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1838).

Съ 16 вѣка при Іоаннѣ Грозномъ стало замѣтно ослабленіе пустынной строгости, но это произошло отъ поселенія въ обители бояръ, часто неволею, и отъ насильнаго или вынужденнаго постриженія вдовыхъ священниковъ и діаконовъ.

Но и въ то еще время Преп. Нилъ Сорскій († 1508 г.) является учителемъ строгой подвижнической жизни. У него въ скиту были: 1 Іеромонахъ, 1 Діаконъ и 12 старцевъ. Какъ онъ жилъ, такъ жить завѣщалъ и своимъ ученикамъ: 1)—пропитаніе снискивать трудами рукъ, но не заниматься даже земледѣліемъ, такъ какъ оно, по сложности своей, неприлично монашеству; 2)—только въ случаѣ болѣзни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому либо въ огорченіе; 3)—не выходить изъ Скита; 4)—въ церкви не имѣть никакихъ украшеній изъ серебра, даже и для св. сосудовъ, а все должно быть просто.

II.

ИСТОРІЯ ПУСТЫНИ ВЪ XVII XVIII В.

Упадокъ пустыни.

Болѣе ясныя свѣдѣнія о Пустыни появляются только въ концѣ 16 столѣтія, а затѣмъ въ 17 вѣкѣ. Такъ, когда скончался Царь Московскій Θеодоръ Іоанновичъ, въ 1598 году, то въ богомолье по немъ Царь Михаилъ Θеодоровичъ пожертвовалъ Оптиной Пустыни на ладонъ и свѣчи мельничное мѣсто съ дворовымъ, противъ мельницы, на

р. Другуснѣ, мѣстомъ подъ г. Козельскомъ *). Въ смутное время междуцарствія 1607—1610 г. гор. Козельскъ былъ занятъ отрядомъ мятежниковъ; два раза его осаждали царскіе воины; въ 1610 г. онъ былъ разоренъ запорожскими казаками. Въ 1617 г. Поляки подступили къ Козельску и Царь Михаилъ Θеодоровичъ грамотою 18 Октября 1617 г. приказалъ князю Д. М. Пожарскому: „мимо всѣхъ дѣлъ Козельску помощь учинить", но всетаки Козельскъ сдался Полякамъ и находился въ ихъ власти до Деулинскаго перемирія.—Вмѣстѣ съ Козельскомъ неминуемо терпѣла разореніе и Оптина Пустынь.

Въ „Спискѣ Іерарховъ Русской Церкви" (Строевъ 1877 г.) значится Игуменомъ Оптиной Введенской Макарьевской Пустыни *Сергій*, въ декабрѣ 1625 года.—Это первое документальное извѣстіе показываетъ, что Пустынь имѣла уже нѣкоторую извѣстность и управлялась Игуменомъ.

Въ 1629—31 г.г., какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, въ Пустыни была одна деревянная церковь и 6 келлій, (полагая въ каждой келліи по одному старцу и по одному послушнику,—всего братства можно считать 12 человѣкъ), подъ управленіемъ чернаго священника Θеодорита.

Съ пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества, для мирной обители настали заботы о защитѣ правъ собственности при помощи гражданскихъ властей.

Пожалованное Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ мельничное мѣсто было отдано монастыремъ въ аренду братьямъ Афанасію и Тимоθею Желябужскимъ, которые и построили мельницу. Но монастырская мельница возбудила въ мірскихъ людяхъ зависть. Нѣкто Москвитянинъ Савинской слободы тяглецъ Мишка Кострикинъ подговорилъ Козельскихъ драгунъ и стрѣльцовъ и, по уговору съ ними, построилъ ниже монастырской мельницы на рѣкѣ другую мельницу, безъ царскаго указа, а монастырскую мельничную плотину и наливное колесо подтопилъ. Тогда старецъ Исидоръ съ братіею подали 7 Августа 1675 года Царю Алексію Михайловичу челобитную на самоуправ-

*) Это значится въ Козельскихъ писцовыхъ книгахъ 1629—31 гг.

ство Мишки Кострикина. Царь послалъ Козельскому старостѣ Ивану Головкову указъ „по просьбѣ старцевъ подтопы досмотрѣть, Мишку Кострикина допросить, а мельницу отписать на насъ Великаго Государя, а сказку прислать въ Москвѣ въ приказъ Костромской чети". По этому указу Иванъ Головковъ досмотръ и сказку представилъ 22 Сентября, а мельницу отписалъ. Между тѣмъ и стрѣльцы не зѣвали и, пока старцы писали челобитную, Козельскій стрѣлецъ Ивашка Корнильевъ, за четыре дня раньше челобитной старцевъ, подалъ Царю Алексію Михайловичу 3-го дня тогоже Августа челобитную, чтобы мельницу Мишки Кострикина отдать ему изъ оброку на 10 лѣтъ за 5 рублей въ годъ. Но старцы 13 Іюля 1676 г. вновь подали челобитную объ уничтоженіи мельницы Мишки Кострикина. И Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ, грамотою отъ 3 Августа 1676 года, новопостроенную мельницу Мишки Кострикина снесть *).

Въ 1675 г. Строитель Исидоръ съ братіею просили Царя Алексія Михайловича о пожалованіи Пустыни 7 посадскихъ мѣстъ земли въ г. Козельскѣ, смежныхъ съ мельницею, на свое пропитаніе. Просьба эта, (за смертію Царя Алексія Михайловича въ 1676 г.), была удовлетворена впослѣдствіи уже сыномъ его Ѳеодоромъ Алексіевичемъ, который, грамотою 15 Іюля 1680 г. „пожаловали Козельскаго уѣзда Макарьевой Пустыни Оптина монастыря строителя старца Исидора съ братіею противъ ихъ челобитья тѣ пустые посадскіе дворовые семь мѣстъ велѣли имъ подъ огороды, подъ овощь дать въ дачу". Подлинная грамота выдана была строителю старцу Исидору впредь для владѣнія тѣхъ мѣстъ.

Тяжелыя времена переживала старая Русь, терзаемая внѣшними врагами, и нескоро достигла надлежащаго благосостоянія. На это указываетъ тотъ случай, что даже Московскіе монастыри вынуждены были въ 1684 г. просить Царей облегчить повинности съ монастырскихъ вотчинъ **).

*) Скорость окончательнаго рѣшенія дѣла поучительна и для судовъ нашего времени.

**) 1678 г. 7 Августа, по указу царевны и Великой Княжны Софіи Алексѣевны, данъ вкладъ 20 р. по бояринѣ Ив. Мих. Милославскомъ.

Оптина Пустынь, не имѣвшая заботы о вотчинахъ, принуждена была жить подаяніемъ. Окрестные владѣльцы не оставляли ее безъ вниманія; такъ вмѣсто деревянной церкви, стоявшей цѣлое столѣтіе, въ 1689 году начато построеніе каменнаго соборнаго храма во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ Преп. Пафнутія Боровскаго. Храмъ создался разными вкладчиками и мірскимъ подаяніемъ. Въ числѣ вкладчиковъ были окольничій Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій, да стольники Андрей и Иванъ Петровичи Шепелевы. Первый пожертвовалъ „100 рублей и всякаго припасу каменщикамъ довольно", а послѣдніе—мѣстныя иконы: Спасителя, Введенія Пресвят. Богородицы, „Что Тя наречемъ", Преп. Пафнутія Боровскаго, царскія врата, сѣверныя и южныя двери и образъ Георгія Страстотерпца—„въ древнихъ лѣтѣхъ" (перенесены изъ села Мортыжева).

На исходѣ 17 вѣка въ 1682 г. послѣдовала кончина Царя Ѳеодора Алексѣевича. Послѣ смутнаго времени, пережитаго Россіею отъ своихъ измѣнниковъ и отъ иноземцевъ, наводнившихъ русскія области, Московское правительство озабочено было благоустройствомъ Русскаго Царства. Чувствовалась потребность въ усовершенствованіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ уровень съ сосѣдними народами, въ улучшеніи вооруженія войскъ, промышленности, ремеслъ и торговли. Правильность престолонаслѣдія была тогда недостаточно установлена. Государственная власть ослабѣла. Среди этихъ неустройствъ выросталъ геній Петра I, вдали отъ царскаго двора и вблизи нѣмецкой слободы, овладѣвшей его симпатіями. Люди, знакомые съ иностранными порядками, усвоившіе себѣ пороки польскихъ магнатовъ, выступили ревнителями реформъ преимущественно для внѣшняго быта русскаго народа и государственнаго устройства: — они представляли изъ себя, такъ сказать, новую Россію.

Эта-то партія, дорожившая внѣшнимъ просвѣщеніемъ государства, при избраніи на престолъ Царя, дала первенство даровитому Петру I предъ слабымъ, хотя и старшимъ, братомъ Иваномъ V Алексѣевичемъ, который числился правителемъ съ 1682 по 1686 годъ.

Начался стрѣлецкій бунтъ. Съ 7 на 8 Августа 1689 г. Петръ верхомъ прискакалъ ночью изъ села Преображенскаго въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ совершенномъ изнеможеніи и со слезами просилъ охраны у иноковъ. Туда прибылъ къ нему патріархъ, потянулись и лучшіе стрѣльцы. Петръ потребовалъ къ себѣ лишь немногихъ выборныхъ изъ Москвы и ея окрестностей, съ угрозой смертью за неявку.

Истекъ 17 вѣкъ, и воцарившійся Петръ I повелъ Россію принудительно по пути Европейскаго образованія, подражая во всемъ западнымъ народамъ, опередившимъ Россію въ военномъ искусствѣ, ремеслахъ и торговлѣ. Наряду съ безспорно полезными мѣропріятіями и нововведеніями примѣнено было не мало крайностей, поведшихъ къ печальнымъ слѣдствіямъ въ національно-духовной жизни русскаго народа. Такъ, указомъ 1 февраля 1697 г. введено куреніе табака.

Въ 1701 году Петръ I велѣлъ вывести изъ монастырей бѣльцовъ и бѣлицъ, жившихъ безъ постриженія.

Указомъ 31 Января 1701 года запрещено монахамъ имѣть въ келліяхъ чернила.

Въ 1702 г. на Красной площади устроена „Комедіальная храмина“ для всѣхъ.

Указомъ же 1703 г. запрещено строить вновь монастыри.

Въ то время денежные доходы Оптинской пустыни были слѣдующіе:

1) съ мельницы въ г. Козельскѣ на р. Другуснѣ—35 р. въ годъ;

2) съ рыбной ловли на р. Жиздрѣ и на р. Другуснѣ—16 р. въ годъ;

3) съ перевоза чрезъ р. Жиздру противъ монастыря—10 р. въ годъ;

4) съ земли что на колодези—20 р. въ годъ;

5) съ огородныхъ мѣстъ въ г. Козельскѣ—3 р. въ годъ;

6) съ сѣнныхъ покосовъ—16 р. въ годъ.

25 Января 1704 года для умноженія государственныхъ доходовъ, по случаю построенія Петербурга и войны со Шведами, Царь повелѣлъ наложить пошлины на бани, мельницы, рыбныя ловли, перевозы, постоялые дворы и проч.

Повелѣвалось: рыбныя ловли всего государства оброкомъ и денежнымъ доходомъ вѣдать въ Семеновской приказной Палатѣ, и присылать въ ту Палату окладныя книги и всякія о тѣхъ рыбныхъ ловляхъ, откупныхъ и оброчныхъ—вѣдомости.

Отъ 25 Марта 1704 г. изъ Семеновской Канцеляріи въ г. Козельскъ къ стольнику и воеводѣ Алексѣю Юшкову писано: „по именному Его Величества Государя указу велѣно: „Его Великаго Государя дворцовыя, и архіерейскія и монастырскія мельницы, водяныя, и хлѣбныя и пороховыя и толчеи, и желѣзныя и вѣтреныя, которыя были на оброкѣ на Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ и во всѣхъ городахъ съ нынѣшняго 1704 г. переоброчить и отдать съ торгу вновь, кто хочетъ взять, и для переоброчиванія, мельничныя оброчныя статьи собрать изъ всѣхъ приказовъ въ Семеновскую Канцелярію мельничнаго сбора“.

На основаніи этихъ указовъ, монастырская мельница въ г. Козельскѣ, рыбная ловля и перевозъ чрезъ р. Жиздру поступили въ распоряженіе казны.

Распоряженіе это, лишившее бѣдную Пустынь ежегоднаго дохода на сумму 61 р. 22 к., хотя и было впослѣдствіи отмѣнено (28 Апр. 1727 г.), но отразилось на интересахъ Пустыни еще тѣмъ, что Козельское Городское Общество, по смерти арендатора, завладѣло сею мельницею, какъ выморочнымъ имуществомъ, о чемъ впослѣдствіи судебное дѣло доходило до Сената, и мельница возвращена Пустыни только въ 1802 г.

Распоряженіе это отразилось неблагопріятно также и на ростѣ духовнаго просвѣщенія Россіи.

Св. Димитрій Ростовскій († 28 Окт. 1709 г.) писалъ къ Іову, архіепископу Новгородскому: „я грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше и уже начали было граматику разумѣть недурно; но попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе; питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ; и отнято все, чѣмъ бы дому архіерейскому питаться,

не только вотчины, но и церковныя дани и вѣчныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ".

Въ 1709 г. въ Оптиной Пустыни всей братіи было шестнадцать человѣкъ, едва пропитывавшихся своими трудами.

Къ ихъ стѣсненному въ то время хозяйственному положенію присоединился новый ущербъ ихъ имуществу: Козельскіе драгуны Григорій Павловъ и Никифоръ Стрыгинъ съ товарищами завладѣли сѣнными покосами за рѣкой Жиздрой, противъ монастыря у перекопа, съ рыбной ловлей, на которыхъ накашивалось сѣна по сту копенъ. Игуменъ монастыря Дороѳей съ братіею подали просьбу на драгунъ въ Козельскую приказную избу. Стольникъ и воевода Григорій Сокоревъ сдѣлалъ розыскъ и подлинное дѣло послалъ въ Москву, въ Помѣстный Приказъ. А такъ какъ по сыску открылось, что перекопъ изстари принадлежалъ монастырю и что лугъ разчищалъ „старецъ" Иринархъ (по списку Строева старецъ Иринархъ былъ въ Октябрѣ 1661 года), то спорный лугъ оставленъ за монастыремъ и на владѣніе дана изъ Приказа монастырю выпись 14 Февр. 1710 г. Судъ такъ же вышелъ скорый: скорость едва ли возможная при судѣ нынѣшнемъ—коллегіальномъ.

Какъ жили и чѣмъ питались старцы обители съ 1701 г. по 1717 г., свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

Внѣшнее благосостояніе Пустыни въ послѣдующіе ближайшіе годы, конечно, процвѣтать не могло. Въ 1717 г. былъ Настоятелемъ Игуменъ Леонидъ. Во вкладной книгѣ записано его просительное воззваніе—слѣдующаго рода: „1689 год. строившася каменная церковь въ Козельск. уѣздѣ, въ Оптиномъ монастырѣ Макарьевской Пустыни, разными укладчиками и мірскимъ подаяніемъ, соборная церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, да теплая церковь съ трапезою во имя Преподобнаго Пафнутія, Боровскаго Чудотворца.

1717 года Ноября въ 1 день Козельскаго уѣзда въ Оптиномъ монастырѣ Макарьевской Пустыни Игуменъ Леонидъ съ братіею прошу и молю со многимъ усердіемъ вашего благородія и любви, въ домъ Пресвятыя Богоро-

дицы прежнихъ вкладчиковъ и новоподательныхъ всякихъ чиновъ людей, на ту святую Божію церковь на кровлю: что та святая церковь отгнила кровлею, и ограда опала и кельи развалились. Пожалѣйте насъ, не оставьте сирыхъ своихъ богомольцевъ, заставьте за себя вѣчно Бога молить и родителей своихъ поминать, потому что у насъ ни вотчинъ, ни крестьянъ нѣтъ, питаемся мірскимъ подаяніемъ, кто что пожалуетъ".

Указомъ Св. Синода 28 Января 1723 года по повелѣнію Государя предписано: во архіерейскихъ епархіяхъ и во всѣхъ монастыряхъ никого не постригать, а чтобы на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ.

5 Февраля 1724 г. разрѣшено принимать въ монастыри только изъ священниковъ и діаконовъ и постригать ихъ въ указанное число (монаховъ) на убылыя мѣста.

Всѣ эти мѣропріятія Петровскаго времени имѣли несомнѣнно неблагопріятное вліяніе на количество монашествующихъ.

По письменнымъ документамъ оказывается, что въ 1724 году количество братіи въ Пустыни состояло только изъ 12 человѣкъ.

Не менѣе печально отражались мѣры Петра и на качествѣ монашествующихъ. Наполняясь вдовыми священниками и діаконами, да „отставными солдатами",—вообще людьми подневольными, большею частію совершенно чуждыми истинно-монашескаго духа и призванія, монастыри могли быть, конечно, дешевыми богадѣльнями и инвалидными пріютами, но это совершенно не искупало того ущерба, какой терпѣли они въ осуществленіи своей основной жизненной идеи—воспитанія жизни подвижнической—служенія Богу въ полномъ отрѣшеніи отъ всего мірскаго и суетнаго.

Упраздненіе пустыни.

Главнымъ мѣропріятіемъ Петра I по отношенію къ Православной Церкви было, какъ извѣстно, учрежденіе Правительствующаго Синода вмѣсто Патріарха и введеніе „Духовнаго Регламента" 24 Января 1724 г.

„Божіею милостію, мы, Петръ I, царь и самодержецъ Всероссійскій... уставляемъ Духовную Коллегію"...

Во исполненіе правилъ Регламента послѣдовали слѣдующія распоряженія Правительства: „1724 года Февраля въ 5 день Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Государь Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, будучи въ зимнемъ своего Величества домѣ, при присутствіи Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената, указалъ именнымъ своего Величества указомъ: по содержанію Духовнаго Регламента малобратственные монастыри и пустыньки сводить съ прочими въ совокупленіе неотложно, безъ продолженія, и оныя пустыньки весьма упразднить".

Въ 1724 г. 15 Апрѣля по этому указу Петра, Св. Синодъ согласно приговорилъ: „о исполненіи онаго именнаго Его Императорскаго Величества указа послать изъ Синода къ Синодальнымъ членамъ и въ Декастерію, и во всѣ епархіи къ архіереямъ указы немедленно, которыми и обстоятельныхъ о ономъ исполненіи рапортовъ безъ отлагательства требовать".

По этому указу отъ Совѣтника Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященнѣйшаго Леонида Архіепископа Сарскаго и Подонскаго послѣдовалъ указъ въ Бѣлевъ Преображенскаго монастыря Архимандриту Тихону.

„Сего 1724 г. Іюня въ 1 день Преосвященнѣйшій Архіепископъ указалъ, противъ полученнаго Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода указу, который получилъ сего 1724 года Апрѣля 15 дня, въ домовой Его Преосвященства Канцеляріи, а въ немъ написано: „въ нынѣшнемъ 1724 г. Февраля въ 5 день Его Величество всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Государь Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій указалъ, по содержанію Духовнаго Регламента малобратные монастыри и пустыни сводить съ прочими въ совокупленіе неотложно безъ продолженія и оныя пустыньки весьма упразднить" того ради Преосвященный Архіепископъ приказалъ епархіи своей въ городѣхъ и уѣздѣхъ имѣющіеся новопостроенныя пустыни, въ которыхъ обрѣтаются игумены и

строители въ малобратствѣ, а не вотчинные, а питаются скитаясь по городамъ и селамъ и пребываютъ въ мірскихъ домѣхъ многовременно, въ чемъ есть духовному чину немалое подозрительство, и оныя пустыньки разобравъ и братію сводить въ приличные монастыри, а именно: изъ Жабыньской пустыньки монаховъ, и келліи и ограду сломавъ безъ остатку перевесть въ Бѣлевъ, въ Преображенскій монастырь, дабы оной Жабынской Пустыни званія Жабынскою и Введенскимъ монастыремъ отнюдь нигдѣ и никогда не упоминалося, а при церкви той пустыни быть бѣлому священнику, оставивъ ему церковной утвари, ризъ и книгъ приличное, безъ чего пробыть невозможно; а въ Козельской Оптиной Пустыни церковное и келейное каменное и древяное всякое строеніе и въ церквахъ всякую церковную утварь и въ казнѣ всякія крѣпости и наличныя деньги и посуду и земли и угодья порознь и всякаго званія, какъ монаховъ такъ и бѣльцовъ, переписать съ лѣтами; также и въ житницахъ и въ посѣвѣ всякой хлѣбъ и на конюшенномъ и на скотномъ дворѣ всякій скотъ и конную сбрую имянно, и тую опись прислать въ домовую архіерейскую канцелярію съ нарочнымъ, посланнымъ въ самомъ скоромъ времени безъ всякаго премѣненія; потомъ велѣно послать Архіерейскій указъ о Жабынской и Козельской пустыняхъ къ тебѣ Архимандриту Тихону; и по полученіи сего Архіерейскаго указу тебѣ Архимандриту Тихону о вышеобъявленномъ учинить исполненіе по Его Преосвященства указу непремѣнно; а о полученіи сего указа и о исполненіи повеленнаго и опись прислать въ домовую архіерейскую канцелярію при рапортѣ за рукою неукоснительно".

(Казначей Іеромонахъ Корнилъ. Канцеляристъ Иванъ Кондратьевъ. Іюня 27 дня 1724 года).

Между тѣмъ, Святѣйшій Синодъ строго подтверждалъ о скорѣйшемъ исполненіи указовъ его о закрытіи малобратственныхъ монастырей. Такъ въ 1724 года 18 Сентября Св. Синодъ приговорили: отправить какъ къ Синодальнымъ членамъ, такъ и въ Декастерію и во всѣ епархіи къ архіереямъ нарочныхъ посыльщиковъ на ямскихъ подводахъ указы съ подтвержденіемъ объ исполненіи

указа 5 Февраля. Затѣмъ, 14 Декабря предупреждено, что какъ архіереи, такъ и архимандриты и игумены и прочіе духовнаго чина управители не только денежнымъ штрафомъ накажутся, но, по разсмотрѣнію вины, и лишеніемъ сана всеконечно, не взирая на неправыя ихъ отговорки. Между тѣмъ, вскорѣ по закрытіи нѣкоторыхъ монастырей, взглядъ на нихъ со стороны Св. Синода нѣсколько измѣнился. Такъ 1726 г. 24 Января „Св. Пр. Синодъ разсуждалъ о обрѣтающихся по епархіямъ монастыряхъ, которые по силѣ Духовнаго Регламента приписываются къ великобратственнымъ монастырямъ, и по той припискѣ власти монаховъ переводятъ, а индѣ и не переводя братства, всякую церковную утварь, и хлѣбъ, и скотъ и прочее обираютъ въ тѣ большіе монастыри, отчего происходитъ напрасное разореніе, потому что оныхъ приписныхъ монастырей, откуда братство переводится, земли остаются впустѣ, а гдѣ братство оставляется, тѣ, для такого отъ нихъ хлѣба и скота отбиранія, терпятъ нужду, и—согласно *приговорили:* которые монастыри, по содержанію онаго Духовнаго Регламента, къ великобратственнымъ монастырямъ хотя и приписаны, да не упразднены и препитаніе въ нихъ братства по 30 человѣкъ имѣть возможно безъ жалованья, изъ тѣхъ монаховъ не переводить и ничего изъ нихъ отнюдь не брать“.

1726 г. 2 Мая. Слушано Синодальное прошедшаго Апрѣля 25 дня сего года разсужденіе о сочиненіи штата всѣхъ великороссійскихъ монастырей, въ которыхъ по вѣдомостямъ на указное число монашескаго чина многіе въ денежныхъ и хлѣбныхъ дѣлахъ являются недостатки. А понеже нынѣ по росписаніямъ въ тѣхъ (коимъ впредь быть) настоящихъ монастыряхъ монаховъ не токмо указное доходы ихъ превосходящее число явилось, но и зѣло свыше того многое братство въ многихъ мѣстахъ обрѣтается для того, что многіе маловотчинныхъ и безвотчинныхъ монастырковъ и пустынекъ монахи выведены въ тѣхъ настоящіе монастыри, того ради приговорили: о отпущеніи оныхъ, переведенныхъ изъ безвотчинныхъ монастырковъ и пустынекъ монаховъ паки въ тѣ монастырки и пустыньки, сообщая ихъ куда пристойнѣе до времени

быть по вышеозначенному Синодальному разсужденію неотмѣнно. И содержать ихъ по силѣ имяннаго, высокославныя и высокодостойныя памяти Императорскаго Величества 1724 года Генваря 31 указа, какъ въ 3-мъ перваго опредѣленія пунктѣ о пашенныхъ изображено, неотложно и въ штатахъ настоящихъ монастырей не писать и никуды впредь не переводить".

Казалось бы, въ виду новаго отношенія Св. Синода и Царской власти къ судьбѣ малобратственныхъ монастырей, строителю упраздненной Оптиной Пустыни съ братіею должно было, не теряя ни минуты, хлопотать предъ Св. Синодомъ или припасть къ подножію престола Россійской Имперіи о дозволеніи открыть только что упраздненный монастырь, на тѣже средства, на которыя онъ существовалъ уже нѣсколько вѣковъ. Но мы жестоко бы ошиблись въ возможности и успѣхѣ такого ходатайства въ то суровое государственное управленіе. Для подтвержденія представляемъ здѣсь примѣръ того, какія существовали отношенія между высшими властями и монашествующими того времени.

Былъ такой случай. Вслѣдствіе общаго указа Синода 1724 года Тверской женскій Аѳанасьевскій монастырь былъ, по предписанію Тверскаго Архіерея, Синодальнаго вице-президента Ѳеофилакта, закрытъ; сестры переведены въ Рождественскій монастырь; туда же перевезено было и все монастырское имущество, кельи ихъ сломаны, огороды, трудами старицъ обработанные и засѣянные, также пашня и пустошь,—словомъ все, что было за Аѳанасьевскимъ монастыремъ, взято во владѣніе Игуменьею Рождественскаго монастыря, которая, призвавъ къ себѣ въ келью бывшую Игуменью Аѳанасьевскаго монастыря Дарью, „била ее шелепами и палками и держала въ чепи трои сутокъ безвинно".

А какъ все достояніе Аѳанасьевскаго монастыря состояло, какъ и въ большей части малыхъ монастырей, изъ вкладовъ самихъ же старицъ и изъ ихъ потовыхъ трудовъ, то смиренномудрая игуменья Дарія рѣшилась, послѣ безъуспѣшнаго обращенія къ мѣстному епископу, просить милости Императрицы, вполнѣ надѣясь, что Ея

женскому сердцу будутъ болѣе доступны чувства жалости къ женщинамъ же, при ихъ настоящемъ, безпримѣрно трудномъ положеніи.

Съ этою цѣлью она послала въ Петербургъ „цѣломудренныхъ“ старицъ Доминику и Евфросинію. И вотъ что произошло.

1726 г. 13 Мая. Изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества Святѣйшему Сѵноду, въ письмѣ, за рукою секретаря Ивана Черкасова, отъ 13 Мая 1726 года, объявлено: „били челомъ Ея Императ. Величеству Тверскаго Аѳанасьевскаго монастыря игуменья Дарія съ сестрами, что переведены онѣ изъ того монастыря въ Рождественской монастырь, и того монастыря игуменья Евдокія строить келей имъ не даетъ, изъ Аѳанасьевскаго монастыря кельи ихъ сломали и огораживаютъ себѣ огороды, также пашню и пустоши, что было за Аѳанасьевскимъ монастыремъ, все взяла во владѣніе къ тому монастырю, и призвавъ ихъ оная игуменья себѣ въ келью, била шелепами и палками и держала въ чѣпи трои сутки безвинно и грамоты ихъ взяла къ себѣ. И чтобъ имъ повелѣно быть по прежнему въ Аѳанасьевскомъ монастырѣ; понеже скитаются въ обители Рождественской безъ келлій. И Ея Императорское Величество указала для учиненія резолюціи челобитную ихъ отослать въ Св. Синодъ, которая и посылается при семъ“.

И вышла резолюція: „А по спросу (въ Св. Синодѣ), явившіяся съ тѣмъ челобитьемъ онаго монастыря старицы Доминика и Евфросинія сказали, что-де онѣ въ Твери своему Архіерею, Синодальному вицепрезиденту преосвящ. Ѳеофилакту, архіепископу Тверскому и Кашинскому, о томъ били челомъ, токмо резолюціи не получали, чего для Ея Имп. Величеству вышеозначенное прошеніе и подали и паспорта у себя не имѣютъ, и въ С.-Петербургъ пришедъ, въ Тіунской Конторѣ не явились и мимо Св. Синода самой Ея Имп. Величеству бить челомъ дерзнули, невѣдая запретительныхъ указовъ, про которые имъ ни писецъ оной челобитной, ни рукоприкладователь, не сказали.

И Св. Прав. Сѵнодъ приказали: оныхъ монахинь, до-

прося обстоятельно на письмѣ и, давъ имъ для проѣзду до Тфери обыкновенный пашепортъ, выслать изъ Петербурга, въ немедленномъ времени, чтобъ онѣ болѣе нигдѣ не скитались. А въ Тфери справиться, буде отъ вышепомянутой Аѳанасьевскаго монастыря игуменіи Дарьи съ сестрами на Рождественскую игуменью въ обидахъ прошеніе было, а резолюціи неучинено, то по оному разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить вышепоимянованному Синодальному вицепрезиденту, какъ указы повелѣваютъ, неотложно. А впредь священнаго и монашескаго чина людей безъ благословныя вины никого никуды отнюдь не попущать. А буде онѣ, монахини, отъ оной игуменьи не бивъ челомъ его преосвященству, въ С.-Петербургъ пошли безъ вѣдома его и въ томъ явятся винны, то какъ посылавшей ихъ игуменьѣ, такъ и имъ, монахинямъ, за такое безобразное своевольство, учинить жестокое плетьми наказаніе, дабы и другимъ на то смотря, впредь такъ чинить было неповадно"..... А писавшаго оное прошеніе..... и т. д.

Надо полагать, что злополучныя жалобщицы понесли суровое наказаніе.

Что касается братіи Оптинскаго Монастыря, то должно полагать, что они, согласно монашескимъ обѣтамъ, переносили разгромъ Пустыни съ покорностію волѣ Божіей. Хотя исполнители предначертаній Петра I и требовали, чтобы и званія Оптиной Пустыни нигдѣ и никогда не упоминалось, но братія не падала духомъ и терпѣливо ждала лучшихъ временъ для своей Обители.

Возобновленіе Пустыни.

И не напрасна была ихъ надежда на Бога. Вкладчики Оптиной Пустыни стольникъ Андрей Шепелевъ съ товарищи, принявъ горячее участіе въ судьбѣ Пустыни, обратились съ прошеніемъ въ Правительствующій Синодъ и ходатайствовали о возстановленіи Пустыни по-прежнему, обѣщаясь, что все потребное для церкви къ служенію по вся годы, какъ прежде, такъ и впредь будетъ отъ нихъ непремѣнно, безъ всякой нужды. Ходатайство ихъ увѣнчалось, по милости Божіей, полнымъ успѣхомъ.

1726 г. 8 Іюня Св. Пр. Синодъ слушалъ поданное сего числа — Козельск. уѣзда Макарьевск. Оптиной Пустыни вкладчикомъ, стольника Андрея Шепелева съ товарищи прошеніе и учиненная въ Синодальной канцеляріи справка оономъ Оптинѣ монастырѣ, который въ прошломъ 724 году приписанъ, и изъ него церковная утварь взята и братія переведены въ Бѣлевъ, въ Преображенскій монастырь. А понеже де въ томъ Оптинѣ монастырѣ церковь каменная осталась впустѣ, а церковная утварь и строеніе монастырское было отъ нихъ вкладчиковъ, отъ которыхъ что надлежитъ въ церковь къ служенію, по вся годы, какъ прежде, такъ и впредь будетъ отъ нихъ непремѣнно безъ всякой нужды; того ради чтобы о бытіи тому монастырю по прежнему рѣшеніе учинить. И Св. Пр. Синодъ согласно приговорили: помянутому Оптину монастырю быть по прежнему, собственно для того, что, хотя по справкѣ въ Канцеляріи Свят. Синода съ присланными изъ Крутицкой епархіи къ сочиненію штата вѣдомостьми за тѣмъ Оптинымъ монастыремъ крестьянъ и бобылей и денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ и заводовъ не значится, однакожъ имѣется сѣнныхъ покосовъ 140 копенъ, да лѣсу на двѣ версты и поперекъ на версту; и строеніе каменное и деревянное объявлено нескудное и братіи было 12 человѣкъ, которые какъ въ ономъ прошеніи выше сего написано, и препитаніе имѣли довольное. А понеже и помянутой, въ Бѣлевѣ обрѣтающійся, Преображенскій монастырь доходами по вѣдомостямъ не изобиленъ, а братіи имѣется 37 человѣкъ; къ тому же, сверхъ того еще присовокуплено изъ Бѣлевскаго жъ Введенскаго монастыря монаховъ 20 человѣкъ, да трудниковъ 5 человѣкъ. А въ томъ Введенскомъ монастырѣ для церковной службы попъ и дьяконъ оставлены, того ради и помянутыхъ Введенскаго монастыря монаховъ и трудниковъ изъ вышеобъявленнаго Преображенскаго Бѣлевскаго монастыря перевесть въ помянутый же Оптинъ монастырь; и взятую изъ тѣхъ монастырей всякую церковную утварь, и колокола, и всякій хлѣбъ и скотъ и прочее, все что есть, въ тотъ Оптинъ монастырь возвратить. И о томъ къ Синодальному Совѣтнику Преосвящ. Леониду, Архіепи-

скопу Сарскому и Подонскому послать указъ, по которому, что учинено будетъ и репортовать велѣть неотложно".

Итакъ, съ Божіею помощію, возобновленіе Оптиной пустыни началось съ возвращенія изъ Бѣлевскаго Преображенскаго монастыря въ распоряженіе Строителя пустыни части церковнаго и монастырскаго имущества.

Между тѣмъ, за время подчиненія Оптиной пустыни Бѣлевскому Преображенскому монастырю монастырское строеніе: ограда, кельи и скотный дворъ были разобраны и перевезены въ Бѣлевъ;—при этомъ оптинцы довольствовались содержаніемъ изъ средствъ Бѣлевскаго монастыря въ теченіи двухъ лѣтъ. Естественно, при возвратѣ имущества возстановленной Оптиной Пустыни между сю и Бѣлевскимъ Архимандритомъ Тихономъ возникли нѣкоторыя недоразумѣнія хозяйственнаго характера.

Принимавшій непосредственное участіе въ возобновленіи Оптиной Пустыни стольникъ Андрей Петровичъ Шепелевъ, изъявившій Св. Синоду готовность снабжать пустынь всѣмъ необходимымъ, написалъ 18 Мая 1727 года Бѣлевскому Архимандриту письмо слѣдующаго содержанія. О. Архимандритъ Тихонъ, спасайся въ милости Божіей и въ праведныхъ твоихъ молитвахъ.

Послалъ я къ твоему благословенію Іеромонаха Леонтія и человѣка своего Ивана Монастырева и приказалъ твоего благословенія просить, дабы ты по своему обѣщанію Казельской Пустыни Оптина монастыря, отдалъ достальную церковную утварь, т. е. образы, ризницу и посуду, мѣдные котлы и желѣзные и деревянную посуду; святыя ворота, кельи, строительную, хлѣбню, гостинную келью, амбары, скотскія дворки, лошадей, коровъ, пчелы, хлѣбъ, деньги привѣсныя и золотой крестъ и серги серебряныя и протча, что есть взятая монастырская; пожалуй прикажи все привезть, неудержавъ, какъ ты у меня въ домѣ обѣщалъ, что все отдашь, взятая монастырская и съ оградою, а только прислалъ: мѣдныхъ двѣ сковородки, противень, горшокъ, да оловянной посуды—два блюда и три миски и то чрезъ многіе письма и посылки.

Съ своей стороны Оптинскіе іеромонахи Леонтій и Сергій съ братіею и самъ вкладчикъ стольникъ Андрей Пет-

ровичъ Шепелевъ да лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантъ Никита Андреевичъ Шепелевъ, да Козельскій воевода Григорій Аввакумовичъ съ товарищами подали 26 Іюня 1727 года челобитную преосвященному Леониду, Архіепископу Сарскому и Подонскому на Архимандрита Тихона о возвращеніи тѣхъ вещей.

Преосвященный Леонидъ приказалъ Архимандриту Тихону все монастырское имущество Оптиной Пустыни, исчисленное въ реестрѣ, приложенномъ къ челобитной ея братіи и вкладчиковъ, что не возвращено—возвратить, а буде что не возвращено, зачѣмъ не возвращено, о томъ отвѣтствовать имянно въ немедленномъ времени.

На этотъ указъ Арх. Тихонъ донесъ 13 Августа 1727 года Владыкѣ, что вся церковная утварь, а равно упоминаемыя въ челобитной братіи О. Пустыни иконы: Спасовъ и Богородицынъ образъ въ серебряныхъ окладахъ, и покровъ бѣлаго атласа, шитый серебромъ а также запись Бѣлевскихъ посадскихъ людей Замятиныхъ, на владѣніе монастырскою землею, состоящею подъ ихъ винокуреннымъ заводомъ, отданы имъ Тихономъ въ Оптину Пустынь съ роспискою еще до полученія указа.

Привѣсныя же деньги, исчисленныя въ челобитной, употреблены имъ на передѣлку старой архимандритской шапки Преображенскаго монастыря на новую.

„Посуда вся отдана съ роспискою, а оловянныхъ блюдъ не брано, и въ сдаточной описи не написано. Пчелы съ ульями, что взяты были, также и коровы волею Божіей померли, только изъ оныхъ остался одинъ подтелокъ быкъ, и оный, по присылкѣ, для взятія, имъ отданъ“.

О монастырскихъ постройкахъ О. Тихонъ отозвался, что онѣ, по мѣстности, гдѣ находится Оптина Пустынь, въ челобитной показаны высокою цѣною; при упраздненіи же обители строеніе было чрезвычайно ветхо, такъ что онъ взялъ только часть его, рублей на 20, или малымъ чѣмъ больше, а остальное, напримѣръ — ограду оставилъ на мѣстѣ такъ, въ разсыпаніи, взятое же въ Бѣлевъ, будучи везено по дурной дорогѣ, чрезъ засѣку, многое переломано, а изъ выбраннаго большая часть употреблена на общее келейное строеніе въ Преображенскомъ

монастырѣ, для помѣщенія переведенной въ него братіи Бѣлевской Жабынской Пустыни и Козельской Оптиной, и отдѣльно поставлены только хлѣбня съ сѣньми и чуланами, да поварня. Святыя же ворота, взятыя изъ Пустыни, отданы имъ Тихономъ, по прошенію, за нуждою въ Бѣлевскій Крестовоздвиженскій женскій монастырь.

Сѣна и хлѣба, показаннаго въ челобитной, не брано, коляска игуменская и сани за ветхостію оставлены на мѣстѣ, косъ тоже не брано, а взято 6 искосковъ, которые и передѣланы на серпы.

Деньги съ оброчныхъ статей за 1725 и 1726 годъ часть собиралъ іеромонахъ Леонтій и употреблялъ въ зажилое жалованье себѣ и братству порядно, а полученные отъ Замятиныхъ за 2 года 40 руб. употреблены на общіе монастырскіе расходы, въ силу указа о совокупленіи обоихъ монастырей.

Итакъ, Оптина Пустынь оказалась, по возобновленіи, безъ всякихъ средствъ, почти на пустомъ полѣ. Но это время было пережито Пустынью, и надежда на Бога не покидала братію.

Въ наступавшемъ 1727 году оставался въ виду только доходъ за землю 20 р., съ огородовъ 6 р., съ сѣнокосовъ до 32 р. и съ перевоза (который, какъ видно, никто у казны въ оброкъ не бралъ, и онъ остался въ распоряженіи Пустыни) около 7 руб., затѣмъ—мірское подаяніе.

Пособіе обители, хотя и небольшое, явилось въ скоромъ времени. Указомъ 28 Апр. 1727 года, мельницы отданы правительствомъ обратно монастырямъ, по принадлежности.

6 Мая 1727 года скончалась Имп. Екатерина I и 7 Мая воцарился Государь Петръ II.

Царствованіе Петра II было непродолжительно. 19 Января 1730 г. онъ скончался и на престолъ вступила Императрица Анна Іоанновна.

Строитель Авраамій.

Съ 1731 году положеніе обители постепенно начинаетъ улучшаться. Строитель пустыни, Іеромонахъ Авраамій, (управлялъ Пустынью до 1760 г.) внесъ во вкладную книгу

обычное воззваніе вкладчикамъ: „на иконостасъ, понеже вельми ветхъ, а въ придѣлѣ пр. Пафнутія за ветхостію и служить не можно; иконостасъ весь опалъ и на святомъ престолѣ одежда истлѣла; а также и ограда вновь строилася вами укладчиками.... малое число.

Многіе окрестные бояре, какъ видно изъ вкладной книги, оказали усердіе къ обители. Генералъ-маіоръ и гофмаршалъ Дмитрій Андр. Шепелевъ—пожертвовалъ въ обитель годовую пропорцію хлѣба, братъ его лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Степанъ Андреевичъ Шепелевъ—на церковную утварь 5 р., князь П М. Черкасскій, генералъ-маіоръ Н. М. Желябужскій, тайный совѣтникъ Беклемишевъ, полковникъ П. Д. Бестужевъ-Рюминъ и Кошелевъ, лейбъ-гвардіи лейтенантъ Чичеринъ, коллежскій прокуроръ Камынинъ, заводчики братья Петръ, Александръ и Григорій Баташевы и др.

Значительная задержка въ развитіи пустыни произведена послѣ имяннаго указа Императрицы, въ силу коего 10 Іюня 1734 г. Св. Сѵнодъ предписалъ не постригать въ монашество никого, никакихъ чиновъ, кромѣ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ и отставныхъ солдатъ..... „съ архіереевъ бранъ будетъ штрафъ за каждаго вновь постриженнаго человѣка по 500 руб., а монастырскія власти, по лишеніи чиновъ своихъ и монашества, посыланы будутъ въ вѣчную тягчайшую работу въ ссылку въ тѣ мѣста, куда тяжко виновныхъ указами ссылать повелѣно, а движимое ихъ персональное имѣніе, все безъ остатку взято будетъ въ казну“.

Въ царствованіе Екатерины II, въ 1764 г. были вытребованы въ Консисторію акты Оптиной Пустыни на владѣніе недвижимыми имуществами, для назначенія штатовъ монастырямъ. Пустынь по этимъ штатамъ оставлена на своемъ содержаніи въ числѣ семи заштатныхъ монастырей Крутицкой епархіи, въ которыхъ было положено имѣть монашествующихъ семь человѣкъ: 1 Строитель, 4 Іеромонаха и 2 Іеродіакона.

Къ этому времени въ Оптиной Пустыни недоставало по штату, какъ видно изъ вѣдомости, представленной Игуменомъ Филагріемъ въ Крутицкую Консисторію, 1 Іеро-

монаха и 1 Іеродіакона. На пополненіе вакансій въ томъ же 1764 году переведены были 2 монаха изъ упраздненнаго Перемышльскаго Николаевскаго монастыря.

Средства къ содержанію Пустыни оставались прежнія — труды и милостыня.

Постоянными благотворителями Пустыни, кромѣ упомянутыхъ выше, еще встрѣчаются имена бояръ: Пушкины, Яковлевы, Румянцевы, Полонскіе, Хлоповы, Нарышкины и др.—Вновь прибавилась статья дохода—мельница, устроенная Пустынею на рѣчкѣ Клютомѣ, подъ названіемъ „Болотной". Первый разъ сдана она была Игуменомъ Пафнутіемъ служителю Козельскаго женскаго Вознесенскаго монастыря (упраздненнаго въ 1764 г.) по условію 1 Марта 1762 г. на 5 лѣтъ, съ платою по 18 рублей въ годъ.

Въ 1765 году строителемъ Оптиной Пустыни назначенъ былъ О. Никаноръ, изъ Іеромонаховъ Пафнутіева монастыря. При началѣ вступленія его въ управленіе монастыремъ были похищены изъ соборнаго храма „воровскими людьми церковныя вещи: дискосъ, два блюдца, звѣздица, лжица серебряныя, позлащеныя и такія же вещи оловянныя".

За то въ томъ же 1765 году открыта была заводчиками братьями Баташевыми желѣзная руда въ лѣсу между рѣкой Жиздрой и рѣчкой Желѣзенкой. Въ пудѣ руды содержалось 24 ф. желѣза. Съ 1765 года руда отдавалась заводчикамъ, братьямъ Баташевымъ, а съ 1774 года заводчику Мосолову съ платою за 100 возовъ руды по 4 рубля. Но разработка около 1775 года по невыгодности и злоупотребленіямъ прекратилась. О. Никаноръ озаботился окончательной отдѣлкой соборнаго храма и въ 1767 г. испросилъ у архіепископа Амвросія Крутицкаго и Можайскаго сборную книгу. О необходимости сбора объяснено въ прошеніи о. Никанора слѣдующее: „храмъ, какъ желѣзною крышкою, такъ наружною и внутреннею выдѣлкою совсѣмъ къ окончанію приведенъ, точію иконостасомъ и другимъ церковнымъ благолѣпіемъ, за приключившеюся вкладчику (Д. А. Шепелеву) болѣзнію, не убранъ, почему и донынѣ стоитъ неосвященъ, и затѣмъ-де нынѣ священная служба исправляется во одномъ только придѣлѣ

(Пр. Пафнутія Боровскаго), отъ чего приходящимъ въ праздничные дни богомольцамъ бываетъ не безъ утѣсненія". О. Никаноръ скончался 27 Марта 1768 г., и храмъ остался опять неотдѣланнымъ, но заботы его принесли плоды.

10 Іюня 1768 г. дала вкладу въ Козельскій Оптинъ монастырь въ Макаріеву Пустынь дѣвица Елизавета Никитична Шепелева на строеніе иконостаса во вновь устроенную церковь Введенія Пресвятыя Богородицы денегъ 800 руб.; на построеніе колокольни 250 рублевъ".

На полученныя деньги въ 1769 г. вмѣсто ветхой деревянной колокольни, была построена новая каменная, небольшая и тонкая; шейка и глава были обиты желѣзомъ по дереву, крестъ мѣстами позлащенъ, а большая выкрашена ярью; на нее перемѣщены со старой колокольни пять небольшихъ колоколовъ. Отъ колокольни же была заведена каменная ограда, къ югу на одну сажень и къ западу на 5½ сажень высотою въ три аршина. Постройка производилась подъ наблюденіемъ казначея Серапіона и монашествующихъ, коихъ въ 1770 году было только трое, въ томъ числѣ одинъ слѣпой—Каріонъ (строителя была вакансія).

1770 года 3 Декабря опредѣленъ былъ игуменъ Аристархъ (переведенный изъ Владимірскаго Боголюбова монастыря), опытный, дѣльный и рачительный къ монастырскому хозяйству. Первою заботою его было окончаніе внутренней отдѣлки соборнаго храма, на вышепоказанную жертву Шепелевой. Когда поставленъ былъ въ главномъ алтарѣ иконостасъ, она снабдила храмъ ризницею и церковной утварью въ достаточномъ количествѣ. 21 Іюня 1771 года игуменъ Аристархъ, по предписанію Консисторіи, освятилъ главный алтарь. Въ тоже время Е. Н. Шепелева, исполняя обѣщаніе покойнаго дяди, устроила второй придѣлъ слѣва, во имя Великом. Ѳеодора Стратилата и снабдила его церковною утварью и ризницей.

Заботливостію о. Аристарха приходившія въ ветхость строенія постепенно ремонтировались.

При о. Аристархѣ производились сборы, какъ видно изъ вкладной книги, на новый колоколъ, вмѣсто 12 пудоваго стараго, и на перестройку древней каменной монастырской

часовни въ г. Козельскѣ, въ которой собирались пожертвованія на свѣчи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Часовня эта впослѣдствіи была уничтожена.

Насколько состояніе Пустыни все еще было незавидно, показываетъ то, что о. Аристархъ имѣлъ въ обители только двухъ монаховъ и то престарѣлыхъ: іеромонаха Серапіона 74 лѣтъ и слѣпого іеродіакона Каріона 90 лѣтъ (по спискамъ 1773 г.).

О. Аристархъ скончался въ Январѣ 1775 года 58 лѣтъ и погребенъ въ обители.

Преемникомъ ему былъ съ 1775 года іеромонахъ Ѳеодосій изъ экономовъ Крутицкаго архіерейскаго дома, но въ 1780 г. возвращенъ, по его желанію, къ прежней должности.

Обыкновенно престарѣлые настоятели Пустыни, большею частію, не въ силахъ были успѣшно вести хозяйство ея; болѣе правильному устройству этого хозяйства особенно послужилъ въ свое время дѣятельный казначей іеромонахъ Арсеній, въ бытность котораго было произведено генеральное межеваніе дачъ Козельскаго уѣзда.

Земли Оптиной Пустыни, смежныя съ землями г. Козельска, обмежеваны были въ 1775 и 1777 годахъ—и занесены на особые планы: только мельничное мѣсто и огороды, пожалованные Пустыни Царями, замежеваны были въ общій съ г. Козельскомъ планъ. Съ теченіемъ времени монастырская мельница на р. Другуснѣ, взятая въ распоряженіе казны, какъ выше сказано, еще въ 1704 году, отдана была въ аренду въ томъ же году С.-Петербургскою Канцеляріей Козельскому гражданину Алексѣю Ефимову сперва на 2 года съ 1 Іюля 1704 г. по 1 Іюл. 1706 г., а потомъ, съ разрѣшенія Смоленской Губ. Канцеляріи, изъ выстройки на 10 лѣтъ съ платежемъ оброка и перекупныхъ по 2 р. 14 алтынъ съ деньгой на годъ. Затѣмъ, хотя и воспослѣдовало общее распоряженіе правительства 1727 года, чтобы всѣ мельницы возвратить владѣльцамъ, но Козельское городское Купеческое общество удерживало эту мельницу за собою, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что арендаторъ, посадскій Иванъ Ефимовъ померъ, а въ генеральное межеваніе 1775 и 1777 г.г. мельница съ землей замежевана въ общій планъ г. Козельска.

Со стороны Пустыни слѣдить за распоряженіями правительства и за правами своими, какъ видно, было некому, такъ какъ настоятели перемѣнялись весьма часто, и право пустыни на мельницу было на долгое время забыто. Лишь о. казначей Іеромонахъ Арсеній, основываясь на царскихъ грамотахъ, подалъ 21 Іюня 1779 года прошеніе Калужскому Намѣстническому Правленію о возвращеніи мельницы изъ владѣнія г. Козельска во владѣніе Пустыни. Дѣло это (конца котораго о. Арсеній не дождался, скончавшись въ 1789 г.) въ Козельскомъ Уѣздномъ Судѣ и въ Калужскомъ Верхнемъ Земскомъ Судѣ было, однако, рѣшено сначала въ пользу г. Козельска, по давности владѣнія.

22 Декабря 1780 года строителемъ пустыни былъ Александръ, изъ Іеромонаховъ Александро-Невской Лавры, но вскорѣ въ 1782 году онъ скончался и былъ погребенъ въ сей пустыни.

Затѣмъ, Іеромонахъ Корнилій вторично завѣдывалъ пустынью съ исправленіемъ и прежней экономской должности, но недолго—всего нѣсколько мѣсяцевъ.

26 Октября 1782 г. строителемъ былъ опредѣленъ Іеромонахъ Николай изъ Пафнутіева Боровскаго монастыря, но—престарѣлый лѣтами—въ обитель не являлся и оставленъ опять въ Боровскѣ.

Съ 1783 г. строителемъ былъ Іеромонахъ Чудова монастыря Андрей,—потомъ, за старостію, въ 1789 г. уволенный въ Троице-Сергіеву Лавру, въ число больничныхъ.

Между тѣмъ, въ 1788 году Крутицкая каѳедра была закрыта и Козельскъ поступилъ сначала въ составъ Синодальной области, а потомъ въ вѣдѣніе Викарнаго Московскаго Архіепископа.

Лишь съ 1795-го года состояніе пустыни, дотолѣ скудное и отовсюду стѣсненное, получило, по милости Божіей, рѣшительный поворотъ къ постепенному улучшенію внѣшняго и внутренняго ея состоянія. Епископская каѳедра стала ближе къ пустыни. Митрополитъ Московскій и Калужскій Платонъ обратилъ особое вниманіе на нужды пустыни. Онъ поручилъ опытному старцу, строителю Пѣшношскаго монастыря Макарію посѣщать Оптину пустынь и учредить ее къ лучшему. Въ тоже время Владыка

1 Февраля 1795 года на мѣсто строителя Іеромонаха Антонія опредѣлилъ Іеромонаха Пѣшношскаго монастыря Іосифа, подъ непремѣннымъ наблюденіемъ и распоряженіемъ о. Макарія.

Принявъ пустынь, о. Іосифъ прежде всего ввелъ въ ней, по примѣру Пѣшношской обители, продолжительное богослуженіе.

Престарѣлые монахи, изнуренные физическими трудами, не могли, конечно, понести продолжительныхъ богослуженій и потому обратились къ Преосвященному съ прошеніемъ, чтобы перевести ихъ въ тѣ монастыри, гдѣ есть больницы. Но на просьбу ихъ послѣдовала резолюція Архипастыря: „дабы они благоучрежденію въ пользу ихъ-же душевную и къ порядку монашескаго житія повиновались“. Впрочемъ, этимъ инокамъ уже недолго оставалось жить на свѣтѣ; вскорѣ они отошли въ вѣчный покой.

Строитель Іосифъ, учреждая внутренніе монастырскіе порядки, благоразумно старался установить мирныя отношенія и къ Козельскому Городскому Обществу. Въ видахъ прекращенія дальнѣйшей тяжбы за право на мельницу на р. Другуснѣ, онъ согласился съ своей стороны, чтобы спорную мельницу отдать обществу „въ неотъемлемое и вѣчное владѣніе съ платежемъ монастырю по 60 рублей въ годъ.

Управленіе о. Іосифа продолжалось только одинъ годъ; по болѣзни онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ строительской должности.

III.

СОСТОЯНІЕ ПУСТЫНИ ПРИ МИТР. ПЛАТОНѢ И ПЕРВЫХЪ КАЛУЖСКИХЪ АРХИПАСТЫРЯХЪ.

Въ 1796 году Преосвященный Митрополитъ Платонъ, лично посѣтивъ Оптину Пустынь, нашелъ мѣстоположеніе ея для пустыннообщежительства очень удобнымъ, и потому рѣшилъ учредить здѣсь общежитіе на подобіе Пѣш-

ношскаго монастыря; для этой цѣли онъ просилъ у Пѣшношскаго настоятеля о. Макарія, чтобы тотъ далъ совершенно способнаго и вполнѣ благонадежнаго для сего человѣка. О. Макарій съ обычною для него монашеской простотой, отвѣтилъ сначала Митр. Платону; „да у меня нѣтъ такихъ, владыко святый; а вотъ развѣ дать Тебѣ огородника Авраамія“? Преосвященный, понявъ отвѣтъ, приказалъ представить къ себѣ о. Авраамія. Спустя нѣсколько времени, архимандритъ Макарій, призвавъ къ себѣ о. Авраамія, приказалъ ему приготовиться къ поѣздкѣ въ Москву, для покупокъ; а пріѣхавъ въ Москву, представилъ его Митрополиту. Тогда только узналъ о. Авраамій о своемъ назначеніи. Сознавая свое болѣзненное состояніе и тяжесть налагаемаго бремени, о. Авраамій, по чувству монашескаго смиренія, отпрашивался было у своего старца Макарія объ освобожденіи его отъ предстоящей обязанности; но совѣты Голутвинскаго старца Самуила и Пѣшношскаго Іоны вызвали въ немъ рѣшимость не уклоняться настойчиво отъ званія Божія и потому онъ вскорѣ отправился въ Оптину Пустынь.

Съ прибытіемъ о. Авраамія, Оптина Пустынь, почти близкая тогда къ упраздненію, едва сохранившая жизнь только трехъ монаховъ глубокой старости, чтобы поступить въ руки о. Авраамія еле дышущею, вновь возродилась въ тихое пристанище, предъуготовляя средства для послѣдующихъ обитателей—подвижниковъ.

Обитель въ это время была въ крайнемъ запущеніи. „Не было полотенца рукъ обтирать служащему“ — говорилъ о. Авраамій, а помочь горю и скудости было нечѣмъ; я плакалъ да молился, молился да плакалъ“.

„Проживши въ Оптиной два мѣсяца, не видя ниоткуда помощи къ поправленію ея благосостоянія и грустя о прежней, мирной, безпечальной жизни на духовной родинѣ, я отправился,—разсказываетъ о. Авраамій далѣе,— въ Пѣшношь открыть старцу свою душу и молить снять съ меня бремя не по силамъ. Но вышло иначе: старецъ принялъ меня съ отеческой любовію, и, выслушавъ мои сѣтованія о скудости ввѣренной мнѣ обители, велѣлъ запречь свою повозку и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ по

знакомымъ ему помѣщикамъ. Они въ короткое время, по слову его, снабдили меня всѣмъ необходимымъ, такъ что я привезъ въ монастырь воза два разныхъ вещей. Возвратясь со сбора, старецъ пригласилъ меня отслужить съ собою, а послѣ служенія и общей трапезы, совершенно неожиданно для всѣхъ, обратился къ своему братству съ такими словами: отцы и братія! Кто изъ васъ пожелаетъ ѣхать съ о. Аврааміемъ для устроенія ввѣренной ему обители, я не только не препятствую, но и съ любовію благословляю на сіе благое дѣло“!

Слово старца о. Макарія попало на добрую землю, и нѣсколько человѣкъ изъ Пѣшношской братіи добровольно послѣдовали за о. Аврааміемъ въ Оптину Пустынь, а къ нимъ присоединились еще новые трудники, и общее число братства возрасло до 12 человѣкъ. О попеченіяхъ старца о. Макарія на пользу Пустыни отчасти можно судить изъ сохраняемаго въ Пустыни письма его къ о. Авраамію отъ 9 Декабря 1796 г.

„Пречестнѣйшій строитель, отецъ Авраамій и мнѣ любезный о Христѣ братъ, спасися о Господѣ со всею братіею.

Братъ и отецъ Пименъ, къ намъ пріѣхавъ, и письмо отъ васъ привезъ и за увѣдомленіе о вашей жизни благодарю. А чтобы монаха Герасима къ вамъ посвятить и отпустить, онъ не желаетъ; а полюбопытствовать Александръ поѣхалъ къ вамъ. А просился Василій Марковъ; но какъ онъ человѣкъ не основательный, я и не пустилъ и, если придетъ къ вамъ, не принимайте его. А паче всего прошу васъ любите и содержите братію всѣхъ равно, какъ оставшихся послѣ Іосифа, такъ равномѣрно и съ собою приведенныхъ и послѣ пришедшихъ. А братію, которымъ вышло постриженіе, со испытаніемъ и предъ самимъ Богомъ спроси ихъ: твердое ли обѣщаніе и къ тебѣ преданіе и въ вашей обители всегдашнее пребываніе даютъ ли быть, и кромѣ благосклонныя вины невыходить, то и постригайте ихъ. Естьли только бы постричься и вонъ быть, то лучше отпусти непостриженныхъ и гдѣ по совѣсти изберутъ мѣсто, тамъ и постригутся, и вы свободны будете о нихъ дати отвѣтъ предъ Богомъ. И что меньше братіи,—меньше скорбей и смущенія.

Даждь Боже вамъ съ отцемъ Пименомъ духовную любовь имѣти и откровенну совѣсть между собою, то и братія всѣ будутъ мирны.

А которые наши изъ Пестуши братія идутъ къ вамъ въ Оптинъ кромѣ Василія, съ любовію отпущаю, только даждь, Боже, на созиданіе душамъ ихъ. И вы пожалуйте возмите ихъ въ свое попеченіе и наставляйте ихъ на путь спасенія и предъ Богомъ отвѣчайте о нихъ.

Впрочемъ препоручая себя вашимъ святымъ молитвамъ и оставаясь усердный желатель вашего спасенія грѣшный старецъ Макарій кланяюсь. 1796 году Декабря 9 дня.

P. S. Якова Левшеева отпустилъ къ вамъ. Родіона Васильева отпущаю. И вамъ, любезная о Христѣ братія, желающія на себя принять святый ангельскій образъ, не безъ разсмотрѣнія давайте обѣтъ Богу, какъ бы горшее осужденіе не принять, постригшись выдти вонъ.—А по постриженіи, естьли вамъ какое притѣсненіе будетъ отъ Настоятеля; то необинуясь пишите ко мнѣ, а изъ обители не выходите. Однако я увѣренъ, что отецъ Авраамій всѣ ваши мысли успокоитъ и смущенія ваши своимъ великодушіемъ понесетъ терпеливо и молитвами Божіей Матери и угодниковъ Его, и вашего начальника Авраамія будетъ вамъ иго Христово благо и легко бремя.

И даждь Боже вамъ съ симъ строителемъ жити въ обители по себѣ, а меня грѣшнаго избави Боже сего попеченія и хлопотъ. И такъ всей любезной о Христѣ братіи приношу мое преклоненіе и прошу меня грѣшнаго не забывать въ святыхъ своихъ молитвахъ. И остаюсь убогій чернецъ Макарій“.

Въ Маѣ 1797 года о. Авраамій, при первомъ ознакомленіи съ монастырскимъ хозяйствомъ, убѣдился въ безпорядкахъ и непріятностяхъ, происходящихъ отъ Козельскихъ гражданъ, солдатъ и крестьянъ, и вынужденъ былъ просить защиты отъ нихъ у Преосвященнаго Платона, описывая въ прошеніи, что они: „1) воруютъ лѣсъ; 2) самовольно ловятъ рыбу въ монастырскихъ водахъ; 3) рубятъ хворостъ, нужный самому монастырю; 4) пріѣзжаютъ по-

ночамъ и выкашиваютъ наилучшія мѣста въ монастырскихъ лугахъ; 5) Мая 7 числа увели пару монастырскихъ лошадей, и, хотя воры нашлись, но Козельскіе власти не дѣлаютъ обители никакого вспоможенія, а паче оныхъ воровъ защищаютъ; 6) сего же Мая мѣсяца, при отводѣ обывательскихъ луговъ для конницы, Козельскіе власти отвели и монастырскіе луга; 7) зимою ѣздятъ чрезъ монастырскій лѣсъ въ засѣку подлѣ самаго монастыря, лѣтомъ ходятъ по нашимъ дачамъ и поютъ пѣсни, что и во время Божественной службы слышно въ церкви....., то и приходитъ намъ въ мысль, что и бывшій строитель отказался отъ должности не за болѣзнію тѣлесною, а паче за приходящею отъ сего безпокойства болѣзнію душевною; почему изъ послушниковъ многіе вонъ вышли и прочіе выйти вонъ намѣреваются, отъ чего оная пустынь и не можетъ придти въ подобающее ей устройство и порядокъ". Подъ прошеніемъ подписались 12 человѣкъ: Строитель Авраамій, Іеромонахи: Іоаннъ и Пименъ, Іеродіаконъ Аѳанасій, Монахи Парѳеній и Игнатій, послушники: Максимъ, Гавріилъ, Михаилъ, Онисимъ, Евстигней и Матвѣй.

Преосвященный Платонъ сообщилъ объ этомъ Губернатору Облеухову, которымъ было предписано мѣстному Козельскому начальству взять надлежащія мѣры для огражденія цѣлости монастырскихъ владѣній и подтвердить Козельскимъ гражданамъ, дабы они хранили должное къ обители благоговѣніе. Самихъ же просителей Митрополитъ Платонъ утѣшилъ слѣдующей своей резолюціей, положенной на прошеніе: „святая монашествующихъ жизнь всѣ сіи напасти или отвратитъ, или терпѣніемъ преобѣдитъ, а Богъ, видя терпѣніе, рабовъ Своихъ невидимо защититъ".

И дѣйствительно, по милости Божіей, Обитель стала постепенно получать средства къ существованію.

Въ 1797 году, вниманію Императора Павла Петровича къ православнымъ обителямъ, по указу отъ 18 Декабря, Оптина, въ числѣ прочихъ заштатныхъ монастырей, получила въ милостивое подаяніе на вѣчныя времена по 300 рублей въ годъ (прекращено въ 1868 году).

Вскорѣ строитель Авраамій у Митрополита Платона просилъ разрѣшенія „дозволить поручику Ѳ. П. Рахманинову на свой коштъ вновь вырѣзать иконостасъ, вызолотить и написать св. образа иконнымъ греческимъ писаніемъ“. Владыка далъ резолюцію: „Богъ благословитъ! се видите, что иные васъ оскорбляютъ, а другихъ Богъ возбуждаетъ къ вашему утѣшенію“.

18 Декабря 1797 г., въ силу Высочайшаго указа, Оптина Пустынь получила право на рыбную ловлю при Митинскомъ заводѣ и въ собственность водяную мельницу на рѣкѣ Сосенкѣ о двухъ поставахъ. Это пособіе прибавило новый источникъ дохода къ скуднымъ средствамъ пустыни.

Вникнувъ въ положеніе хозяйства Пустыни и правъ ея, о. Авраамій обратилъ серьезное вниманіе на положеніе дѣла о мельницѣ на р. Другуснѣ. Дѣло же это было въ слѣдующемъ положеніи. Рѣшеніе Палаты, благопріятное Пустыни, было объявлено тяжущимся; изъ нихъ Строитель Іер. Антоній изъявилъ 2 Сентября 1797 г. удовольствіе, а отъ Козельскаго общества купцемъ Иваномъ Кузьминымъ 13 Сентября подписано неудовольствіе, почему дѣло внесено было на апелляцію Правит. Сената въ 6 Д-тъ, изъ котораго, по разногласію, поступило въ общее временныхъ Д-товъ собраніе. Между тѣмъ, на основаніи Высочайшаго указа 30 Августа 1797 года, сдѣлана Сенатомъ въ Сентябрѣ тогоже года публикація, чтобы просители по дѣламъ, съ давняго времени оставленнымъ безъ хожденія, отозвались въ Сенатъ въ теченіи годоваго срока краткими просьбами: желаютъ ли продолжать свой искъ. А кто въ сказанный срокъ не отзовется, тѣ дѣла безъ рѣшенія отдавать въ архивъ.

По этой публикаціи Строитель Авраамій подалъ 13 Сентября 1798 г. отзывъ въ Сенатъ, чтобы рѣшеніе Палаты оставить въ своей силѣ, а условіе, совершенное Строителемъ Іосифомъ съ гражданами города Козельска, уничтожить.

Правит. Сенатъ выслушалъ прошеніе о. Авраамія; однако, и въ виду того, что отъ апелляторовъ отзыва въ срокъ не подано, а отъ Генералъ-Прокурора временнаго апелля-

ціоннаго Д-та 12 Марта 1800 года данъ ордеръ Оберъ-Прокурору Можайскому, которымъ рекомендовано: дѣла, по которымъ всѣ апелляторы отзывовъ не подали, а прислали одни довольные рѣшеніемъ палатъ отвѣтчики, перевершивать не слѣдуетъ,—было постановлено, что, на основаніи сего ордера, Сенату въ разсмотрѣніи сего дѣла болѣе надобности нѣтъ. „Чтоже принадлежитъ до уничтоженія уступки спорной земли города Козельска купечеству и мѣщанству во владѣніе отъ бывшаго той же Пустыни строителя Іосифа съ братіею съ платежемъ пустыни ежегодно по 60 рублей, то о семъ просить ему, строителю съ братіею, гдѣ слѣдуетъ особо (по надлежащему порядку въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ).

16 Сентября 1799 года, по всеподданнѣйшему докладу Св. Синода открыта самостоятельная Калужская епархія.

Съ увеличеніемъ средствъ содержанія обители, увеличивалось и число братіи; по спискамъ за 1800-й годъ, въ ней состояло 18 человѣкъ, а за 1802-й годъ — уже 26 человѣкъ.

Способности о. Авраамія были оцѣнены Калужскимъ Епископомъ Ѳеофилактомъ; ему поручено начальное устройство возобновляемаго Малоярославецкаго Черноострожскаго монастыря, „яко человѣку въ общежитіи довольно обращавшемуся и свѣдущему въ распоряженіи строенія общежительныхъ монастырей“.

Порученіе было исполнено съ успѣхомъ, и строителемъ возобновленнаго монастыря былъ опредѣленъ Іеромонахъ Оптиной Пустыни Меѳодій.

Въ 1801 году о. Авраамій произведенъ былъ, „за отличныя услуги къ общей пользѣ“, въ Игумены Лихвинскаго Покровскаго монастыря, съ продолженіемъ управленія и Оптинскимъ монастыремъ.—Но вскорѣ, по просьбѣ о. Авраамія, Преосвященный освободилъ его отъ управленія Лихвинскимъ монастыремъ.

Устрояя и поддерживая внутренній порядокъ монашескаго общежитія, о. Авраамій приступилъ къ улучшенію и внѣшняго вида Пустыни.

По представленію о. Авраамія, Преосвященный Ѳеофилактъ, Епископъ Калужскій, смотрѣлъ планъ каменной

колокольни, предположенной къ постройкѣ вновь, и 2 Января 1802 года сдѣлалъ на планѣ надпись: „планъ колокольни съ братскими кельями смотрѣлъ“.

На фасадѣ также сдѣлалъ надпись: „по сему фасаду каменную колокольню въ Оптиной Пустыни строить благословляю. 2 Января 1802 года. Ѳеофилактъ Епископъ Калужскій“.

Колокольня трехъярусная въ 30 саженъ вышины; съ обѣихъ сторонъ пристроено по каменному флигелю для братскихъ келлій. Подъ колокольней сдѣланъ главный входъ къ святымъ воротамъ. Колокольня и лѣвый флигель окончены постройкой въ 1804 г. а правый флигель въ 1800 г.

Въ 1805 году приступлено было къ сооруженію храма во имя иконы Казанской Божіей Матери. На планѣ сего храма сдѣлана надпись: „по сему плану каменную церковь въ Оптиной Пустыни соорудить благословляемъ. 28 Іюля 1805 года. Ѳеофилактъ Епископъ Калужскій.“

Въ 1809 году начато построеніе больничной церкви съ шестью кельями изъ матеріала, пожертвованнаго г. Камынинымъ.

Оба храма окончены постройкою одновременно въ 1811 году и освящены въ томъ-же году преосвященнымъ Евлампіемъ (переведеннымъ изъ Архангельска въ Калугу 16 Апр. 1809 г.)—больничная церковь 26 Августа, а Казанская 23 Октября.

Для братіи, умножавшейся числомъ, построены вновь двухъэтажные полукаменные флигеля: трапезный и настоятельскій; все деревянное строеніе исправлено, и внутри монастыря разведенъ фруктовый садъ.

Нравственныя качества о Авраамія привлекали къ нему все большее и большее количество желающихъ посвятить себя на служеніе Богу, между тѣмъ штаты 1764 г. ограничивали число монашествующихъ въ Пустыни только 7 монахами. Посему, о. Авраамій, не желая отлучать изъ обители лицъ, ищущихъ монашеской жизни, осмѣлился подать въ Св. Правит. Синодъ прошеніе 21 Іюля 1808 года о прибавкѣ къ штату еще 23 монашескихъ вакансій. И указомъ Св. Синода 18 Января 1809 г. разрѣшено: „къ

настоящему въ Оптиной Пустыни штатному положенію монашествующихъ прибавить еще 23 человѣка, такъ, чтобы число оныхъ и съ настоятелемъ было изъ тридцати".

Послѣ этого разрѣшенія число братства въ 1810 г. уже состояло изъ 1 Игумена, 9 Іеромонаховъ, 3 бѣлыхъ священниковъ, 4 Іеродіаконовъ, 10 монаховъ и 13 послушниковъ—всего 40 человѣкъ.

Наступилъ 1812 годъ, памятный нашествіемъ двунадесяти языкъ во внутреннія области Россіи.

Въ виду вступленія Наполеоновыхъ полчищъ въ Смоленскую губернію, депутаты отъ купечества съ Калужскимъ городскимъ головою представлялись Фельдмаршалу князю Кутузову, но онъ увѣрилъ ихъ, что не пуститъ Наполеона въ Калугу.

Однако, Игуменъ Авраамій принялъ нѣкоторыя предосторожности къ охраненію церковнаго имущества; именно: церковную утварь, ризницу и библіотеку приказалъ уложить въ сундуки; свѣчи и другія церковныя вещи были закладены въ палатку, что подъ соборною церковію. Братія пріискали въ дремучемъ лѣсу недоступный по мѣстоположенію оврагъ съ пещерою, въ 15 верстахъ отъ обители, чтобы удалиться туда, въ случаѣ появленія врага *).

Со стороны же Калуж. Дух. Консисторіи присланъ былъ Настоятелю указъ, отъ 5 Сентября за № 3523, чтобы церковное имѣніе убрать въ короба, на случай отправленія церковнаго имущества въ г. Орелъ.

17 тогоже Сентября о. Авраамій отнесся за № 62 къ Козельскому Исправнику съ требованіемъ поставки обывательскихъ подводъ, для отправки церковнаго имущества.

Козельскій Исправникъ 28 Сентября за № 187 извѣстилъ Настоятеля, что подводы въ г. Орелъ готовы, и подводы явились—всего шестнадцать паръ и семь троекъ.

19 Ноября полученъ былъ указъ Калужской Консисторіи отъ 13 Декабря № 3602, которымъ дано знать объ открытіи присутствія Консисторіи, (закрытаго съ 7 Сентября по причинѣ военныхъ дѣйствій).

---

*) Историч. опис. К. В. О. П. Л. Кавелина изд. 4, стр. 76.

2 числа Декабря, за № 75, Игуменъ Авраамій уже испрашивалъ у Владыки дозволенія командировать кого-либо изъ братіи въ г. Орелъ, для привоза оттуда монастырской ризницы.

По открытіи присутствія Калужской Консисторіи, о. Авраамій 15 Ноября 1812 г. обратился съ просьбою къ Пр. Евлампію о назначеніи, во вниманіе къ своей постоянной болѣзни, въ помощь по управленію монастыремъ, Іеромонаха Маркелла (бывшаго прежде экономомъ архіерейскаго дома). На прошеніи о. Авраамія Владыка положилъ такую резолюцію, какъ это видно изъ указа Консисторіи отъ 13 Декабря тогоже года: „Извѣстна мнѣ игумена болѣзнь, почему я и за нужное почитаю просьбу его утвердить, о чемъ и братіи дать знать, чтобы во всемъ сему помощнику должное послушаніе оказывали, по духу евангельскому, смиренію и кротости истинно братской, монашеской, да всѣ славятъ Бога жизнію и зиждутъ спасеніе душевное, моляся и о насъ, пекущихся объ ихъ душахъ“.

Число братіи въ Пустыни въ 1812 году, было—какъ видно по спискамъ за этотъ же годъ—39.

Въ 1815 году окончены постройкой придѣлы Казанской церкви и освящены: Воздвиженскій — Преосвященнымъ Евгеніемъ и Георгіевскій — Архимандритомъ Новоспасскаго монастыря Амвросіемъ.

Между тѣмъ, силы о. Авраамія замѣтно ослабѣвали, и въ Августѣ мѣсяцѣ 1815 года онъ вновь обратился къ Владыкѣ съ прошеніемъ объ увольненіи отъ настоятельской должности съ тѣмъ, чтобы жить въ сей же Пустыни въ уединенной кельѣ на монастырскомъ содержаніи, съ назначеніемъ на нужнѣйшія, въ слѣдствіе болѣзни, потребности за 19 лѣтнюю службу по 100 р. въ годъ. Однако, Преосвященный Евгеній убѣдилъ старца отложить еще на нѣсколько времени удаленіе на покой. 7 Февраля 1816 года Епископъ Евгеній переведенъ былъ во Псковъ, а на его мѣсто назначенъ Епископъ Антоній изъ Воронежа. Но дни старца Авраамія были уже на исходѣ. Въ концѣ 1816 г. онъ заболѣлъ смертельно и, почувствовавъ время исхода предъ Судъ Божій, предъ кончиной созвалъ за нѣсколько дней всю братію и въ трогательныхъ выра-

женіяхъ простился съ своею паствою, завѣщавъ ей миръ между собою, согласіе и единодушіе, и преподавъ всѣмъ благословеніе. Вскорѣ онъ почилъ, именно 14 Января 1817 года, сподобившись напутствія Св. Хрістовыхъ Таинъ. Погребенъ на бывшей паперти Введенскаго собора (мѣсто его погребенія, по устроеніи въ 1837 году придѣла во имя Святит. Николая Чудотворца, вошло въ храмъ).

По полученіи донесенія о смерти о. Авраамія, Калужская Консисторія, указомъ 23 Января 1817 года, завѣдываніе Оптиной Пустынью поручила Іеромонаху Маркеллу, а 23 Февраля предписала избрать двухъ кандидатовъ въ настоятели. Избраннымъ братіею въ Настоятели, по правиламъ общежитія изъ среды братства *), оказался о. Маркеллъ, который, по утвержденіи въ этой должности, и вступилъ въ управленіе Пустынью 6 Іюня того-же 1817 года.

А 15 Марта 1819 года Епископъ Антоній переведенъ былъ на Подольскую каѳедру; на его мѣсто въ Калугу назначенъ былъ, 1 Іюня 1819 года, Ректоръ Московской Духовной Академіи Филаретъ (Амфитеатровъ).

Не долго управлялъ Оптиной Пустынью о. Маркеллъ; по изъявленному имъ желанію, онъ былъ уволенъ отъ Настоятельства указомъ Консисторіи 20 Сентября 1820 г. и перемѣщенъ въ Тихонову Пустынь въ число братства, а на его мѣсто опредѣленъ игуменъ Даніилъ.

Съ перемѣной начальствующихъ лицъ, послѣдовалъ рядъ перемѣнъ и въ духовной жизни Оптиной Пустыни, имѣвшихъ въ ея судьбахъ весьма важное значеніе.

IV.

УСТРОЕНІЕ ПРЕДТЕЧЕВСКАГО СКИТА ПРИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Приснопамятный Преосвященный Филаретъ вступилъ въ управленіе Калужской Епархіею 1 Іюня 1819 года во всеоружіи пастырскихъ дарованій и, въ теченіе своего

*) О. Маркеллъ болѣе 20 лѣтъ провелъ въ Оптиной Пустыни, въ 1808 г. взятъ былъ въ Архіерейскій домъ въ Калугу, но въ 1810 г. отпущенъ обратно въ Оптину Пустынь, а 13 Декабря 1812 г. назначенъ помощникомъ о. Авраамія.

апостольскаго на Калужеской каѳедрѣ служенія по 12 Января 1825 года, всецѣло преданъ былъ дѣлу просвѣщенія своей паствы.

При первомъ обзорѣ Калужской епархіи Епископъ Филаретъ нашелъ мѣсто расположенія Оптиной Пустыни весьма удобнымъ къ уединенной монашеской жизни, а въ самихъ монашествующихъ нелицемѣрную вѣру и преданность волѣ Божіей; онъ рѣшилъ ввести здѣсь болѣе благоустроенное общежитіе съ высшимъ аскетическимъ учрежденіемъ для избранныхъ лицъ, способныхъ къ созерцательной молитвѣ,—скитомъ, и озаботился пріискать для сего опытныхъ въ духовной жизни руководителей.

Ему было извѣстно, что внѣшнія неблагопріятныя для монастырей обстоятельства, длившіяся болѣе столѣтія, нисколько не угасили духа вѣры въ истинныхъ подвижникахъ, не уничтожили монашества. Если истинные подвижники стѣснены были въ стѣнахъ монастырскихъ, то они удалялись въ пустыни; если общежитіе нарушалось введеніемъ въ братство новыхъ невольныхъ членовъ, истинные подвижники искали новыхъ мѣстъ и въ русскихъ и въ заграничныхъ монастыряхъ. Монашеское царство — Аѳонъ—все еще стояло твердо и непоколебимо. И гдѣ бы подвижники ни были, въ какомъ бы мѣстѣ ни находились, никогда они не разрывали духовныхъ узъ съ родиною и всегда состояли въ тѣсномъ общеніи съ святителями Церкви и между собою. Въ Церкви Божіей свои знаютъ своихъ — благодатію Св. Духа. Усилія Петра I и бывшихъ послѣ него нѣкоторыхъ правителей, стремившихся, вслѣдствіе неправильныхъ своихъ понятій о монашествѣ, къ обращенію монастырей въ казармы и богадѣльни,—остались тщетны.

Изъ русскихъ подвижниковъ конца XVIII и начала XIX вѣка были извѣстны Пр. Филарету и инокамъ Оптиной Пустыни ученики знаменитаго Молдавскаго старца Паисія Величковскаго, проживавшіе въ различныхъ мѣстахъ и отчасти лично Пр. Филарету извѣстные. Всего ближе къ Оптиной пустыни были подвижники, проживавшіе въ Рославльскихъ лѣсахъ Смоленской губерніи, на землѣ помѣщика Демьяна Михайловича Броневскаго (отъ

г. Рославля въ 40 верстахъ, а отъ сельца Якимовскаго, принадлежащаго г. Броневскому, около 5 верстъ): — знаменитые по духовнымъ подвигамъ старцы: Досиѳей, Варнава, Никита, Іаковъ, Василискъ, Зосима, Адріанъ, Аѳанасій и друг. Они помѣщались въ трехъ кельяхъ: въ одной Іеросхимонахъ Аѳанасій, въ верстѣ отъ него Досиѳей и въ саженяхъ 50-ти о. Дороѳей. Съ 1811 года къ нимъ присоединился Тимоѳей, изъ Серпуховскихъ купцовъ (въ монашествѣ Моисей), и Александръ (въ монашествѣ Антоній).

Преосвященный Филаретъ не разъ слыхалъ о ихъ пустынножительствѣ чрезъ многихъ богомольцевъ, посѣщавшихъ ихъ пустыньки, ради пользы душевной и совѣтовъ, а также узналъ о нихъ обстоятельно отъ Оптинскаго схимонаха Вассіана.

Въ концѣ 20-хъ годовъ о. Моисей, по пути въ Москву, вздумалъ побывать въ Оптиной Пустыни, гдѣ имѣлъ уже знакомаго ему монаха Вассіана, посѣщавшаго Рославльскихъ отшельниковъ. Настоятель Пустыни Игуменъ Даніилъ, зная намѣреніе Преосвященнаго объ устройствѣ скита, представилъ ему о. Моисея. Послѣдній, будучи привлекаемъ благосклонностью Владыки, а также вниманіемъ о. Игумена и старца Вассіана, хотя и желалъ сердечно исполненія ихъ общаго желанія—устройства скита, но не рѣшился на это безъ личнаго свиданія и совѣта съ своими старцами и братіей, почему и отправился въ свою пустыньку къ начальному ихъ старцу Аѳанасію — съ письмомъ Преосв. Филарета слѣдующаго содержанія.

„Преподобный отецъ Аѳанасій, возлюбленный о Господѣ брате! Братъ вашъ, а мой сынъ по духу схимонахъ Вассіанъ возвѣстилъ мнѣ, что вы имѣете желаніе, для удобнѣйшаго прохожденія подвиговъ монашеской жизни, избрать себѣ и съ единодушными вамъ братіями уединенное мѣсто при Оптиной Пустыни. Тоже самое подтвердилъ и о. Моисей, бывшій у меня проѣздомъ въ Москву. Таковое желаніе ваше считая особою милостью Божіей къ моему недостоинству, я готовъ принять васъ и другихъ пустынножителей, которыхъ вы съ собою взять заблагоразсудите, со всею моею любовію. Я вамъ позволю въ

монастырскихъ дачахъ избрать для себя мѣсто, какое вамъ угодно будетъ, для безмолвнаго и отшельническаго житія по примѣру древнихъ св. отцевъ пустынножителей. Кельи для васъ будутъ изготовлены, какъ скоро вы изъявите на то свое согласіе. Отъ монастырскихъ послушаній вы совершенно будете свободны; увѣряю васъ пастырскимъ словомъ, что я употреблю все мое попеченіе, чтобы васъ успокоить. Любя отъ юности моей отъ всей души монашеское житіе, я буду находить истинную радость въ духовномъ съ вами собесѣдованіи. — Призывая на васъ благословеніе Божіе и моля Господа Іисуса Христа, да совершитъ Онъ благое желаніе ваше, съ моимъ истиннымъ къ вамъ почитаніемъ и братскою любовію имѣю радость быть Вашего Преподобія усерднѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ, епископъ Калужскій. 1820 г. Дек. 15 дня, Оптинская обитель.

P. S. И настоятель теперешній о. Игуменъ Даніилъ очень будетъ радъ пришествію вашему. Онъ человѣкъ весьма добрый и благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите".

Письмо это о. Моисей вручилъ старцу Аѳанасію. По всестороннемъ разсмотрѣніи и обсужденіи вопроса о переходѣ въ учреждаемый скитъ, на общемъ совѣтѣ Рославльскіе старцы согласились послѣдовать приглашенію, понуждаемые къ тому и тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстная земская полиція стала безпокоить ихъ скитки своимъ надзоромъ. О согласіи своемъ на переходъ въ Оптину о. Моисей извѣстилъ письмомъ игумена Даніила. А старецъ о. Аѳанасій 1 Апр. 1821 г. отвѣчалъ, между прочимъ, Архіеписк. Филарету: „когда Богъ благоволитъ положить начало основанію Скита и привесть оный въ совершенство, желательно, чтобы ничѣмъ не причинять неудовольствія обители, чтобы была взаимная поддержка и духовный соблюдался союзъ любви; а для того два главныхъ средства: 1) „чтобы скитъ, ежели только возможно, имѣлъ бы особое содержаніе, посредствомъ Боголюбивыхъ душъ, не нанося стуженія обители о потребностяхъ, и, самимъ, что въ силахъ будемъ, подѣлывать, какъ то: огородный овощъ сажать и рукодѣльемъ, какимъ кто можетъ, по временамъ отъ унынія заниматься, уповая наипаче на Про-

мыслъ, что Онъ не лишитъ нужнаго продовольствія; когда же случится избытокъ въ чемъ,—отдавать въ обитель, а недостатокъ, сколько можно, понести терпѣніемъ. Второе: нужно къ общей тишинѣ не допускать входить въ скитъ мірскихъ лицъ, любопытствомъ побуждаемыхъ, иначе не можно имѣть безмолвія; изъ обители же братіямъ по нуждѣ приходить съ благословенія начальника въ субботу или воскресенье, а прочіе бы пять дней пребывать въ совершенномъ отъ всѣхъ безмолвіи.

На таковомъ учрежденіи, паче же на Вашемъ Архипастырскомъ милосердіи уповаемъ пользоваться отшельническою жизнію, на которую, когда рѣшительно поступитъ собратъ нашъ о. Моисей съ присными своими братьями и со старцемъ, то съ любовію и я послѣдую за ними; только признаюсь, Ваше Преосвященство, въ немощи моей, что я не могу вмѣстить іеромонашеской должности и начальнической, а согласенъ быть наравнѣ съ монашествующими".

Архіепископъ Филаретъ отвѣчалъ на это 24 Апр. 1821 г. „Душевно я порадовался, что Господь Іисусъ Христосъ вложилъ въ сердце ваше благую мысль о водвореніи васъ съ братіею въ Оптиной обители.

По желанію вашему я препоручилъ о. Игумену Даніилу отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни мѣсто на монастырской пасѣкѣ и дозволилъ усердному благодѣтелю, купцу Брюзгину, строить кельи. Когда вы съ братіей прибудете къ намъ, тогда формальнымъ образомъ учредимъ и правила для скитскаго житія по мыслямъ вашимъ и духу св. пустынножителей. — Безмолвіе ваше ограждено будетъ, какъ со стороны братіи монастырской, такъ и со стороны мірскихъ людей.

По полученіи извѣстія о прибытіи вашемъ, я самъ поспѣшу видѣться съ вами, чтобы взаимнымъ совѣтомъ совершить сіе святое и Богоугодное дѣло"...

(P. S.) „Отцу Моисею прошу свидѣтельствовать мою любовь. Я очень благодаренъ за его ко мнѣ писаніе. Особенно къ нему не пишу, ибо увѣренъ, что у васъ одно сердце".

По полученіи письма Владыки, дружина Рославльскихъ отшельниковъ, подъ водительствомъ о. Моисея,

6 Іюня 1821 года прибыла въ Оптинскую Пустынь и водворена на монастырской пасѣкѣ. Старцы же Аѳанасій и Досиѳей остались на мѣстѣ—въ своихъ скитахъ.

Отдохнувши послѣ пути, старцы представились въ Калугѣ Пр. Филарету и получили отъ него пастырское наставленіе и благословеніе на выборъ мѣста для скита.

По общему согласію мѣстомъ для Скита избранъ участокъ въ лѣсу, на границѣ монастырскихъ владѣній, близъ пасѣки, въ 170 саженяхъ отъ Обители, на которомъ существовала одиноко - уединенная келья старца Іоанникія.

Планъ Скита былъ составленъ о. Игуменомъ Даніиломъ и о. Моисеемъ и представленъ на разсмотрѣніе Владыки, который и утвердилъ съ резолюціею 1821 г. Іюня 17 дня: „по сему начертанію строить скитъ да благословитъ Господь Богъ и благодатію Своею да поможетъ совершить!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Владыка почтилъ Игумена письмомъ отъ 18 Іюня 1821 года, въ которомъ писалъ: „Для строенія Скита представили мнѣ пустынножители планъ, который я подписаніемъ своимъ и утвердилъ. Прошу покорно отвести имъ по ихъ и вашему избранію мѣсто; Господь да благословитъ начать имъ доброе и угодное Ему дѣланіе; пусть они трудятся въ очисткѣ мѣста. Ежели готовы матеріалы, то я благословляю обѣими руками строиться, прежде кельи, а потомъ прочее нужное. Я буду къ вамъ въ началѣ Успенскаго поста на цѣлую недѣлю говѣть. Пріятно бы для меня было, ежели бы до того времени они построились.

До рѣшительнаго положенія полныхъ правилъ житія ихъ, прошу васъ теперь же сдѣлать: 1) братіямъ воспретить къ нимъ входъ безъ вашего дозволенія и не въ назначенное время. 2) Женскому полу совершенно возбранить туда входъ, и 3) другимъ мірскимъ людямъ не иначе позволять, какъ съ согласія ихъ старца, 4) во всемъ, гдѣ можно помочь имъ въ построеніи безъ отягощенія монастыря, не откажите. 5) Запретите строго рубить всякой лѣсъ около сего скита, дабы навсегда онъ былъ закрытъ... Довольно пока,- а что еще откроется нужнымъ, я полагаюсь на извѣстное мнѣ благоразуміе и усердіе ваше“.

Главный трудъ при постройкѣ скита состоялъ въ томъ, чтобы срубить вѣковыя сосны и выкорчевать пни.

Приступивъ къ дѣлу, о. Моисей съ своею братіею и съ схимонахомъ Вассіаномъ собственноручно трудились, помогая рабочимъ, нанятымъ на пожертвованные для сего Козельскимъ купцомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Брюзгинымъ деньги 1500 р. Впослѣдствіи Козельскій же купецъ Θедоръ Тимоθеевичъ Третьяковъ пожертвовалъ 1000 р., а также и лѣсъ, занесенный наводненіемъ на монастырскую землю.

Сперва построена была небольшая келья, въ которой поселились всѣ пятеро старцевъ общежительно; обнесли разчищенное мѣсто заборомъ и съ благословенія Владыки заложили 16 Августа 1821 года по его желанію „домовую церковь для архіерейскаго пріѣзда“.

Въ подкрѣпленіе денежныхъ средствъ для дальнѣйшихъ построекъ скита, о. Моисей въ Январѣ 1822 года отправлялся для сбора въ Москву. Чрезъ 6 мѣсяцевъ со дня закладки скитская церковь была окончательно устроена, а 1 Февраля 1822 года полученъ указъ Калужской Дух. Консисторіи съ резолюціей Преосвященнаго: „Домовую для Архіерейскаго пріѣзда церковь освятить по чиноположенію Оптиной Введенской Пустыни Игумену Даніилу, которому и выдать для сего антиминсъ“. Церковь освящена 5 Февраля.

Введеніе Коневскаго устава.

Съ увеличеніемъ въ Оптиной Пустыни и въ новоустроенномъ Скиту братіи, предстояла необходимость установить подробныя правила для общежитія, о правахъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ и послушниковъ. А такъ какъ Святѣйшимъ Синодомъ уже былъ изданъ и предложенъ для подражанія уставъ Коневской Обители, то о. Игуменъ Даніилъ съ братіею обратились къ Преосвященному съ прошеніемъ о введеніи Коневскаго устава къ руководству въ Оптиной Пустыни со Скитомъ, и Преосвященный Филаретъ вручилъ братству Архипастырскую грамату, въ которой изложено слѣдующее: „Божіею милостію Смиренный Филаретъ, Епископъ Калужскій и Боровскій.

Богоспасаемой Калужской епархіи Козельской Введенской пустыни настоятель игуменъ Даніилъ, со всею во Христѣ братіею, во время посѣщенія нами сея святой обители, лѣта 1824 г. Августа 28 дня, представили намъ прошеніе слѣдующаго содержанія: воспоминая данныя ими предъ алтаремъ Господа нашего Іисуса Христа и Церковію Его святою обѣты провождать постническое по Бозѣ житіе во всякой трезвенности, цѣломудріи, нестяжательности, послушаніи и взаимной другъ ко другу любви евангельской, въ надеждѣ получить отъ Господа Царствіе небесное, обѣтованное любящимъ Его и работающимъ Ему всѣмъ сердцемъ въ храненіи святыхъ Его заповѣдей, по примѣру преподобныхъ отецъ, установившихъ правила общежительныхъ монастырей, имѣютъ они искреннее и единодушное желаніе исполнять уставъ общежительнаго монастыря, писанный для Коневской обители, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ разсмотрѣнный и для подражанія во всѣ епархіи Россійской Церкви разосланный. Почему, призвавъ въ помощь Господа и Спасителя нашего, да сила Его совершится въ немощахъ ихъ, просили насъ благословить ихъ намѣреніе и, для введенія означеннаго устава въ Козельской Оптиной Пустыни, снабдить ихъ архіерейскою нашею грамотою. Имѣя пастырское попеченіе о благоустройствѣ сей обители, по мѣстному своему положенію весьма способной къ монашескому житію, вручили мы вышеозначенный уставъ, яко душеспасительный, игумену Даніилу при всей братіи, въ соборной Введенія въ храмъ Пресвятыя Дѣвы Матери Божіей церкви, для всегдашняго храненія изложенныхъ въ немъ правилъ, какъ въ обители, такъ и въ устроенномъ при ней, по благословенію нашему, отъ доброхотныхъ христолюбивыхъ подателей, скитѣ, для желающихъ провождать безмолвную жизнь. Калужской духовной консисторіи препоручаемъ препроводить сію грамоту къ настоятелю игумену Даніилу съ братіею, и пастырскимъ нашимъ словомъ завѣщаваемъ предъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, дабы данный сей обители уставъ на всегда сохраняемъ былъ нерушимо. Дана въ Богоспасаемомъ градѣ Калугѣ, въ домѣ нашемъ, въ лѣто мірозда-

нія 7332, воплощенія же Слова Божія 1824 года мѣсяца Септемврія въ 8 день, съ приложеніемъ архіерейской печати".

Въ виду явившейся потребности имѣть помощника Игумену Даніилу, Пр. Филаретъ въ письмѣ отъ 13 Окт. 1824 г. между прочимъ писалъ ему слѣдующее: „очень знаю и чувствую, что тебѣ нуженъ добрый, твердый и опытный помощникъ, и я бы крайне хотѣлъ, чтобы согласился быть таковымъ боголюбезный братъ о. Моисей, такъ чтобы и обитель и скитъ были *единое неразрывное*, что и весьма нужно для утвержденія навсегда скита. Поговорите съ нимъ, вмѣстѣ прочитавши сіе мое посланіе: и, ежели нужнымъ найдете, то чтобы онъ ко мнѣ пріѣхалъ для личнаго собесѣдованія".

Между тѣмъ на окончаніе постройки скита нужны были деньги, а ихъ не было, почему о. Моисей вынужденъ былъ вторично отправиться въ Москву для сбора подаяній въ Январѣ мѣсяцѣ 1825 года. Только что пріѣхалъ о. Моисей въ Москву и приступилъ къ сбору, какъ получилъ отъ Игумена Даніила письмо, съ нарочнымъ на монастырскихъ лошадяхъ, (отъ 5 Февраля 1825 года), извѣщавшее, что Преосвященный Филаретъ, по указу Св. Синода, полученному имъ 28 Января, переведенъ на Рязанскую каѳедру, а онъ, Даніилъ,—въ должность настоятеля Добринскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, съ порученіемъ по обязанности благочиннаго смотрѣть за всегдашнимъ порядкомъ общежительности и скитской жизни иночествующихъ Оптиной Обители, а Оптина Пустынь со скитомъ поручена въ управленіе и настоятельство ему о. Моисею".

Прибывъ изъ Москвы въ Оптину Пустынь, о. Моисей принялъ по описи все церковное имущество при братіи и членахъ Козельскаго Духовнаго Правленія, о чемъ и донесъ Консисторіи 21 Марта, тогоже 1825 г. за № 16.

На Калужскую каѳедру вступилъ Преосвященный Григорій (Постниковъ), который и утвердилъ о. Моисея въ строительской должности 12 Сентября 1826 года.

V.

НАСТОЯТЕЛИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ И СТАРЦЫ.

(по устроенiи Скита).

О. МОИСЕЙ—Настоятель Оптиной Пустыни.

Сынъ Серпуховскаго купца Ивана Григорьевича Путилова, Тимоѳей (въ монашествѣ Моисей) родился въ г. Борисоглѣбскѣ Ярославскомъ 15 Янв. 1782 года. 19 лѣтъ поступилъ на службу къ откупщику Карпышеву въ Москвѣ. Тамъ все свое свободное отъ службы время онъ проводилъ въ чтенiи Священнаго Писанiя и изыскивалъ случаи видѣть опытныхъ духовныхъ лицъ, получать отъ нихъ благословенiе и назиданiе. Въ то время въ Москвѣ жила монахиня Досиѳея, *) по повелѣнiю Екатерины II заточенная въ 1785 г. въ Ивановскiй монастырь. По смерти Екатерины II, она стала пользоваться большею свободою. Годы уединенiя и созерцательно благочестивой жизни обогатили ее высокими духовными дарованiями, такъ что она преподавала духовные совѣты и другимъ людямъ, подходившимъ къ окну ея кельи и просившимъ ея молитвъ и благословенiя, при чемъ допускала нѣкоторыхъ и въ свою келью.—Отъ нея Тимоѳей получилъ совѣтъ поручить себя духовному руководству Намѣстника Новоспасскаго монастыря—Iеромонаха Александра (впослѣдствiи Архимандрита Арзамасскаго монастыря) и его духовнаго друга—Iеромонаха Филарета. Оба находились въ духовномъ общенiи съ Паисiемъ Величковскимъ **). По совѣту о. Александра, Тимоѳей съ меньшимъ братомъ Iоною отправились въ 1805 г. сначала въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время подвизались: о. Серафимъ (въ дальней пустыни), больной строитель Исаiя, Валаамскiй

---

*) Таинственная монахиня, по догадкамъ,—была извѣстная княжна Августа Тараканова, дочь Императрицы Елизаветы Петровны.

**) Чрезъ посредство его учениковъ.

игуменъ Назарій, схимонахъ Маркъ и др. Затѣмъ, въ 1808 году, по совѣту о. Александра, Тимоѳей перешелъ въ Свѣнскій монастырь, гдѣ жили старцы: о. Серафимъ, ученикъ его Василій Кишкинъ, ученикъ Паисія Величковскаго—схимникъ Аѳанасій, изъ сенатскихъ секретарей. Іеродіаконъ Анастасій и другіе.

Въ 1810 г. Тимоѳей представленъ былъ въ Св. Синодъ къ постриженію, но Синодъ, указомъ 8 Марта 1810 года, въ постриженіи отказалъ, такъ какъ въ этомъ монастырѣ еще не былъ имъ пройденъ трехлѣтній искусъ.

Чрезъ нѣсколько времени пришлось брать въ Москвѣ новое увольненіе, но, получивъ его 16 Марта 1811 г., о. Моисей, по совѣщанію съ опытнымъ старцемъ Адріаномъ, избралъ жизнь пустынную въ Рославльскихъ лѣсахъ, о каковой жизни онъ наслышанъ былъ отъ Свѣнскихъ монаховъ, тамъ бывавшихъ, и въ особенности по указанію о. Александра (Симоновскаго). О. Моисей жилъ десять лѣтъ въ этихъ лѣсахъ подъ руководствомъ старца Аѳанасія. Отличаясь природнымъ даромъ краснорѣчія, онъ былъ, однако, строгій молчальникъ, избѣгая многорѣчія, чтобы не сказать празднаго слова и не отвлекаться отъ внутренней молитвы.

Въ свободное отъ молитвъ время главнымъ занятіемъ о. Моисея было чтеніе и переписываніе святоотеческихъ книгъ. Еще будучи въ Свѣнскомъ монастырѣ въ 1810 г. и въ Бѣлобережской Пустыни въ 1813, онъ переписалъ полууставомъ, съ перевода Паисія Величковскаго, книгу св. Іоанна Лѣствичника—житіе Симеона Новаго Богослова, поучительныя слова его и „стишную книгу". Въ Рославльскомъ лѣсу у старца Аѳанасія онъ нашелъ еще многія другія рукописи святоотеческихъ книгъ, переведенныхъ тѣмъ же Паисіемъ. На обязанности о. Моисея лежалъ также пріемъ и успокоеніе странныхъ; онъ приготовлялъ для нихъ, кромѣ хлѣба, какую нибудь горячую пищу: щи, или похлебку. Въ подобныхъ трудахъ и подвигахъ, между которыми молитва и богомысліе занимали главное мѣсто, мирно протекала жизнь о. Моисея вплоть до назначенія въ строители пустыни.

Управленіе о. Моисея.

Въ должности строителя о. Моисей утвержденъ 12 Сентября 1826 г. Преосвященнымъ Григоріемъ, преемникомъ Филарета, 43 лѣтъ отъ роду.

По всей справедливости слѣдуетъ сказать, что онъ, подобно древнимъ знаменитымъ старцамъ, устроилъ монастырь и собралъ братію, въ полномъ смыслѣ слова, и наружно и внутренно.

Пустынь принята была имъ съ долгами до 12-т. рублей. Въ ней, по спискамъ за 1826 годъ, состояло братства 46 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 іеромонаховъ, 4 іеродіакона, 17 монаховъ и 17 послушниковъ.

Указомъ Св. Синода отъ 20 Іюня 1832 г. дозволено имѣть 30 монаховъ и столько же послушниковъ.

По Высочайше утвержденному 8 Февраля 1857 г. опредѣленію Синода, разрѣшено къ прежнему монастырскому штату прибавить 12 монаховъ и 12 послушниковъ, для Предтечева Скита *).

При пріемѣ Пустыни въ 1826 году въ ней находились слѣдующія зданія: одна каменная церковь (Казанская), колокольня, трапеза, настоятельскій корпусъ, два братскихъ корпуса каменныхъ и два деревянныхъ одноэтажныхъ,—соборъ Введенскій, очень тѣсный, и больничная церковь во имя Владимірской Божіей Матери.

Попеченіемъ о. Моисея Введенскій соборъ былъ распространенъ чрезъ пристройку къ нему двухъ боковыхъ придѣловъ съ папертями; къ больничной церкви сдѣлана пристройка келлій; изъ старой братской трапезы устроена церковь во имя преп. Маріи Египетской, построена церковь кладбищенская; надъ братскими одноэтажными корпусами надстроены верхніе этажи; построены вновь семь братскихъ корпусовъ внутри Пустыни; устроена каменная ограда съ семью башнями, новая трапезная, библіотека, гостинницы изъ восьми корпусовъ съ тремя флигелями; два конныхъ двора съ братскими при нихъ келіями, скот-

*) Въ Августѣ 1865 г. уже дозволено принимать и постригать столько, сколько обитель можетъ содержать.

ный дворъ, заводы кирпичный и черепичный: на мѣстѣ сгорѣвшей Болотской мельницы выстроена новая; наконецъ, построенъ скитъ.

Лежавшій на Пустыни долгъ въ 12 тысячъ рубл. уменьшенъ на 5-ть; остальной же долгъ, по кончинѣ о. Моисея, заплатилъ одинъ почитатель его, въ уваженіе къ памяти почившаго.

Число братства въ 1832 году было 57 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 іеромонаховъ. 2 священника, 5 іеродіаконовъ, 12 монаховъ и 25 послушниковъ.

А въ 1857 г. было уже 104 человѣка, въ томъ числѣ іеромонаховъ 19, іеродіаконовъ 13, монаховъ 22, послушниковъ 44 и сверхъ штата 6 человѣкъ.

При управленіи Пустынью о. Моисею надлежало осуществить, по желанію братіи и благословенію Епископа Филарета, уставъ Коневской обители, рекомендованный Св. Синодомъ, и напечатанный въ руководство всѣмъ обителямъ Россійской Имперіи.

По этому уставу (ч. 2 гл. а и б) „подобаетъ въ духовная начальства избирать благонравныхъ и въ житіи иноческомъ искусныхъ, безпорочныхъ и свидѣтельствованныхъ, добрѣ свѣдущихъ разумъ писанія и уставъ житія монастырскаго и монашескаго, да печется о спасеніи братнихъ душъ, а не о устроеніи точію стѣнъ, и собранія многаго богатства“.

Таковъ былъ на самомъ дѣлѣ и о. Моисей, какъ настоятель.

Десять лѣтъ, прожитыхъ имъ въ Рославльскихъ дремучихъ лѣсахъ въ уединеніи, послужили ему прекрасной предварительной подготовкой къ усовершенію своего внутренняго духа.

Пустынники Рославльскіе имѣли по маленькой кельѣ въ верстѣ одна отъ другой и жили въ полнѣйшемъ уединеніи. Въ полночь вставали для келейныхъ молитвословій, а въ праздникъ собирались въ келью къ одному изъ старцевъ на общую молитву. На великіе праздники приходилъ къ нимъ изъ ближайшаго села старецъ священникъ и пріобщалъ ихъ запасными Св. Дарами. Питались они своими трудами въ огородѣ, въ которомъ, по

дурному качеству почвы, мало что родилось, кромѣ рѣпы. Пища, впрочемъ, была у нихъ послѣдней заботой. Они занимались рукодѣльемъ и на выручку за рукодѣлье покупали хлѣбъ. Безмолвіе было полнѣйшее. Для людей плотскихъ такое уединеніе—это смерть. Для человѣка же духовнаго уединеніе—есть неизсякаемый источникъ духовной жизни, наилучшее средство обогащенія души благодатными сокровищами.

Все время своего строительства и настоятельства въ Пустыни о. Моисей строился, но строился не по прихоти, а по нуждѣ и, въ особенности, потому, что постройки служили для него лучшимъ средствомъ къ оказанію дѣйствительной помощи рабочему народу. И постройки начиналъ онъ всегда безъ средствъ, въ надеждѣ только на Бога, въ особенности въ неурожайные годы, каковъ былъ напр. 1839 годъ. Въ такое голодное время о. Моисей увеличилъ работы по постройкѣ большой каменной ограды, начатой въ 1832 г. вокругъ всего монастыря. Въ тотъ злополучный годъ, когда Господь заключилъ небо для дождей, и земля не принесла плодовъ, когда пудъ муки ржаной продавался по три съ половиной рубля (ассигнаціями) и доходилъ до 4 рублей, а мѣра крупъ гречневыхъ по 4 р., о. Моисей послалъ сборщиковъ въ сѣверныя губерніи: Ярославскую, Костромскую, Вологодскую и Тверскую, для сбора пожертвованій на содержаніе братіи.

Сборщики и въ тѣхъ мѣстахъ встрѣтили общую нужду. „Ѣдешь лѣсами и деревнями, — говорилъ одинъ сборщикъ, а тамъ слышится стонъ отъ вопля голодныхъ. Не находя ничего дома, чѣмъ бы утолить голодъ, крестьяне скитались по лѣсамъ, сбирали древесный листъ, рубили и ѣли его пополамъ съ мякиной и соломой. А то раскапывали гнилые пни, мѣшали гнилушки съ мякиной и листьями и ими питались. Глядя на великую нужду народа, слезами обливались сборщики, и имъ было уже не до сбора.

Кромѣ ограды, о. Моисей началъ въ тоже время строить каменныя гостинницы для пріѣзжихъ, которымъ доселѣ служитъ пріютомъ одинъ деревянный флигелекъ съ мезонинчикомъ. Для новой гостинницы нужно было срыть

гору; землю срыли и вывезли въ озеро, что у берега Жиздры, и насыпали земли на три аршина вышины.— Одновременно съ этимъ перевозъ чрезъ Жиздру былъ устренъ на другомъ мѣстѣ; причемъ къ новому мѣсту перевоза о. Моисей сдѣлалъ насыпь и обсадилъ дорогу ракитами, такъ что теперь озеро осталось лишь по другую сторону дороги, для нуждъ прачешной и для пожарныхъ случаевъ.

Строительская дѣятельность о. Моисея вызвала вначалѣ ропотъ нѣкоторыхъ маловѣрныхъ изъ братіи, которые стали высказывать, что самимъ-де ѣсть нечего, а вотъ такія постройки затѣваются! О. Моисей терпѣливо сносилъ это недовольство, не смотря на то, что послѣднее склоненъ былъ поддержать даже родной братъ о. Моисея, іеромонахъ Антоній. Всегда имѣвшій къ нему — настоятелю полное послушаніе, какъ къ родному отцу, о. Антоній рѣшился однако объясниться съ о. Моисеемъ. „Я такъ думаю, батюшка,—сказалъ однажды о. Антоній, — ужъ не оставить ли до другого времени эти постройки? Сами видите, какія трудныя времена застали васъ за этими дѣлами?“

Въ это время дѣйствительно весь монастырь биткомъ набитъ былъ голодными людьми, и у многихъ изъ нихъ не было дома и корки хлѣба.

О. Моисей остановился, потеръ себѣ руку объ руку, опустивъ въ землю глаза, пошевелилъ губами (это была его привычка, когда что обдумывалъ), и говоритъ о. Антонію: „надо оставить. Да! (И, переждавъ, пока отступилъ отъ нихъ подалѣе келейникъ, сталъ внушать о. Антонію въ полголоса): „эхъ, брате мой! На чтожъ мы образъ-то ангельскій принимали? Спасителемъ нашимъ клялись! На чтожъ Онъ душу-то Свою за насъ положилъ. Зачѣмъ же слова любви-то Онъ проповѣдалъ? На то ли, чтобы мы только предъ людьми казались ангелами, чтобы великое слово о любви къ ближнему повторяли только устами, а на дѣлѣ втуне его оставляли? чтобы ругались Его страданію за насъ? Чтожъ народу-то—развѣ съ голоду умирать? Онъ вѣдь во имя Христово проситъ избавить его отъ голодной смерти. Чтожъ, мы и откажемъ

Христу-то, нашему Спасителю, нашему Благодѣтелю, Которымъ мы и живемъ и движемся и есмы? Да развѣ это можно? Развѣ можно сказать голодному: ты мнѣ чужой, мнѣ до тебя дѣла нѣтъ; уходи отсюда; умирай!... Нѣтъ!—Нѣтъ! будемъ дѣлать для самого же народа, дондеже Господь не закрылъ еще для насъ щедрую Свою руку. Онъ подаетъ намъ Свои дары для того, чтобы мы не прятали ихъ подъ спудомъ, не накопляли себѣ горячихъ угольевъ на голову, а чтобы возвращали въ такую-то вотъ годину тому же народу, отъ котораго ихъ получили. Мы для него беремъ на сбереженье его трудовыя лепты“ *). И, говоря это, о. Моисей прослезился.—О. Антоній палъ предъ нимъ на землю тоже въ слезахъ, также палъ и послушникъ. Старецъ смутился: „Что вы, что вы, говоритъ, братіе! Встаньте, Господь съ вами“!

Иной не рѣшился бы и подумать начинать дѣло безъ денегъ, но онъ такъ былъ увѣренъ въ помощи Божіей, что нисколько не задумался начинать необходимую постройку. И рабочіе привыкли къ мысли, что Богъ на долю ихъ пошлетъ средства. Если понадобятся имъ деньги, а онъ попроситъ ихъ повременить день, другой,—рабочіе уже знаютъ, что денегъ дѣйствительно у батюшки нѣтъ,—и не ропщутъ. И точно: Богъ не оставлялъ помощію: глядишь,—и везутъ что-нибудь съ почты. И онъ же первый самъ бывало придетъ на работы и скажетъ рабочимъ: „ну, братіе (онъ всѣхъ звалъ братіями), мнѣ Господь на вашу долю послалъ. Давайте, подѣлимся“! И сейчасъ же раздастъ, кому что нужно.

Только и помышленій было у этого старца, чтобы всякаго успокоить, утереть слезы, облегчить скорбь. О благотворительности его невозможно всего передать. Придутъ къ нему, бывало, изъ города бѣдныя женщины попросить на зиму сѣнца для своихъ коровъ, онъ и спроситъ эконома: много ли у насъ сѣна-то“? „Да, батюшка, сѣна только про себя“. Покойный будто и согласится съ нимъ и скажетъ женщинамъ: „у насъ у самихъ столько-то коровъ и лошадей, и сѣно самимъ тоже нужно“. Между тѣмъ, за-

*) Душ. Чт. 1897 г., № 11.

пишетъ ихъ адреса и отпуститъ, не обнадеживъ и не отказавъ. Потомъ, когда придетъ время поднимать стога, позоветъ къ себѣ эконома и спроситъ: „Вотъ у тебя на лугу у города стоитъ стожокъ; когда-жъ ты будешь его возить“?— „Да думаю завтра, если благословите“.—„То-то, ты ужъ поскорѣй, а то занесетъ его снѣгомъ, къ нему и подъѣхать будетъ нельзя. Да кстати вотъ случилось какое дѣло: приходили ко мнѣ изъ города женщины и просили продать имъ сѣнца. Я и говорилъ имъ, что сѣно нужно самимъ, да онѣ набросали тутъ денегъ, одна полтора рубля, а другая два. Такъ ужъ нечего дѣлать, надо имъ отвезти. Ты ужъ имъ отвези“. Но женщины и не думали давать денегъ. Это онъ сначала узнаетъ, дѣйствительно ли онѣ нуждаются въ помощи, есть ли у нихъ дѣти и коровы, а потомъ и пошлетъ имъ помощь.

Въ его время братія заготовляли въ лѣсу на зиму дрова, каждый для своей кельи. Не было отказа въ валежникѣ и бѣднымъ Козельскимъ жителямъ, не говоря про пособіе хлѣбомъ и деньгами по возможности.

Пріѣхалъ къ старцамъ въ Оптину одинъ Настоятель и проходя по дорожкѣ къ кельѣ о. Моисея, увидѣлъ мальчика, сидящаго при дорожкѣ. „Ты что тутъ дѣлаешь?“ спросилъ настоятель.—„Кротовъ ловлю“, отвѣчалъ онъ.— „И жалованье за это получаешь?“—„Получаю“.—Идетъ настоятель далѣе.—Сидитъ у яблони другой мальчикъ. „А ты что дѣлаешь?“ спрашиваетъ настоятель.—„Воронъ пугаю отъ яблони, чтобы яблоки не портили“—„И жалованье получаешь?“ — „Получаю“.

Входитъ Настоятель къ о. Моисею и при разговорѣ высказываетъ ему свое удивленіе, что „мальчики у васъ на жалованьѣ: одинъ тутъ кротовъ ловитъ“.... „Да, прервалъ его старецъ, кротъ—это вредный звѣрокъ, у лучшихъ растеній иногда подкапываетъ корни“. — Но другой-то только воронъ пугаетъ. „Да, и эта птица вредна, самое лучшее яблоко испортитъ, да испортитъ. Вотъ, я и долженъ нанимать мальчиковъ, да и мальчики-то— сироты“.—А это было во время неурожая. Какъ ни прикрывалъ о. Моисей дѣла милосердія, но иногда случалось, что они нечаянно обнаруживались. Такъ, при посѣ-

тителяхъ однажды вошла бѣдная женщина съ подушкою въ рукахъ. О. Моисей вышелъ къ ней въ переднюю и спросилъ ее: что тебѣ надобно? „Да вотъ, батюшка, не купите ли подушку?“—„Нѣтъ, намъ не надобно!“—отвѣчалъ о. Моисей. — „Возьмите, батюшка, сдѣлайте милость! У меня дѣти голодныя, намъ нечего ѣсть!“ — „А что стоитъ эта подушка?“—„Полтора рубля“.—„Хорошо!“

Пошелъ къ себѣ въ спальню, взялъ кредитную бумажку и подалъ вдовѣ. Женщина поклонилась и вышла.— Но едва сѣлъ онъ на мѣсто для бесѣды съ посѣтителемъ, какъ женщина вернулась въ переднюю и говоритъ: „батюшка, вы должно быть ошиблись, дали пять рублей“.— „Ступай, ступай, сказалъ о. Моисей, я цѣну знаю“.—Женщина ушла.

Такія сердечныя отношенія къ ближнимъ постоянно имъ поддерживались, и вся забота о пропитаніи братіи и о помощи нуждающимся лежала на немъ одномъ.

Онъ держался по отношенію къ себѣ слѣдующихъ правилъ:

Пищу принимать однажды въ день, въ обѣдъ.

Не начинать разговора о душевной пользѣ брата, не выслушавъ напередъ его объясненій, и послѣ обращенія своего ума къ Богу.

Послѣ бесѣды вмѣстѣ помолиться.

Ради смиренія призывать молитвы братіи.

Погрѣшности, братомъ исповѣдуемыя, принимать на себя и каяться какъ въ собственныхъ своихъ; не судить ихъ строго, не воспламеняться гнѣвомъ.

Стремясь сохранять въ братствѣ миръ и любовь, старецъ и самъ искалъ мира со всѣми. Онъ не приступалъ къ священнослуженію не примирясь съ тѣми, кого онъ, по его мнѣнію, поставилъ къ себѣ въ немирныя отношенія. Къ старшимъ изъ братіи самъ ходилъ, а младшихъ къ себѣ призывалъ и первый самъ испрашивалъ прощеніе. Въ откровенной бесѣдѣ съ присными своими, онъ говаривалъ: „когда я готовлюсь служить, меня всегда озабочиваетъ помыслъ: все намъ Богъ посылаетъ; міръ не оставляетъ насъ приношеніями; но есть, можетъ быть, человѣкъ, котораго я оскорбилъ неумышленно, отказалъ ему

въ чемъ нибудь, лишилъ его, можетъ быть, крова, не далъ ему дневнаго пропитанія, и онъ держитъ гнѣвъ на меня. А я не знаю его и не примирился съ нимъ. Поэтому, когда я приступаю къ служенію, первый поклонъ предъ престоломъ я всегда кладу за такихъ и молю моего Господа: укажи мнѣ его, чтобы я имѣлъ возможность примириться съ нимъ и седмерицею воздать за все, чего я лишилъ его".

Почти сорокъ лѣтъ управлялъ о. Моисей обителью, но его начальственнаго голоса какъ будто и не слышно было. Никому никогда не кололъ глаза онъ своимъ настоятельствомъ и не выдѣлялся отъ старшей братіи, а былъ первый въ храмѣ, первый въ трудахъ, по Евангельскому слову: „болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга".

Къ братіи относился онъ съ искреннею любовію, имѣя въ виду, что молодой человѣкъ—какъ воскъ: изъ него все можно сдѣлать при благоразуміи и братскомъ терпѣніи. Никого изъ монастыря не выгонялъ; напротивъ, чѣмъ большими одержимъ былъ человѣкъ немощами, тѣмъ больше онъ на него обращалъ вниманія и ходитъ бывало за нимъ, какъ мать за малымъ ребенкомъ. „Онъ пришелъ къ намъ въ обитель искать спасенія, такъ разсуждалъ о. Моисей,—съ любовію пришелъ къ намъ, довѣрилъ намъ душу и вѣчное спасеніе намъ поручилъ. А мы за его любовь заплатимъ ему презрѣніемъ. Да не будетъ! Христосъ немощи всего человѣчества воспріялъ на Свои рамена, а мы не потерпимъ немощи одного человѣка? Падшихъ поднимаютъ, немощныхъ врачуютъ, а не топчутъ, не изгоняютъ. Какой же врачъ будетъ гонять отъ себя больныхъ? За каждую порученную намъ душу мы должны отчетъ Богу дать. Богъ истяжетъ насъ на страшномъ судѣ, если мы дадимъ погибнуть душѣ нашего брата. Мы взяли его на свои руки, мы за нимъ ходили, мы его пѣстовали, за что же другой-то приметъ мзду за наше насажденіе".

Нужно-ли было вразумить кого, онъ не нашумитъ, не накричитъ, не оскорбитъ. Если кто сдѣлаетъ что нибудь неподобное, онъ только потретъ себѣ руки, пожуетъ гу-

бами и молвитъ: „да, *недостаточенъ* братъ ты“. И больше ни слова. Если съ кого требовалось взыскать за какую либо вину, такъ онъ не тотчасъ позоветъ его къ себѣ, дабы не дать мѣста гнѣву, а позоветъ къ себѣ на другой день, когда утихнетъ волненіе и выйдетъ къ провинившемуся не прежде, какъ побывавъ въ своей образной,— постоитъ, помолится и тогда только выйдетъ, начнетъ говорить тихо, кротко и съ любовію, съ чрезвычайною осторожностью въ словахъ. Иной виноватый согласился бы лучше положить въ трапезѣ двѣсти поклоновъ, чѣмъ выслушивать его кроткое увѣщаніе.

Иногда же о. Моисей и наказывалъ, чѣмъ бы вы думали? — подарками! Это смотря по винѣ. Съ трепетомъ ждетъ бывало провинившійся въ чемъ, какъ о. Моисей пришлетъ келейника съ приказомъ явиться къ нему на другой день и, явившись, ждетъ себѣ выговора отъ настоятеля. Но онъ, встрѣтивъ виновнаго благодушно, любовно, заговоритъ совсѣмъ о другомъ какомъ либо предметѣ, не касающемся вины, и, вмѣсто выговора, вынесетъ чаю, или сахару, и скажетъ: „у тебя, братъ, чай небось уже вышелъ! Возьми, кушай на здоровье“. И только.

Обладая даромъ слова, знаніемъ сердца человѣческаго, и изучившій Св. Писаніе и ученіе Св. Отецъ, — словомъ, исполненный духовной мудрости, о. Моисей признавалъ, однако, трудность совмѣщенія въ одномъ лицѣ трехъ обязанностей — Настоятеля Пустыни, духовника и наставника или старца, и потому, исполняя одну многосложную настоятельскую должность, поручилъ духовное руководство братіи Пустыни и Скита о. Леониду, къ нему же направлялъ и посѣтителей Пустыни, для очищенія совѣсти и руководства въ духовной жизни *).

*) Основаніемъ къ сему былъ уставъ Коневской Пустыни, по которому, между прочимъ, „должность духовника состоитъ въ совершеніи таинства покаянія“, а должность „наставника (или старца) въ томъ, чтобы желающаго иночества руководительствовать къ богоугодной жизни частыми и полезными наставленіями. „Наставникомъ иногда можетъ быть по благословенію Настоятеля и простой монахъ, искусный въ духовной жизни, который вразумляетъ брата, открывающаго ему свои мысленныя брани, противоборствовать искушеніямъ вражескимъ, возбуждаетъ къ по-

О старчествѣ, или духовномъ руководительствѣ.

Святый Іоаннъ Лѣствичникъ въ словѣ 26. § 31 пишетъ: „свѣтъ монаховъ суть Ангелы, а свѣтъ для всѣхъ человѣкъ монашеское житіе, и потому да подвизаются иноки быть благимъ примѣромъ во всемъ, никому же ни въ чемъ же претыканіе дающе, ни дѣлами, ни словесами. Если же свѣтъ сей бываетъ тьма, то оная тьма, т. е. сущіе въ мірѣ, кольми паче помрачаются“.

„Изшедшимъ изъ міра необходимъ наставникъ, ходатай къ Богу и по Богѣ, который, стоя посреди дѣянія и видѣнія, воздѣвалъ бы за насъ руки къ Богу, чтобы наставляемые имъ перешли море грѣховъ и побѣдили Амалика страстей; ибо изшедшіе изъ Египта имѣли наставникомъ Моисея, а избѣжавшіе изъ Содома — Ангела (сл. 1, 7)“.

„Молитвами и слезами умоли Бога показать тебѣ человѣка, который бы могъ хорошо упасти тебя“, говоритъ Симеонъ Новый Богословъ (Добр. 1 ч. 33, 109).

„Истиннаго пастыря укажетъ любовь, ибо изъ любви

каянію и исповѣданію грѣховъ предъ отцемъ духовнымъ, а самъ онъ не разрѣшаетъ отъ грѣховъ“.

Всѣхъ болѣе духовникъ долженъ помогать Настоятелю въ спасеніи братіи.

Въ спасительномъ дѣлѣ духовникъ долженъ руководиться словомъ Божіимъ, богомудрыми отеческими писаніями, правилами Святыя Церкви, и правилами положенными въ семъ уставѣ. Въ недоумѣніи же вопрошать Настоятеля, и его разсужденію и воли, по волѣ Божіей, всегда слѣдовать.

Относительно же Скита содержатся въ уставѣ слѣдующія правила.

Избраніе въ Скитъ Начальника изъ братіи зависитъ отъ Настоятеля со старшею братіею.

Женамъ входъ въ трапезу и кельи воспрещается.

Посвятившіе себя скитской жизни подчинены начальнику скитскому, о спасеніи которыхъ онъ долженъ имѣть попеченіе.

Содержаніе какъ церкви скитской всѣмъ потребнымъ, такъ и скитянъ пищею, одеждою и иными потребностями, зависитъ отъ монастыря. А посему и доходы скитскіе и плоды трудовъ скитянъ обращаются въ пользу монастыря. Дано-ли будетъ отъ благотворителей кому либо изъ скитскихъ подаяніе ему собственно, онъ можетъ получить; но не долженъ почитать сего своею собственностію, вопреки доброй совѣсти и правилъ св. отецъ а долженъ все подаяніе обратить въ общій монастырскій доходъ.

предалъ Себя на распятіе Великій Пастырь (Лѣств. слов. къ паст. 5, 5).

Вообще, у всѣхъ отцевъ, писавшихъ руководство къ духовной жизни, первымъ правиломъ для вступающаго въ духовную жизнь ставится въ обязанность имѣть духовнаго отца и руководителя, и его слушаться. Такъ, Григорій Синаитъ говоритъ: „безъ учителя самому успѣть въ умномъ дѣланіи невозможно. Что дѣлаешь самъ по себѣ, а не по совѣту предуспѣвшихъ; то рождаетъ опасное самомнѣніе. Если Сынъ Божій ничего не творилъ Самъ о Себѣ, но какъ научилъ Его Отецъ, такъ творилъ, и Духъ Святый не о Себѣ глаголалъ, то кто это такой между нами до такой достигъ высоты совершенства, что уже не требуетъ никого инаго, кто бы руководилъ его! Гордость это, а не добродѣтель. Такой уже въ прелести состоитъ, т. е. вступилъ на ложный путь уклоненія къ заблужденіямъ“.

Такъ же учитъ и Каллистъ патріархъ: „прежде всего попекись найти себѣ наставника и учителя непрелестнаго, и, нашедши его, вполнѣ отдайся ему какъ отцу родному сынъ отцелюбивый, ходя по повелѣніямъ его неуклонно, и на него взирая какъ на Самого Христа“.

И Пр. Петръ Дамаскинъ пишетъ въ 11 словѣ о разсужденіи: „весьма хорошо о всемъ вопрошать, но опытныхъ, а неопытныхъ опасно, потому что они не имѣютъ разсужденія. Разсужденіе знаетъ время, потребности, устроеніе человѣка, свойство его, силу, вѣденіе вопрошающаго, произволеніе его, намѣреніе Божіе, смыслъ каждаго изреченія Божественнаго Писанія и многое другое. Неимѣющій разсужденія, можетъ быть, и много трудится, но не достигаетъ цѣли. Если же найдется человѣкъ, имѣющій разсужденіе, то онъ бываетъ руководителемъ слѣпыхъ, и свѣтомъ для находящихся во тьмѣ, и къ нему должны мы во всемъ обращаться и принимать отъ него все, хотя, быть можетъ, по неопытности нашей и не то находимъ, чего желаемъ. Однако, имѣющій разсужденіе изъ того наиболѣе бываетъ познаваемъ, что онъ можетъ и не желающихъ и не охотныхъ расположить къ тому, что говоритъ. Ибо чрезъ него дѣйствуетъ Духъ, испытующій все и со-

вершающій Божественныя дѣла, такъ что можетъ и нехотящій умъ заставить вѣрить, подобно Іонѣ, Захаріи и Давиду, бывшему изъ разбойниковъ, которому Ангелъ воспретилъ говорить, за исключеніемъ только молитвеннаго пѣснопѣнія.—Если же, можетъ быть, нынѣ, въ родѣ семъ, нѣтъ имѣющихъ разсужденія, по оскудѣнію рождающаго оное смиренія, то мы должны о каждомъ начинаніи съ трудомъ (съ терпѣніемъ) молиться, по слову Апостола (Колос. 4, 2)".

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ оставившіе міръ предаютъ свои души руководству старца, съ отсѣченіемъ своей воли. Такой путь спасенія признанъ всѣми Св. Отцами самымъ надежнымъ и изъ всѣхъ путей удобнѣйшимъ.

„Кто не обратится къ Царству Небесному какъ дитя, тотъ не можетъ войти въ него (Мѳ. XVШ 3)", сказано въ Св. Евангеліи.

Въ простотѣ повинующіеся, ради Господа, благополучно совершаютъ путь свой, не навлекая на себя коварства бѣсовъ своими тонкими изслѣдованіями вѣры и нравственности.

Марко постникъ въ гл. 78-й пишетъ: „человѣкъ совѣтуетъ ближнему яко вѣсть, Богъ же дѣйствуетъ въ слышащемъ, якоже вѣрова" *).

Отличіе православнаго духовнаго руководства отъ инославнаго.

Православная вѣра наша требуетъ нравственнаго совершенства личности. „Совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его, вѣрующіе облекаются въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его (Кол. III, 9).

Въ западныхъ религіяхъ христіанскихъ спасеніе (души) понимается какъ внѣшнее воздаяніе за извѣстное количество внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ (католичество), или за

*) Здѣсь оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ отношеніяхъ старца и его чадъ къ власти Епископа.

теоретическую вѣру въ Божество Іисуса Христа (протестантизмъ).... А то, что *вѣчная жизнь уже явилась*, какъ говоритъ Св. Апостолъ Іоаннъ, что это блаженное общеніе съ Богомъ достигается неуклоннымъ подвижничествомъ еще *здѣсь*, какъ говоритъ Пр. Макарій великій, всего этого Западъ не понимаетъ.

И современные западные богословы потеряли мысль о томъ, что цѣль пришествія Христова на землю есть именно *нравственное совершенство личности*. Они какъ бы помѣшались на вымыслѣ, будто Христосъ Спаситель пришелъ на землю для того, чтобы принести счастіе какому-то человѣчеству, какихъ-то будущихъ вѣковъ, тогда какъ Онъ со всею ясностію сказалъ о томъ, что Его послѣдователи должны нести крестъ страданій и что преслѣдованіе ихъ міромъ, ихъ родными братьями, дѣтьми и даже родителями будутъ постоянны. а къ концу вѣковъ умножатся съ особою силою. То благоустройство, котораго ждутъ западные на землѣ, обѣщано Спасителемъ въ жизни будущей; но ни католики, ни протестанты не хотятъ съ этимъ мириться по той простой причинѣ, что слишкомъ вѣрятъ въ благополучіе настоящей жизни, которую, напротивъ, апостолы называютъ исчезающимъ паромъ (Іак. 4, 14).

Ложныя религіозныя вѣрованія Запада извратили и нравственныя убѣжденія ихъ исповѣдниковъ. Такъ, Господь заповѣдуетъ всепрощеніе, а западная нравственность—месть и пролитіе крови; Господь велитъ смиряться и считать себя грѣшнѣе всѣхъ, а Западъ ставитъ выше всего „чувство собственнаго достоинства". Господь велитъ радоваться и веселиться, когда насъ поносятъ и изгоняютъ, Западъ требуетъ „возстановленія чести"; Господь и Апостолы называютъ гордость „бѣсовской", Западники— благородствомъ". (Еп. Антоній. Мисс. Обозр. 1901 г. Іюль, Авг. стр. 10).

Иначе учатъ православные пастыри, слѣдуя болѣе точно заповѣдямъ Господа.

„Два рода ученыхъ и мудрыхъ людей, пишетъ святитель Тихонъ Задонскій (Алф. Д. III, 193): одни учатся въ школахъ отъ книгъ, и множайшіе отъ нихъ суть безумнѣйшіе паче простыхъ и безграмотныхъ, яко и алфавита

христіанскаго не знаютъ; умъ острятъ, слова исправляютъ и красятъ, но сердца своего исправить не хотятъ. Другіе учатся въ молитвѣ со смиреніемъ и усердіемъ и просвѣщаются отъ Духа Святаго и суть мудрѣйшіе паче философовъ вѣка сего; суть благочестивіи и святіи, и Богу любезніи; сіи хотя алфавита не знаютъ, но добро все разумѣютъ; просто, грубо говорятъ, но красно и благопріятно живутъ".

Повелѣніе Спасителя: „шедше научите вся языки" католичество возвело до измышленія догмата непогрѣшимости папы, и духовное руководство совѣсти вѣрующихъ дало въ руки отцамъ іезуитамъ, для учрежденія всесвѣтнаго папскаго царства на землѣ и для уловленія всѣми средствами душъ человѣческихъ, съ принадлежащими имъ капиталами (католическое старчество). А протестантизмъ предоставилъ полную свободу: кто какъ хочетъ, такъ и вѣруетъ.

Въ православной же Церкви пастыри духовные, просвѣщенные богословіемъ, ведутъ своихъ овецъ ко Христу безъ всякихъ политическихъ видовъ, и простецы, хотя и не обучавшіеся въ школахъ наукамъ, но просвѣщенные Духомъ Святымъ, оказываются, по слову св. Тихона, мудрѣйшими паче философовъ вѣка сего. Къ простецамъ сего рода принадлежалъ и нашъ старецъ о. Леонидъ.

Старецъ ЛЕОНИДЪ.

Отецъ Леонидъ, (Карачевскій мѣщанинъ, въ мірѣ Левъ, родившійся въ 1768 г.) поступилъ первоначально въ Оптину Пустынь въ 1797 г., а черезъ 2 года перешелъ въ Бѣлобережскую Пустынь, въ 15 верстахъ отъ Брянска, гдѣ и постриженъ въ 1801 году. Затѣмъ, временно онъ проживалъ въ Челнскомъ монастырѣ (въ 8 верстахъ отъ Трубчевска) для духовнаго назиданія у схимонаха Θеодора, одного изъ учениковъ великаго старца о. Паисія (при которомъ онъ около 20 лѣтъ прожилъ въ Молдавскихъ монастыряхъ). Когда же о. Леонидъ, по волѣ Преосвященнаго Досиθея, епископа Орловскаго и Сѣвскаго, опредѣленъ былъ настоятелемъ Бѣлобережской

Пустыни, тогда и наставникъ его о. Θеодоръ переселился къ нему въ обитель въ 1805 году, послѣ временнаго пребыванія въ Челнскомъ монастырѣ *).

Въ 1807 г. о. Θеодора постигла опасная и продолжительная болѣзнь, во время которой онъ былъ трое сутокъ въ летаргическомъ снѣ. Подъ вліяніемъ этой болѣзни, подкрѣпляемый благодатію Божіей и утѣшаемый духовными дарами Св. Духа, онъ объявилъ настоятелю и братіи непремѣнное свое желаніе удалиться изъ обители въ уединеніе для безмолвной жизни.

Изъ любви и почтенія къ старцу немедленно устроили въ двухъ верстахъ отъ обители, въ глухомъ лѣсу, уединенную келью, гдѣ онъ и поселился съ другимъ великимъ подвижникомъ, Клеопою. Къ нимъ вскорѣ присоединился и о. Леонидъ, добровольно сложившій съ себя настоятельство въ 1808 году. Слава о высокой жизни пустынниковъ стала привлекать къ нимъ тысячи посѣтителей, и они, отъ этой молвы и по смиренномудрію, признали за лучшее для себя удалиться на дальній сѣверъ. Первымъ вышелъ о. Θеодоръ въ 1809 г. въ Новоезерскій монастырь, изъ котораго, по волѣ С.-Петербургскаго Митрополита Амвросія, онъ переведенъ былъ въ Палеостровскую пустынь (на островѣ Онежскаго озера), гдѣ провелъ три скорбныхъ года, а оттуда переселился въ скитъ Валаамскаго монастыря. Въ 1811 году соединились съ нимъ его духовные дѣти—о. Клеопа и о. Леонидъ, переселясь въ тотъ же Валаамскій скитъ, чему былъ очень радъ о. Θеодоръ. Около 6 лѣтъ они прожили въ скиту. Но слава о высокой жизни и духовной мудрости подвижниковъ и тамъ причиняла имъ скорби. Въ слѣдъ за иноками къ нимъ стали стекаться во множествѣ и мірскіе люди. Вліяніе старцевъ настолько было велико, что даже

---

*) Въ это время въ Брянскомъ Свѣнскомъ монастырѣ (въ сосѣдствѣ съ Челнскимъ монастыремъ) настоятелемъ былъ инспекторъ Орловской Дух. Семинаріи Филаретъ (Амфитеатровъ) (съ 2 Февр. 1802 г. по 10 Окт. 1804 г.) впослѣдствіи Митрополитъ Кіевскій, который, цѣня духовный разумъ старцевъ Θеодора и Леонида, пріобрѣтенный ими не школьной наукою, но собственнымъ духовнымъ опытомъ и по дару благодати Божіей, вошелъ въ духовное общеніе съ ними.

приближенные настоятеля Валаамскаго монастыря безусловно слѣдовали совѣтамъ старцевъ, и игуменъ Иннокентій почувствовалъ себя какъ бы пастыремъ безъ паствы. Строгій исполнитель Духовнаго Регламента, онъ считалъ отеческую общительность старцевъ съ братіею и приходящими богомольцами какимъ то страннымъ нововведеніемъ, а наставленія, преподаваемыя ими братіямъ, какъ бы вторженіемъ въ его настоятельское управленіе. Окончательно мѣра терпѣнія настоятеля переполнилась тогда, когда министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, во время своего пріѣзда на Валаамъ, посѣтилъ старцевъ и провелъ все время у нихъ въ кельѣ, даже велѣлъ подать себѣ тамъ чай и вызвалъ туда въ Скитъ настоятеля монастыря.

Игуменъ Иннокентій донесъ Митрополиту Амвросію, что съ прибытіемъ старцевъ нарушается порядокъ и миръ обители, и Митрополитъ поручилъ изслѣдовать дѣло благочинному монастырей, Коневскому строителю о. Иларіону. Какъ мужъ опытный въ духовной жизни, о. Иларіонъ, получивъ отъ старцевъ подробное показаніе, высказывалъ послѣ, что нигдѣ не пришлось ему вычитать того, что высказали ему въ отвѣтахъ старцы: святое буйство ихъ оказалось выше мудрости человѣческой. — Въ старцахъ приняли участіе князь Голицынъ, (присылавшій на мѣсто въ Валаамъ для дознанія г. Никольскаго) и извѣстные тогда архимандриты Филаретъ (впослѣдствіи Митроп. Московскій) и Иннокентій (впослѣд. еп. Пензенскій). Игумену приказано было покоить старцевъ, старцамъ же было передано, чтобы они были увѣрены въ защитѣ ихъ высшимъ духовнымъ начальствомъ. Но опытные и смиренномудрые старцы, избѣгая молвы, предпочли перейти (въ Іюлѣ 1817 г.) въ Александро-Свирскій монастырь.

Во время пребыванія старцевъ въ этомъ послѣднемъ монастырѣ, Императоръ Александръ I (въ 1820-хъ г.) объѣзжалъ сѣверный край Россіи и путь его лежалъ вблизи Свирскаго монастыря. Старцы Ѳеодоръ и Леонидъ почтительно предложили архимандриту приготовиться къ встрѣчѣ Государя, хотя въ маршрутѣ Свирскій монастырь

показанъ не былъ. Архимандритъ внялъ совѣту старцевъ и въ часы, опредѣленные по маршруту для проѣзда, ждалъ его у воротъ монастыря.

Между тѣмъ, Императоръ, разспрашивая у своего кучера Ильи о лежащихъ на пути селеніяхъ и жителяхъ, приблизился къ перекрестку дороги, пролегавшей къ монастырю, гдѣ, по обыкновенію, стоялъ поставленный отъ монастыря крестъ, и, узнавъ, что Свирскій монастырь находится вблизи, приказалъ ѣхать туда. Государь, слышавшій отъ князя Голицына о проживавшихъ тутъ старцахъ—Ѳеодорѣ и Леонидѣ, пожелалъ видѣть ихъ лично; старцы же, напередъ ожидавшіе прибытія царя, остановились на такой мысли: „если изъ-за князя Голицына было намъ искушеніе, то что будетъ изъ-за Государя?“ и о. Ѳеодоръ сказалъ о. Леониду: „ты всячески помалчивай и не выставляйся“.

Государь, подъѣхавъ къ монастырю, удивился нечаянной парадной встрѣчѣ Его архимандритомъ и спросилъ его: „развѣ ждали Меня?“ Архимандритъ долженъ былъ сказать, что вышелъ по совѣту старцевъ. Вошедши въ церковь и приложившись къ мощамъ Преп. Александра, Государь пожелалъ принять благословеніе отъ старцевъ, съ приказаніемъ, чтобы не отнимали рукъ, когда онъ будетъ цѣловать ихъ. При этомъ спросилъ: „а гдѣ о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ?“ Старцы нѣсколько выдѣлились впередъ, но на всѣ вопросы Государя отвѣчали сколько возможно сдержанно и кратко, такъ что Государь, замѣтивъ это, прекратилъ дальнѣйшіе вопросы. Наконецъ, подошедши къ о. Ѳеодору, попросилъ его благословенія. „Я монахъ не посвященный, сказалъ о. Ѳеодоръ, — я просто мужикъ“. Государь откланялся и поѣхалъ дальше.

Не долго послѣ сего жилъ о. Ѳеодоръ: онъ скончался 7 апрѣля 1822 года.

Послѣ кончины о. Ѳеодора, о. Леонидъ не пожелалъ оставаться долѣе въ Свирскомъ монастырѣ, сдѣлавшемся очень извѣстнымъ, и отъ притока богомольцевъ — шумнымъ. И о. Ѳеодоръ благословилъ его предъ смертію искать себѣ болѣе уединенное мѣсто, какъ видно, изъ письма о. Леонида къ одному единомысленному Іеромонаху:

„вы изволите писать, что въ нынѣшнія пребѣдныя времена, кажется, нужно собраться всѣмъ намъ во едино и выпросить у какого либо монахолюбиваго архипастыря куточекъ. Это ваше мнѣніе и мы одобряемъ.

....Да и батюшка нашъ о. Ѳеодоръ на счетъ соединенія, дабы намъ не разлучаться, но сожительствовать вкупѣ, неоднократно подтверждалъ; особливо когда даръ прозорливства предъ смертію получилъ, уговаривалъ отечески тихо: „отцы мои! Господа ради, другъ отъ друга не разлучайтесь, поелику нынѣ въ пребѣдственное время мало найти можно, дабы съ кѣмъ по совѣсти и слово-то сказать“....

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что о. Леонидъ желаетъ оставить Свирскій монастырь, то его вмѣстѣ съ учениками стали приглашать во многія мѣста. Архіепископъ Амвросій (Подобѣдовъ) приглашалъ его въ Казанскую епархію, настоятель Площанской Пустыни звалъ его опять въ эту Пустынь. Но о. Леонидъ писалъ: наши сердца наклонность туда имѣютъ (перейти въ Оптину Пустынь), поелику я тамъ начало полагалъ и здоровье потерялъ, и нашъ прежній любитель и благодѣтель Преосвященный Филаретъ, яко монахолюбивая душа, того желаетъ“. Первый изъ учениковъ о. Леонида іеромонахъ Гавріилъ (остававшійся въ Валаамскомъ монастырѣ) перешелъ въ Скитъ Оптинской Пустыни въ 1823 году *).

Лишившись своего духовнаго брата и друга схимонаха Ѳеодора (7 апр. 1822 г.), о. Леонидъ прожилъ по кончинѣ его въ Александро-Свирской обители еще 7 лѣтъ. Затѣмъ, поживъ полгода въ Площанской Пустыни и узнавъ, что въ Оптиной Пустыни Скитъ уже устроенъ и въ немъ уже поселились рабы Божіи, онъ рѣшился перейти въ этотъ Скитъ въ 1829 г., вмѣстѣ съ пятью своими учениками.

Въ Скиту для него давно уже была готова особая келья на монастырской пасѣкѣ; его помѣстили въ эту

*) При посѣщеніи Оптиной Пустыни 17 Авг. 1823 г. преосв. Филаретъ утвердительно сказалъ старцамъ, что о. Леонидъ будетъ непремѣнно въ Оптинѣ или вообще въ его епархіи. Но переходъ о. Леонида въ Оптину Пустынь совершился только чрезъ 5 лѣтъ.

келью, за скитской оградой, а учениковъ его въ Скиту. Какъ опытнѣйшаго руководителя въ духовной жизни и искуснаго врача душевныхъ недуговъ, Оптинская братія приняла его съ любовію и благоговѣніемъ. Ему предоставлено было строителемъ о. Моисеемъ духовное руководство почти всѣхъ братій Пустыни. Какъ золото, искушенное въ горнилѣ 30-лѣтней подвижнической жизни, старецъ, смотрѣніемъ Божіимъ, привлеченъ былъ въ Оптину Пустынь для обученія братіи высшимъ монашескимъ подвигамъ — смиренію и отсѣченію своей воли, „въ видѣнія восходъ"—*путемъ старчества.*

Самая наружность о. Леонида (въ схимѣ Льва) показывала въ немъ необыкновеннаго человѣка. Онъ былъ высокій, стройный, съ легкой, но мужественной походкой; смуглое лице его обрамляли густые, волнистые, какъ грива, длинные волосы (подъ старость желтовато-бѣлые) и придавали ему большое сходство со львомъ. Въ годы мужества онъ обладалъ такою физической силой, что могъ поднимать тяжести до 12 пудовъ. Голосъ имѣлъ рѣзкій и иногда при отвѣтѣ измѣнялъ его.

Взглядъ имѣлъ открытый и привлекательный, вызывающій всякаго приходящаго на откровенность.

Въ его присутствіи многіе ощущали внутренній миръ, успокоеніе и сердечную радость.

Въ отвѣтахъ былъ кратокъ, а иногда иносказателенъ, какъ бы намѣренно юродствуя. Слова Св. Писанія добавлялъ народными выраженіями.

Старчество о. Леонида.

Обладая многими духовными дарами, о. Леонидъ по смиренномудрію всячески старался бѣгать людской славы, но слава шла въ слѣдъ его. „Каждому дается проявленіе Духа на пользу", говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. 12, 7). „И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви—во первыхъ—Апостолами, во вторыхъ—пророками, въ третьихъ—учителями; далѣе инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія, разныя языки" (XII, 8).

Достигайте любви; ревнуйте о дарахъ духовныхъ, осо-

бенно же о томъ, чтобы пророчествовать" (XIV, 1). „А кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, увѣщаніе, утѣшеніе" (3).

О. Леонидъ, по милости Божіей, достигъ любви, ибо изъ любви къ ближнимъ оставилъ уединеніе и отдалъ себя на служеніе ближнимъ, уча всѣхъ приходившихъ къ нему дѣятельной любви, смиренію, терпѣнію, покаянію во грѣхахъ. Какъ самъ онъ поступалъ, такъ и другихъ училъ, по завѣщанію Апостола Павла: „ничего не дѣлайте по любопренію, или по тщеславію, но по смиренномудрію считайте одинъ другаго высшимъ себя. Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ (Филип. II, 3, 4).

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ встрѣтили его Оптинскіе монахи.

Съ прибытіемъ его въ Пустынь измѣнился и духовный строй монастырской жизни. Онъ объяснилъ братіи всю пользу откровенія помысловъ, которые въ теченіе дня увлекали монаха, и для всѣхъ братій двери кельи его во всякое время были открыты. И не только въ Оптиной Пустыни, но и во многихъ обителяхъ о. Леонидъ располагалъ монашествующихъ къ откровенію помысловъ своимъ старцамъ и старицамъ.

Взглядъ его на старчество ясно виденъ изъ писемъ, писанныхъ имъ въ назиданіе къ нѣкоторымъ инокинямъ, принявшимъ на себя, по его благословенію, бремя старчества.

Такъ, онъ писалъ къ одной старицѣ (матери Анфіи) о значеніи старчества слѣдующее.

„По уставамъ иноческаго преданія, при постриженіи (въ монашество) отъ Евангелія предаютъ (новопостриженныхъ) *старицамъ*, а не духовнымъ отцамъ, т. е. старицамъ и должны новоначальныя открывать свою совѣсть, для полученія совѣтовъ и наставленій, какъ противостоять искушеніямъ вражіимъ; но это не есть исповѣдь, а откровеніе; и въ семъ случаѣ исполняется апостольское преданіе: исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша (Іак. V, 16). Таинство же исповѣди совершенно другое, и не имѣетъ къ откровенію никакого отношенія; обязанности

духовника совершенно другія, нежели отношенія къ старицамъ".

Въ другомъ письмѣ отъ 14 Марта 1834 года, о. Леонидъ разъяснялъ матери Анфіи, на ея вопросы объ отношеніяхъ къ сестрамъ, имѣвшимъ къ ней откровеніе, что... „мы не связываемъ отнюдь ни тебя, ни ихъ; но по ихъ желанію и нуждѣ соизволяемъ на ихъ къ тебѣ откровеніе; и тебѣ совѣтуемъ, не нудительно, когда онѣ имѣютъ душевную, а хотя и тѣлесную нужду и придутъ со смиреніемъ, изъясняя свои немощи, для облегченія совѣсти, не отрѣвать ихъ; но какое подастъ Господь слово ко утѣшенію и врачеванію ихъ, по мѣрѣ вѣры ихъ, скажи имъ. Не мни же отнюдь о себѣ, что будто бы ты достойна сего, или имѣешь даръ; но помышляй, что по вѣрѣ ихъ Богъ даруетъ имъ свободу. Замѣть сіе: по вѣрѣ! а безъ вѣры можетъ ли быть какая польза? Это можешь, когда случай потребуетъ, имъ сказать, т. е. когда кто въ смущенномъ положеніи, будетъ требовать настоятельно чего либо. Имѣй совершенную свободу и равнодушіе къ ихъ капризамъ и сколько можно удерживай себя отъ возмущенія.—Равнодушно можешь сказать, чтобы съ такими требованіями смущенными не безпокоили себя къ тебѣ приходомъ,—ничего не получатъ: ибо не на этотъ конецъ устроено между вами духовное согласіе, чтобы безпрестанно крамолиться, но чтобы имѣть облегченіе совѣсти, и, чрезъ объясненіе, избѣжать коварствъ вражіихъ и предуспѣвать въ духовной жизни.

Въ письмѣ 30 Марта 1826 года о. Леонидъ напоминалъ Строителю Аарону о качествахъ наставника, между прочимъ, слѣдующее.

.....„Еще же заблагоразсудилъ твоему благоумію напомнить и при семъ помѣстить о. Симеона Новаго Богослова гл. 53: „не безмолвствуяй точію, или повинуяйся, но и Игуменствуяй и многихъ предстатель сый и самъ той служай, безъ попеченія долженъ быти, сирѣчь, свободенъ отъ всѣхъ житейскихъ вещей несумнѣнно. Аще бо печемся, преступницы заповѣди Божія обрѣтаемся, глаголющія: не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете, или во что облечетеся: всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ. И

паки: Зрите, да не когда отягчають сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими".

Во время прибытія о. Леонида въ 1729 году въ Скитъ, Начальникомъ онаго былъ Іеромонахъ Антоній, родной братъ о. Моисея, (тоже полагавшій начало иночества въ Рославльскихъ лѣсахъ подъ старчествомъ о. Аѳанасія); и уже были иноки изъ тѣхъ же Рославльскихъ лѣсовъ, положившіе тамъ начало иноческой жизни подъ руководствомъ старцевъ, и ожидавшіе о. Леонида, какъ великаго Старца, чтобы имѣть къ нему откровеніе помысловъ.

Съ водвореніемъ о. Леонида монастырскій строй жизни вступилъ въ усиленную духовную дѣятельность. Безъ совѣта и благословенія старца ничего важнаго въ дѣлахъ обители не предпринималось. Въ его келью ежедневно стали стекаться братія для полученія благословенія и наставленія въ монашескомъ образѣ жизни: каждый спѣшилъ высказать старцу свои немощи душевныя, покаяться предъ нимъ въ чемъ согрѣшилъ въ продолженіе дня дѣломъ, словомъ или помышленіемъ, просить его совѣта и назиданія во внутренней борьбѣ со страстями и врагами нашего спасенія.

Сотрудникъ старца Леонида О. МАКАРІЙ

Въ 1834 году 14 Января прибылъ въ Скитъ изъ Площанской Пустыни Іеромонахъ Макарій, по предварительному соглашенію съ о. Леонидомъ, подъ его руководство.

О. Макарій происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи (въ мірѣ Михаилъ Николаевичъ Ивановъ), родился 20 Нояб. 1788 г., обучался въ Карачевскомъ приходскомъ училищѣ, дополнивъ свое образованіе въ семействѣ своихъ родныхъ (Передѣльскихъ) у домашняго ихъ учителя. Въ 1806 году онъ лишился родителей и, по раздѣлу съ братьями, принялъ во владѣніе имѣніе, — сельцо Щепятино, оставивъ гражданскую службу для занятія хозяйствомъ. Но въ 1810 году 6 Октября, по склонности къ монашеской жизни, уѣхалъ въ уединенную Площанскую Пустынь на богомолье, и уже назадъ въ міръ не возвращался.

Тамъ, въ Площанской Пустыни, жилъ онъ десять лѣтъ подъ духовнымъ руководствомъ о. Аѳанасія (бывшаго ротмистра гусарскаго полка), ученика Молдавскаго старца Паисія Величковскаго. О. Макарій, по благословенію о. Аѳанасія, прочитывалъ вывезенныя имъ, Аѳанасіемъ, изъ Молдавіи книги—переводы съ Греческаго и Славянскаго, исправленные старцемъ Паисіемъ: Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Варсонофія, Ѳалассія, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, Ѳеодора Студита, жизнь Григорія Паламы и др., внимательно изучалъ ихъ и переписывалъ ихъ уставомъ.

Въ 1817 г. о. Макарій былъ рукоположенъ въ Іеромонаха, а 30 Января 1827 года назначенъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря. Для успѣшнаго исполненія сей обязанности о. Макарій сознавалъ себя не вполнѣ подготовленнымъ, такъ какъ, живя подъ руководствомъ о. Аѳанасія, (скончавшагося въ 1825 г.) исполнялъ только монашескія правила, и потому усилилъ свою молитву къ Богу, чтобы благоволилъ послать ему наставника съ даромъ духовнаго разсужденія, какъ для упасенія своей души, такъ и порученныхъ ему духовныхъ чадъ.

Прибытіе въ 1828 г. о. Леонида въ Площанскую пустынь было какъ бы исполненіемъ сего молитвеннаго прошенія о. Макарія. Въ о. Леонидѣ онъ нашелъ то, чего такъ долго алкала душа его,—мужа съ даромъ духовнаго разсужденія, которое рѣдкимъ даруется, и, притомъ, не за одни труды и подвиги, а болѣе за смиреніе. Сблизившись съ о. Леонидомъ, во время его полугодоваго пребыванія въ Площанской пустыни, о. Макарій и по отбытіи старца въ Оптину пустынь продолжалъ свое духовное общеніе съ нимъ посредствомъ переписки; а въ 1834 г., какъ сказано, перешелъ въ Оптину пустынь для сожительства съ нимъ. Съ самаго поступленія въ эту обитель онъ помогалъ старцу въ обширной его перепискѣ съ лицами, просившими у него духовныхъ совѣтовъ и назиданія; а также былъ помощникомъ старца въ духовномъ окормленіи братіи и посѣтителей, особенно съ 1836 г., когда онъ былъ опредѣленъ духовникомъ обители.

Поучительны и назидательны были отношенія между

старцами о. Леонидомъ и о. Макаріемъ. О. Макарій уже болѣе семи лѣтъ былъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря, и многіе имѣли его своимъ наставникомъ, и пользовались его духовными совѣтами. И не смотря на то, онъ, смиряясь и вмѣняя себя ни во что, бѣгалъ славы человѣческой, домогаясь, какъ особой чести и отличія, быть при ногу другаго старца. Исполненный вѣры и любви къ отцу своему, о. Макарій, будучи и главнымъ указнымъ монастырскимъ духовникомъ и скитоначальникомъ, ничего не дѣлалъ, не вопросивъ о. Леонида, и по смиренію весь успѣхъ своихъ начинаній приписывалъ тайно и явно молитвамъ, совѣтамъ и благословенію своего отца, и до самой блаженной кончины о. Леонида пребылъ однимъ изъ усерднѣйшихъ учениковъ его.

Такое же смиреніе являлъ съ своей стороны въ отношеніи къ о. Макарію и о. Леонидъ, котораго еще старецъ его, схимонахъ Ѳеодоръ, шутя называлъ смиреннымъ львомъ. Съ самаго начала своей монашеской жизни онъ и самъ всегда шелъ тѣмъ же путемъ послушанія, и находясь почти двадцать лѣтъ подъ духовнымъ руководствомъ старца Ѳеодора, такъ возлюбилъ во всемъ подчиняться совѣту своего наставника, что ничего не дѣлалъ по одной своей волѣ. При жизни своего старца о. Леонидъ въ письмахъ къ разнымъ лицамъ подписывался всегда вдвоемъ съ о. Ѳеодоромъ; по смерти же его, по глубокому своему смиренію прилагалъ къ своему имени имя своего духовнаго сына Антіоха, хотя послѣдній нисколько не участвовалъ въ его письмахъ. А когда при немъ не было и о. Антіоха, тогда обыкновенно подписывался такъ: іеросхимонахъ Леонидъ съ приверженною братіею. (А впослѣдствіи подписывался вмѣстѣ съ о. Макаріемъ: іеросхимонахъ Леонидъ и іеромонахъ Макарій). Чрезъ это самое старецъ какъ бы желалъ всѣмъ показать, что только при помощи и по молитвамъ сожительствовавшихъ съ нимъ отцевъ и братій онъ можетъ преподавать духовные совѣты. Встрѣтившись съ о. Макаріемъ, о. Леонидъ радъ былъ сблизиться съ столь даровитымъ и искуснымъ инокомъ, и смотрѣлъ на него не какъ на ученика, а какъ на своего сотрудника и духовнаго друга.

Больше всего о. Леонидъ обнаруживалъ свое смиреномудріе и свое уваженіе и любовь къ о. Макарію въ томъ, что онъ его приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ своимъ помощникомъ, раздѣляя съ нимъ трудъ духовнаго окормленія братій и посѣтителей. Въ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни о. Леонидъ желавшихъ пользоваться его руководствомъ большею частію благословлялъ обращаться вмѣстѣ съ тѣмъ и къ о. Макарію, и открывать ему все, что открывали самому о. Леониду. Съ своей стороны, и о. Макарій, когда узнавалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей что нибудь важное до нихъ касающееся, то всегда спрашивалъ, объясняли ли объ этомъ старцу, и если не объясняли, то отсылалъ къ нему для объясненія.

При всемъ глубокомъ благоговѣніи Оптинскихъ братій къ старцу о. Леониду, дѣятельность его встрѣтила неожиданныя затрудненія со стороны подвижниковъ, уже почтенныхъ тружениковъ, старшихъ по времени пребыванія ихъ въ монастырѣ.

„Есть два рода иноческаго дѣланія, говоритъ св. Каллистъ: одно—для укрощенія страстей и состоитъ въ постѣ, бдѣніи, колѣнопреклоненіяхъ и прочихъ подвигахъ внѣшнихъ; а другое — для очищенія ума и сердца отъ нечистыхъ мыслей, что и совершается строгимъ вниманіемъ къ себѣ и непрестанною молитвою сердечною ко Господу Іисусу втайнѣ и съ болѣзненнымъ чувствомъ и страдательнымъ воплемъ души, какъ учатъ божественные отцы“.

Нѣкоторые изъ старшихъ иноковъ Скита, предуспѣвшіе въ дѣланіи перваго рода, (напр. схимонахъ Вассіанъ, достигшій способности въ послѣдніе годы жизни проводить всю четыредесятницу въ постѣ, въ теченіе котораго разрѣшалъ подкрѣпляться пищей только въ два праздничныхъ дня, и имѣвшій даръ слезъ), стали негодовать на появленіе множества богомольцевъ на пасѣкѣ, за оградой скита, у кельи о. Леонида, считая уединеніе и тишину, для сохраненія которыхъ устроенъ и самый скитъ, главнымъ условіемъ иноческой жизни, привлеченіе же народа въ скитъ, для испрошенія совѣта у Старца Леонида, явленіемъ нежелательнымъ и неполезнымъ. Подстрекае-

мый другими недальновидными и даже подначальными лицами, о. Вассіанъ подвигнулся мнимою ревностію противъ о. Леонида и неоднократно обращался съ доносами на него къ Епископу, а, наконецъ, и на Игумена Моисея.

Преосвященный, желая устранить поводы къ неудовольствію между братіею, и прекратить молву, распространявшуюся въ разныхъ слояхъ общества, непонимавшихъ духовной дѣятельности о. Леонида, приказалъ перевести его со скитской пасѣки въ монастырь и пріостановить доступъ къ нему мірскимъ людямъ обоего пола. Монастырское начальство перемѣстило о. Леонида съ пасѣки въ келью внутри Скита въ Ноябрѣ 1835 года; но со стороны Владыки послѣдовало настоятельное предписаніе, не взирая ни на что, перемѣстить о. Леонида въ монастырь; почему 2 Февраля 1836 года онъ и былъ переведенъ въ монастырь.

Это распоряженіе Владыки большинствомъ братіи было сочтено за притѣсненіе уважаемому старцу о. Леониду, между тѣмъ какъ власти Епископа предлежало сохранить въ точности правила вновь учрежденнаго Скита о безмолвіи и уединеніи и прекратить поводъ къ неудовольствію между иноками. Преданность своему Старцу помѣшала братіи отнестись къ начальственному распоряженію епископской власти безропотно. Самъ же Старецъ о. Леонидъ разъяснялъ въ письмѣ къ одному духовному сыну, что „вы по своей неограниченной расположенности возмалодушествовали о моемъ положеніи и ошибкою сочли, яко притѣсняемаго, но я почитаю себя спокойнымъ отъ сихъ мнимыхъ непріятностей“.

Вскорѣ по переходѣ въ монастырь, о. Леонидъ былъ порадованъ въ 1837 году прибытіемъ въ Оптину Пустынь, проѣздомъ изъ Петербурга въ Кіевъ,—Митрополита Филарета, котораго сопровождалъ и Епископъ Калужскій Николай. Митрополитъ, знавшій о. Леонида еще въ Бѣлобережской Пустыни, оказалъ милостивое благоволеніе къ нему, при чемъ спросилъ о. Леонида: „почему же ты не въ схимѣ?“ Старецъ молчалъ. „Ты схимникъ“, продолжалъ Митрополитъ, „и носи схиму“.

Посѣщеніе М—та Филарета имѣло благотворныя по-

слѣдствія для обители. А для о. Леонида построенъ былъ особый деревянный корпусъ проживавшимъ въ Пустыни помѣщикомъ Александромъ Ивановичемъ Желябужскимъ. Ежедневно приходилъ къ о. Леониду изъ Скита о. Макарій съ изготовленными письмами для подписи, а по субботамъ и воскресеньямъ о. Леонидъ всегда бывалъ у Скитской церковной службы, по окончаніи которой велъ духовныя бесѣды съ скитскими монахами въ кельѣ о. Макарія. 11 Октября 1841 года о. Леонидъ скончался 72 лѣтъ отъ роду. Слава о его высокой жизни и о дарѣ прозорливости, благодаря которому онъ приводилъ къ раскаянію во грѣхахъ многихъ калѣкъ и бѣсноватыхъ, распространилась и на Православномъ Востокѣ. Незадолго до кончины о. Леонида въ Сентябрѣ 1841 г. посѣтилъ Оптину Пустынь постриженникъ св. Аѳонской горы, инокъ Парѳеній, бывшій впослѣдствіи игуменомъ новосозданнаго имъ Гуслицкаго монастыря въ Московской епархіи. Въ описаніи своего странствія онъ помѣстилъ слѣдующій любопытный разсказъ о свиданіи своемъ со старцемъ о. Леонидомъ.

„Изъ Бѣлобережской пустыни я въ пятый день прибылъ въ общежительную Оптину пустынь, что въ Калужской губерніи, близъ города Козельска. Прежде, за много лѣтъ, я слышалъ о живущемъ въ Оптиной пустыни, великомъ старцѣ, іеросхимонахѣ Леонидѣ, и давно желалъ видѣть его, насладиться его бесѣды, и получить отъ него наставленіе и въ скорбяхъ своихъ утѣшеіе. По прибытіи моемъ въ Оптину Пустынь, я нетерпѣливо желалъ сходить къ о. Леониду, съ надеждою получить себѣ утѣшеніе, и разспросивъ о келліи его, пошелъ къ нему немедленно. И пришедши въ его сѣни, убоялся: ово отъ радости, что сподоблюсь видѣть такого великаго отца, ово отъ мысли, какъ я недостойный явлюсь предъ такого великаго старца; и долго стоя въ сѣняхъ опасался отворить дверь. Потомъ вышелъ его ученикъ. Я спросилъ: „можно взойти къ старцу?“ Онъ отвѣтилъ: „можно“. Потомъ я взошелъ къ нему въ келлію; но тамъ еще болѣе убоялся и вострепеталъ. Ибо почти полная келлія была людей разнаго званія: господъ, купцовъ и простыхъ; и

всѣ стоятъ на колѣнахъ со страхомъ и трепетомъ, какъ предъ грознымъ судіею, и каждый ожидаетъ себѣ отвѣта и наставленія: и я также, позади всѣхъ, палъ на колѣна. Старецъ же сидитъ на кроваткѣ и плететъ поясъ: это было его рукодѣліе—плести пояски, и давать посѣтителямъ на благословеніе. Потомъ старецъ возгласилъ: „А ты, аѳонскій отецъ, почто палъ на колѣна? или ты хочешь, чтобы и я сталъ на колѣна? Я устрашился отъ того, что никогда онъ меня не видалъ и не зналъ, въ одеждѣ же я былъ простой, а назвалъ меня отцемъ аѳонскимъ. Я отвѣчалъ: „прости меня, отче святый, Господа ради,— я повинуюсь обычаю: вижу, что всѣ стоятъ на колѣнахъ, и я палъ на колѣна". Онъ же сказалъ: „тѣ люди мірскіе, да еще и виновные; пусть они постоятъ; а ты монахъ, да еще аѳонскій, встань и подойди ко мнѣ". Вставши я подошелъ къ нему. Онъ же, благословивши меня, приказалъ сѣсть съ нимъ на кровати, и много меня разспрашивалъ о св. горѣ Аѳонской и о иноческой уединенной жизни, и о монастырской общежительной, и о прочихъ аѳонскихъ уставахъ и обычаяхъ; а самъ руками безпрестанно плететъ поясъ. Я все подробно разсказалъ; онъ же отъ радости плакалъ, а я прославлялъ Господа Бога, что еще много у Него есть вѣрныхъ рабовъ, оставившихъ міръ и всякое житейское попеченіе, и Ему, Господу своему, вѣрою и любовію служащихъ и работающихъ. Потомъ началъ отпускать людей, и каждому врачевалъ душевныя и тѣлесныя его болѣзни,—тѣлесныя— молитвою, а душевныя—отеческою любовію и кроткими словесами, и душеполезнымъ наставленіемъ, иныхъ строгимъ выговоромъ, и даже изгнаніемъ изъ келліи.

Между этими людьми стоялъ предъ нимъ на колѣнахъ одинъ господинъ, пріѣхавшій на поклоненіе въ обитель и для посѣщенія великаго старца. Старецъ спросилъ его: „а ты что хочешь отъ меня получить?" Тотъ со слезами отвѣтилъ: „желаю, отче святый, получить отъ васъ душеполезное наставленіе". Старецъ вопросилъ: „а исполнилъ ли ты, что я тебѣ прежде приказалъ?" Тотъ отвѣтилъ: нѣтъ, отче святый, не могу того исполнить". Старецъ сказалъ: „зачѣмъ же ты, не исполнивши перваго,

пришелъ еще и другого просить? Потомъ грозно сказалъ ученикамъ своимъ: „вытолкайте его вонъ изъ келліи“. И они выгнали его вонъ. Я и всѣ тамъ бывшіе испугались таковаго строгаго поступка и наказанія. Но старецъ самъ не смутился, и паки началъ съ кротостью бесѣдовать съ прочими, и отпускать людей. Потомъ одинъ изъ учениковъ сказалъ: „отче святый, на полу лежитъ златница“. Онъ сказалъ: „подайте ее мнѣ“. Они подали. Старецъ сказалъ: это господинъ нарочно выпустилъ изъ рукъ, и добрѣ сотворилъ: ибо пригодится аѳонскому отцу, на дорогу“. И отдалъ мнѣ полуимперіалъ.

Потомъ я спросилъ старца: „отче святый, за что вы такъ весьма строго поступили съ господиномъ?“ Онъ же отвѣчалъ мнѣ: „отецъ аѳонскій, я знаю, съ кѣмъ какъ поступать: онъ рабъ Божій, и хощетъ спастися; но впалъ въ одну страсть, привыкъ къ табаку. Онъ прежде приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ меня о томъ; я приказалъ ему отстать отъ табаку, и далъ ему заповѣдь болѣе никогда не употреблять его, и пока не отстанетъ, не велѣлъ ему и являться ко мнѣ. Онъ же, не исполнивши первой заповѣди, еще и за другой пришелъ. Вотъ, любезный отецъ аѳонскій, сколько трудно изъ человѣка исторгать страсти!“

Когда мы бесѣдовали, привели къ нему три женщины одну больную, ума и разсудка лишившуюся, и всѣ три плакали, и просили старца о больной помолиться. Онъ же надѣлъ на себя епитрахиль, положилъ на главу болящей конецъ епитрахили и свои руки, и прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестилъ, и приказалъ отвести ее на гостинницу. Сіе дѣлалъ онъ сидя; а потому онъ сидѣлъ, что уже не могъ встать, былъ боленъ, и доживалъ послѣдніе свои дни. Потомъ приходили къ нему ученики, монастырскіе братія, и открывали ему свою совѣсть, и свои душевныя язвы. Онъ же всѣхъ врачевалъ и давалъ имъ наставленія. Потомъ говорилъ имъ, что приближается къ нему кончина, и сказалъ: „доколѣ вы, чада моя, не будете мудры яко змія, и цѣли яко голубіе? Доколѣ вы будете изнемогать? Доколѣ вы будете учиться? Уже пора вамъ и самимъ быть мудрыми и учи-

телями, а вы сами ежедневно еще изнемогаете и падаете. Какъ вы будете жить безъ меня? Я доживаю послѣдніе дни, и долженъ оставить васъ и отдать долгъ естеству своему, и отойти ко Господу моему". Ученики, слышавши сіе, горько плакали. Потомъ всѣхъ отпустилъ, и меня также.

На другой день я паки пришелъ къ нему, и онъ паки принялъ меня съ любовію, и много со мной бесѣдовалъ; потомъ пришли вчерашнія женщины, и больная была съ ними, но уже не больная, а совершенно здоровая: онѣ пришли благодарить старца. Видѣвши сіе, я удивился, и сказалъ старцу: „отче святый, какъ вы дерзаете творить такія дѣла? Вы славою человѣческою можете погубить всѣ свои труды и подвиги". Онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ: „отецъ аѳонскій! я сіе сотворилъ не своею властію, но это сдѣлалось по вѣрѣ приходящихъ, и дѣйствовала благодать Святаго Духа, данная мнѣ при рукоположеніи; а самъ я человѣкъ грѣшный". Слышавши сіе, я весьма воспользовался его благимъ разсужденіемъ, вѣрою и смиреніемъ. Потомъ паки приходилъ вчерашній господинъ, и просилъ у старца прощенія со слезами. Онъ же простилъ и приказалъ исполнять то, что приказано было прежде. Потомъ отпустилъ всѣхъ насъ".

Отецъ Леонидъ почилъ о Господѣ 11 Октября 1841 года 72 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ Пустыни у Введенскаго собора, противъ придѣла Св. Николая.

Жизнеописаніе сего старца составлено Іеромонахомъ Пустыни о. Константиномъ Зедергольмомъ и напечатано Пустынею въ 1876 году.

По кончинѣ о. Леонида старцемъ былъ о. Макарій.

Старчество о. Макарія.

Еще при жизни о. Леонида все братство привыкло смотрѣть на о. Макарія, какъ на духовнаго его друга и единомысленника. Всѣ, относившіеся къ о. Леониду, какъ старцу, были въ тоже время духовными дѣтьми о. Макарія, какъ общаго духовника обители. И всѣ монашествующіе другихъ обителей и мірскіе люди привыкли по-

лучать письма о. Леонида, писанныя рукою о. Макарія, за общимъ ихъ обоихъ подписомъ. Наконецъ, во время пятимѣсячной болѣзни своей, о. Леонидъ всѣмъ обращавшимся къ нему за совѣтами прямо указывалъ на о. Макарія, какъ на своего преемника, друга и сотаинника. И потому всѣ, бывшіе подъ руководствомъ о. Леонида, свободно обратились къ о. Макарію, какъ старцу, цѣня въ немъ искусство врачеванія духовныхъ ранъ, и терпѣливое умѣнье съ любовію относиться и сочувствовать всѣмъ ближнимъ и дальнимъ во всякомъ ихъ положеніи и радостномъ и горестномъ.

Съ каждымъ годомъ число обращавшихся къ старцу о. Макарію и желавшихъ пользоваться духовными совѣтами его возрастало; многочисленные устные и письменные отвѣты его отнимали у него большую часть келейнаго времени. Не разъ выражалъ онъ душевную скорбь о томъ, что лишенъ уединенія; не разъ чувствуя крайнее изнеможеніе отъ пріема многочисленныхъ посѣтителей, рѣшался прекратить свою обширную переписку, но только по смиренію своему не посмѣлъ сойти съ креста, на который возвела его Христоподражательная любовь къ ближнимъ. А какъ была велика переписка о. Макарія, объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ письмамъ, напечатаннымъ послѣ его кончины: въ четырехъ томахъ — къ монахинямъ, въ одномъ томѣ—къ монахамъ и въ одномъ томѣ къ мірскимъ особамъ;—всего въ 6 томахъ.

Особенная же потребность въ уединеніи оказалась въ то время, когда при наступившемъ для духовной жизни Россіи благопріятномъ времени, о. Макарій задался мыслію изданія въ свѣтъ переводовъ святоотеческихъ книгъ, сдѣланныхъ блаженнымъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ.

Въ 1847 году о. Макарій высказалъ свои мысли г.г. Кирѣевскимъ, во время пріѣзда къ нимъ въ имѣніе Долбино (въ 40 верстахъ отъ Пустыни). И Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, съ согласія старца, построилъ въ глубинѣ березовой рощи домикъ, который весною 1848 г., и былъ освященъ о. Макаріемъ. Съ тѣхъ поръ, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, о. Макарій отъ времени

до времени пріѣзжалъ въ Долбино и по нѣсколько дней живалъ въ этомъ домикѣ съ своими помощниками, для неразвлекаемой работы по приготовленію къ печати рукописей святоотеческихъ сочиненій.

О книгоиздательской дѣятельности Оптиной Пустыни подъ руководствомъ о. Макарія.

Со временъ Петра I печатаніе книгъ, относящихся къ вѣрѣ и духовной жизни, по силѣ духовнаго регламента предоставлено было усмотрѣнію Св. Синода. Это подтверждено было Высочайшими указами 27 Іюля 1787 г. и 9 Февраля 1808 г. Въ цензурномъ же уставѣ, Высочайше утвержденномъ 9 Іюля 1804 г., книги духовнаго содержанія могли быть печатаемы только въ духовныхъ типографіяхъ.

Одна только аскетическая книга „Добротолюбіе" въ первый разъ напечатана была по распоряженію Св. Синода на славянскомъ языкѣ въ 1793 году.

Святоотеческія аскетическія писанія въ то время распространялись между любителями духовнаго просвѣщенія въ рукописныхъ экземплярахъ. Это были труды монашествующихъ и цѣнились очень дорого. Такъ напримѣръ, одинъ экземпляръ книги Исаака Сирина въ славянскомъ переводѣ можно было съ трудомъ достать за 30 рублей (нынѣшнихъ, а по тогдашнему счету 100 руб.).

Книги священнаго Писанія изъ за границы русской и славянской печати, безъ изъятія въ отношеніи содержанія сочиненій, воспрещены были ко ввозу въ Россію именнымъ указомъ 27 Іюля 1787 года. Напечатанные о. Паисіемъ Величковскимъ въ Молдавскомъ Нямецкомъ монастырѣ въ 1812 г. экземпляры книги Исаака Сирина, случайно попавшіе въ Россію, продавались также не дешево— рублей по 15 за экземпляръ.

Между тѣмъ, жизнь передовыхъ сословій Россіи текла по проложенному Петромъ I руслу.

Подъ вліяніемъ Запада Европы печать въ Россіи породила громадное количество литературныхъ произведеній, отвлекающихъ читателей отъ неотразимыхъ вопро-

совъ духа человѣческаго, или рѣшающихъ оные по скольку невѣрно, по стольку и дерзко, о томъ: откуда и кто—мы, отчего несчастны, гдѣ спасеніе, что должно дѣлать, чтобы быть мудрыми въ своей жизни и достигнуть счастія, и что ждетъ насъ впереди? Отвѣтовъ на эти вопросы ни одна наука дать не въ силахъ; между тѣмъ какъ на всѣ эти запросы, присущіе каждой человѣческой душѣ, уже данъ отвѣтъ свыше Создателемъ всего міра въ Откровеніи, и вѣра съ достаточною ясностію и убѣдительностію разрѣшаетъ эти вопросы. Кто самъ на себѣ испыталъ животворныя дѣйствія Божественной благодати, у того уже исчезаетъ всякое сомнѣніе въ цѣли жизни.

И такъ, съ одной стороны—свѣтская литература своимъ количествомъ и содержаніемъ свободно подавляла и плѣняла мысли людей;—враги православія и христіанства свободно печатали свои книги, напр. въ 1806. 1813, 1817 годахъ и позже, съ дозволенія гражданской цензуры („Сіонскій Вѣстникъ", „Таинство креста" и пр.); съ другой стороны—даже готовые переводы старца Паисія Величковскаго лежали подъ спудомъ болѣе 50 лѣтъ. Вся заслуга въ дѣлѣ выпуска въ свѣтъ этихъ переводовъ принадлежитъ о. Макарію. Пришло благопріятное время и явились у о. Макарія ученые помощники, сотрудники и покровители.

Осуществленіе мысли о. Макарія имѣетъ свою исторію.

Наталья Петровна Кирѣевская, супруга философа Ивана Васильевича Кирѣевскаго, проживавшая въ с. Долбинѣ въ 40 верстахъ отъ Пустыни, познакомилась въ 1836 году со старцами ея и избрала себѣ въ духовники о. Макарія.

Въ 1845 году Иванъ Васильевичъ издавалъ въ Москвѣ учено-литературный журналъ „Москвитянинъ", и чрезъ свою супругу предложилъ о. Макарію помѣщать въ этомъ журналѣ статьи духовнаго содержанія. Старецъ отвѣтилъ, что предполагалъ бы помѣстить въ журналѣ описаніе жизни старца Паисія Величковскаго. Иванъ Васильевичъ, раздѣляя мнѣніе о. Макарія объ услугахъ, оказанныхъ старцемъ Паисіемъ всему православному русскому иночеству и славянской литературѣ вообще, утвержденіемъ въ

ней аскетической терминологіи, напечаталъ статью объ о. Паисіѣ въ 12 книгѣ „Москвитянина“ за 1845 годъ.

Въ 1846 году о. Макарій, бывши у Кирѣевскихъ въ с. Долбинѣ, упомянулъ, что у него есть нѣсколько рукописей изъ твореній св. отцевъ перевода старца Паисія, исполненныхъ духовнаго разума. Оказалось, что и у Натальи Петровны также хранятся рукописи о. Паисія, доставшіяся ей послѣ о. Филарета (Новоспасскаго монастыря), который былъ ея духовникомъ.—Тогда Кирѣевскіе рѣшили, что они попросятъ митрополита Филарета о разрѣшеніи напечатать эти переводы, и, если не будетъ удачи, тогда и они готовы будутъ признать, что на дѣло это нѣтъ еще воли Божіей. Тутъ же написано было и предисловіе съ дополненіемъ свѣдѣній,—со стороны Кирѣевскихъ,—о жизни близко имъ извѣстнаго о. Филарета (Новоспасск. мон.), и со стороны о. Настоятеля Оптиной Пустыни Моисея объ Архимандритѣ Александрѣ (Арзамасскомъ). Кирѣевскіе написали въ Москву къ профессору Шевыреву, чтобы онъ испросилъ отъ ихъ имени благословеніе митрополита Филарета на печатаніе переводовъ старца Паисія.—Владыка вмѣстѣ съ благословеніемъ обѣщалъ и свое покровительство этому дѣлу. Цензоромъ назначенъ былъ протоіерей Ѳ. Голубинскій.

Въ началѣ 1847 года была напечатана 1-я книга: „Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго“.

По выходѣ въ свѣтъ этой книги, издатель Петербургскаго журнала „Маякъ“ С. Бурачекъ написалъ о. Макарію 7 Апрѣля 1847 года слѣдующее: „я тысячекратно благословляю Господа, внушившаго разумному о. Голубинскому пропустить эту книгу. Здѣшняя цензура запретила бы какъ мечтаніе и мистицизмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ покойный митрополитъ Серафимъ, о. Фотій, Аракчеевъ и Шишковъ свергли Голицына (и по дѣлу) за размноженіе лжемистическихъ книгъ западныхъ, по академіямъ и семинаріямъ, всѣ наши Св. Отцы подвижники обречены въ лжемистики и мечтатели. И умная сердечная молитва уничижена и осмѣяна какъ зараза и пагуба. Въ семинаріяхъ и академіяхъ не только ей не учатъ, но еще

съизмала предостерегаютъ и отвращаютъ. Вотъ только годъ, какъ въ здѣшней Академіи надумались читать аскетику, т. е. правила подвижничества, и поручили весьма подвижному отцу іеромонаху Ѳеофану *), да укрѣпитъ его Господь вашими святыми молитвами.—Выходъ (книги) отца Паисія—знаменіе величайшей милости Божіей, и произведетъ переломъ въ нашихъ обителяхъ и семинаріяхъ".

Дѣломъ изданія славянскихъ переводовъ старца Паисія съ подстрочными примѣчаніями къ неудобопонятнымъ въ нихъ словамъ и выраженіямъ, равно и при переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскій языкъ, руководилъ непосредственно самъ о. Макарій, имѣвшій благодатный даръ истолкованія Слова Божія (1 Кор. 12, 10) и научившійся познанію Бога дѣятельно, а не отъ одного только чтенія и слышанія (Дамаск. 1 ч. 32).

Помощниками ему были сначала скитскіе иноки, ученые и привлеченные въ Оптину Пустынь слухами объ истинныхъ подвижникахъ ея: о.о. Амвросій (Гренковъ), о. Ю—лій, Половцевъ, о. Леонидъ (Кавелинъ) и о. Павелъ.

Въ концѣ 1848 года изданы:

2) *Четыре огласительныхъ слова* къ монахинѣ, сочиненныя и говоренныя 1766 года іеромонахомъ *Никифоромъ Ѳеотокіемъ*, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ.

3) Въ томъ же 1849 году отпечатано: „Преподобнаго отца нашего *Нила Сорскаго* преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ" съ подстрочными примѣчаніями.—Впослѣдствіи право дальнѣйшаго изданія Святѣйшій Синодъ оставилъ за собой.

4) Въ концѣ 1849 года изданы: „Восторгнутые класы въ пищу души", т. е. нѣсколько переводныхъ статей изъ св. отцевъ—старца Паисія, также съ примѣчаніями.

5) Въ 1852 году—„Преподобныхъ отцевъ Варсанофія и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ".—Принадлежитъ къ числу духовныхъ славянскихъ переводовъ, исправленныхъ старцемъ Паисіемъ. Книга эта вновь провѣрена съ грече-

---

*) Впослѣдствіи Епископъ—затворникъ Вышенскій.

скимъ подлинникомъ, издана на славянскомъ нарѣчіи, такъ же съ подстрочными примѣчаніями.

6) Въ концѣ 1862 г. „Преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова, игумена и пресвитера, бывшаго отъ ограды св. Маманта“.

7) Въ началѣ 1853 г. вышелъ изъ печати славянскій переводъ старца Паисія съ новогреческаго: „Оглашеніе пр. Өеодора Студита“.

8) Въ концѣ тогоже 1853 года напечатано: „Преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву: „Отче нашъ“ и его же „слово постническое по вопросу и отвѣту“,—переводъ съ греческаго языка на русскій Т. И. Филиппова, который былъ духовнымъ сыномъ о. Макарія.

9) Въ Мартѣ 1854 года вышло въ свѣтъ: „Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневійскаго, слова духовно-подвижническія“, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ, на славянскомъ языкѣ, съ подстрочными примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ о. Макарія.

10) Въ 1855 г. изданы книги въ русскомъ переводѣ: „Книга—пр. отцевъ Варсануфія и Іоанна руководство къ духовной жизни“ и

11) „Пр. отца нашего аввы Өалассія главы о любви, воздержаніи и духовной жизни“ съ славянскаго перевода о. Паисія съ двумя текстами, славянскимъ и русскимъ,—окончательно редактированнымъ Митрополитомъ Филаретомъ.

12) Въ 1856 году—„Пр. отца нашего аввы Дороөея душеполезныя поученія и посланія“, съ присовокупленіемъ его вопросовъ и отвѣтовъ, данныхъ свв. старцами Варсануфіемъ великимъ и Іоанномъ, въ русскомъ переводѣ съ греческаго, сдѣланномъ о. Константиномъ Зедергольмомъ (впослѣдствіи о. Климентъ іеромонахъ Оптиной Пустыни).

13) „Житіе преп. отца нашего Симеона Новаго Богослова на славянскомъ языкѣ“.

14) Въ 1858 году—„Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка подвижника нравственно - подвижническія слова“ въ русскомъ переводѣ.

15) Въ 1859 году—„Преподобнаго отца нашего Орсія, аввы Тавеннисіотскаго ученіе объ устроеніи монашескаго жительства“,—переводъ съ латинскаго о. К. Зедергольма.

и 16) въ 1860 году „Преподобнаго отца нашего аввы Исаіи, отшельника Египетскаго, духовно - нравственныя слова“,—въ русскомъ переводѣ.

Кромѣ того, о. Макарій подготовлялъ къ печати полуславянскій переводъ пр. Іоанна, игумена Синайской горы, „Лѣствица“, изучая и сличая между собою всѣ, извѣстные до того времени печатныя изданія и рукописные переводы сего творенія, принимая въ основаніе славянскій переводъ старца Паисія, составилъ и алфавитный указатель. (Полуславянскій переводъ составленъ былъ о. Амвросіемъ, а русскій о. Ю—іемъ). Но въ свѣтъ издана 2-я книга уже послѣ кончины о. Макарія, а первая принята и издается самимъ Св. Синодомъ.

Изданіе святоотеческихъ книгъ было произведено на средства благотворителей, преимущественно г.г. Кирѣевскихъ. Кромѣ личныхъ переговоровъ, дѣло издательства вызвало обширную дѣловую переписку съ И. В. и Н. П. Кирѣевскими, Архимандритомъ Антоніемъ—Намѣстникомъ Сергіевой Лавры, Митрополитомъ Филаретомъ, цензорами Ѳ. Голубинскимъ и А. Сергіемъ (впослѣдствіи Митрополитомъ), А. Н. Муравьевымъ. Письма глубокочтимыхъ авторовъ предлагаются вниманію благочестивыхъ читателей въ особомъ приложеніи (см. въ концѣ).

Старецъ о. Макарій, при переходѣ изъ Площанской Пустыни въ Оптину, отказался отъ постояннаго священнослуженія, частію по физическому недостатку — косноязычію, а болѣе по смиренію и еще, быть можетъ, для того, чтобы имѣть больше удобства въ управленіи братіею во время службъ церковныхъ, имѣя всѣхъ ихъ предъ своими глазами, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приступалъ къ совершенію Божественной службы въ церкви.

Старецъ былъ средняго роста, весь сѣдой, въ поношенномъ платьѣ, съ костылемъ въ одной рукѣ и съ четками въ другой; лице, съ перваго взгляда, — ничѣмъ не поражающее, даже не совсѣмъ красивое, отъ неправильности глазъ; на видъ болѣе строгое, нежели ласковое;

но не смотря на все это, лице его, какъ зеркало, отражало чистую, смиренную и горѣвшую любовію его душу.

Вліяніе старца Макарія на скитское братство основывалось главнымъ образомъ на томъ, что оно къ своему старцу, какъ къ духовному пастырю, имѣло сердечную вѣру и сыновнюю любовь, открывая ему, по возможности, ежедневно не только всѣ дѣла свои и поступки, но и тончайшіе помыслы и умственныя приравненія. Двери его кельи и сердца отверсты были для братіи во всякое время, безъ особаго доклада, лишь съ молитвой Іисусовой. Силою своего вліянія старецъ поддерживалъ въ братствѣ строгое соблюденіе скитскихъ правилъ. Всегда присутствовалъ въ церкви и въ трапезѣ, самъ распредѣлялъ частныя послушанія и назначалъ келейныя занятія по силѣ и устроенію каждаго; входилъ во всѣ обстоятельства, рѣшая возникавшія, при исполненіи послушаній, смущенія, недоумѣнія, непріятныя встрѣчи, вразумлялъ, наставлялъ, поощрялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ. Каждый послушникъ зналъ и чувствовалъ, что бремя его раздѣляетъ съ нимъ страдательно духовный отецъ и мудрый наставникъ, — отчего и трудныя послушанія исполнялись легко.

Онъ завелъ въ Скиту рукодѣлія: токарное, переплетное, футлярное и ложечное, убѣждая братію, что монахъ, занятый рукодѣльемъ, борется съ однимъ только бѣсомъ, а праздный—со многими.

Вообще же старецъ всемѣрно поддерживалъ въ братствѣ миръ, любовь и единодушіе, напоминая слово Спасителя: „о семъ познаютъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. 13, 35)“. Особенно же поучалъ соблюдать смиреніе, самоукореніе, переносить немощи ближняго, полагая душу свою за брата, претерпѣвать благодушно оскорбленія, поношенія, укоризны, досады и болѣзни, ради вѣчнаго спасенія.

Старецъ о. Макарій *) почилъ 6 Сентября 1860 года и погребенъ въ Оптиной Пустыни у алтаря соборнаго

*) Постриженъ въ схиму 7 Марта 1858 года.

Введенскаго храма, рядомъ съ о. Леонидомъ; житія его было 72 года, такъ же какъ и о. Леониду.

Подробное сказаніе о жизни и подвигахъ Іеросхимонаха Макарія составлено І. Леонидомъ (Кавелинымъ) и напечатано въ 1861 году. Письма же о. Макарія, собранныя его почитателями, напечатаны были: къ монашествующимъ—въ 1862 году—одинъ томъ, къ монахинямъ—4 тома, и къ мірскимъ особамъ—одинъ томъ.

* *
*

...На видъ—лѣтъ сто, онъ ходитъ черезъ силу,
Но взоръ его сверкаетъ и горитъ
Глубокой, крѣпкой вѣрой въ Бога
И въ душу смотритъ пристально и строго.
„Онъ стоитъ......
Какъ нѣкій столпъ межъ насъ, имъ нашъ украшенъ Скитъ
И онъ у всѣхъ въ великомъ почитаньи;
Всѣ помыслы ему ты долженъ открывать
И исполнять безропотно велѣнья...

(Стих. Апухтина изд. 1895 г.).

* *
*

Почитая священную память Старца Іеромонаха Макарія, Оптина Пустынь рѣшается исполнить нравственно-лежащій на ней долгъ — смыть съ литературной чести старца одну тѣнь, неосторожно на него брошенную покойнымъ Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ, — издателемъ писемъ Московскаго Митрополита Филарета къ архіепископу Алексію *).

Дѣло въ слѣдующемъ. М-тъ Филаретъ въ письмѣ (18 Апрѣля 1852 года № 105, стр. 93) къ Ректору Преосв. Алексію сдѣлалъ строгій отзывъ о цензурѣ.

.....„Цензурныя замѣчанія читалъ я, пишетъ М-тъ Филаретъ, и возвращу Вамъ вскорѣ. Не думаете ли, что я буду защищать Цензуру? Нѣтъ. Я думаю, что указъ Синода не только справедливъ, но и снисходителенъ, осо-

*) Москва 1883 г. Изданы въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія Тверской епархіи.

бенно въ отношенiи къ письмамъ о. Макарiя". (Арх-пъ Савва сдѣлалъ къ этому слову подстрочное примѣчанiе: „Макарiй Ивановъ—Схiieромонахъ, начальникъ скита при Оптиной Пустыни († 7 Сентября 1860 г. Его письма изданы въ 6 частяхъ).

„Въ замѣченныхъ мѣстахъ, продолжаетъ М-тъ Филаретъ, есть неприличiе, а въ нѣкоторыхъ — даже нелѣпость. Напримѣръ: въ книгѣ, издаваемой для назиданiя, публиковать гнусный и адскiй девизъ или пароль Волтерiанцовъ (которымъ не хочу осквернять сiю страницу) и притомъ безъ всякой нужды—не нелѣпость ли это?—Незнающiе французскаго языка, читатели будутъ спрашивать у знающихъ, что это такое? и заставятъ толкователей осквернить свой языкъ и осквернить слухъ вопрошающихъ. Для того - ли издаются назидательныя книги?

„Святые могутъ обрѣстись въ числѣ проклятыхъ". — Поэтому Церковь, произнося проклятiе, можетъ быть прокляла святыхъ? Назидательно ли это?

......„Всѣ наши" ......„винтальности".

....„Носомъ разсѣкать волны искушенiй". Это — нелѣпость только словесная, но—нелѣпость.

Удивительно, что цензура, человѣкоугодничая издателю, не думаетъ, что стыдитъ себя, подаетъ подозрѣнiе и вредитъ званiю".

Но Арх-пъ Савва впалъ въ явную ошибку, приписавъ нашему о. Макарiю письма, о которыхъ говоритъ М. Филаретъ; преосвященный Савва написалъ такое примѣчанiе очевидно на память, но память ему измѣнила. М-тъ Филаретъ не захотѣлъ наименовать о. Макарiя принадлежащимъ ему саномъ, а арх-пъ Савва положился на свою память, которая ему измѣнила, притомъ не догадался просмотрѣть тѣ письма.

Между тѣмъ, письма, о которыхъ упоминаетъ М. Филаретъ 18 Апрѣля 1852 г., напечатаны были въ Москвѣ въ 1851 году, а пропущены цензурой 24 Iюля 1850 года, подъ заглавiемъ: „Письма покойнаго миссiонера *Архимандрита* Макарiя", и фразы приводимыя М. Филаретомъ напечатаны на слѣдующихъ страницахъ:

1) „Святыхъ, которые могутъ обрѣстись въ числѣ проклятыхъ“. I ч. 86 стр.

2) „Носомъ разсѣкать волны искушеній“. I ч. стр. 16.

3) „всѣ наши“ стр. 25, 65.

4) „винтальности“ I ч. 47 стр. 65.

Во второмъ изданіи 1860 г. первая фраза „святыхъ...., стр. 101, –выброшена; вторая „носомъ“..., I ч. 50 стр., — тоже; третья „всѣ наши“, I ч. 58 и 86 стр.,—сокращена, и четвертая, I ч. 75 и 86 стр.,—выброшена.

Между тѣмъ, письма нашего старца, Іеромонаха Макарія, напечатаны въ 1-й разъ лишь въ 1862 году. Митрополитъ же Филаретъ относился къ старцу съ глубокимъ почтеніемъ, какъ это доказываютъ его письма.

Архіепископъ Савва очевидно смѣшалъ въ своей памяти изданіе писемъ Архимандрита Макарія 1858 года съ письмами старца Іеромонаха Макарія 1862 года; притомъ къ его ошибкѣ послужило и названіе „Оптинскій“, которое имѣютъ и Введенская Пустынь, и Болховскій монастырь, въ которомъ въ послѣднее время былъ Арх-тъ Макарій.

Служебныя отношенія Настоятеля О. Моисея.

Калужскій Епископъ Григорій I управлялъ епархіей по 3 Марта 1828 года. Послѣ него хиротонисанъ въ Епископа Калужскаго Гавріилъ (Городковъ), управлявшій епархіею до 16 Авг. 1831 года. Съ 9 Сентября 1831 г. по 5 Сент. 1834 г. управлялъ Епископъ Никаноръ, а 2 Октября 1834 г. вступилъ въ управленіе Епископъ Николай.

Преосвященный Николай, въ виду успѣха духовной жизни братства Оптиной Пустыни, призналъ полезнымъ для прочихъ монастырей епархіи поставлять Оптинскихъ монаховъ въ начальники другихъ менѣе благоустроенныхъ обителей; такъ, въ 1837 году Іеромонаха Геронтія онъ назначилъ Строителемъ Тихоновой Пустыни; въ 1839 году Іеродіакона Маркелла казначеемъ той же Пустыни; а скитоначальника Іеромонаха Антонія—въ настоятели Малоярославецкаго монастыря. Такія перемѣщенія, необходимыя

въ порядкѣ епархіальнаго управленія, между прочимъ породили въ нѣкоторыхъ изъ братій Оптиной Пустыни мнѣніе, что распоряженія Владыки происходятъ, будто бы, отъ нерасположенія къ Игумену, о. Моисею. Еще болѣе утвердились они въ своемъ мнѣніи, когда Владыка, желая возвысить въ Пустыни грамотность, сталъ дѣлать при опредѣленіи послушниковъ экзаменъ имъ въ чтеніи, пѣніи и св. исторіи. Это показалось имъ, по ихъ простотѣ, новымъ стѣсненіемъ братіи *).

По настоящія скорби о. Моисею—пришли со стороны своихъ же послушниковъ. Одну изъ такихъ скорбей причинило слѣдующее обстоятельство. Послушникъ Василій Ивановъ, вольноотпущенный князя Циціанова, принятъ былъ въ Оптину Пустынь съ сыномъ Алексѣемъ; но какъ сынъ оказался, чрезъ нѣсколько времени, одержимымъ падучею болѣзнію и временнымъ умопомѣшательствомъ, то, по распоряженію Консисторіи, сей послушникъ, какъ опасный и неизлечимый, былъ исключенъ изъ числа послушниковъ и отосланъ въ 1840 году на распоряженіе Тульскаго Губ. Правленія для отдачи на пропитаніе родственникамъ. Вдругъ присланъ былъ изъ Святѣйшаго Синода указъ Епископу Калужскому отъ 26 Мая 1841 года, въ которомъ сказано, что старшій адъютантъ графа Клейнмихеля, князь Циціановъ обратился къ Оберъ-Прокурору графу Протасову съ жалобой, что отпущенный на волю Василій Ивановъ съ сыномъ Алексѣемъ, назадъ тому 7 лѣтъ, по взносѣ 1000 рублей въ Оптину Пустынь, приняты были въ оную и пострижены въ монахи, а нынѣ высланы въ Тулу для водворенія, но деньги 1000 рублей— не возвращены. Почему Синодъ предписалъ: послушниковъ оставить въ Оптиной Пустыни, а о деньгахъ 1000 рублей сдѣлать розысканіе, такъ какъ Игуменъ Моисей отозвался, что ихъ не получалъ". По этому случаю Калужская Консисторія назначила особое слѣдствіе о розыскѣ неизвѣстно куда дѣвавшихся денегъ.—Высокіе покровители уволен-

*) Между тѣмъ, по представленію Епископа Николая въ 1837 г. о. Моисей возведенъ въ санъ Игумена, а въ 1841 г. награжденъ наперснымъ крестомъ.

наго послушника очевидно дали полную вѣру его показанію и почти обвинили о. Моисея въ утайкѣ 1000 рублей. Трудно было защищаться о. Моисею послѣ того, какъ составилось предъубѣжденіе противъ него. Но Господь видимо защитилъ его: не смотря на давность дѣла о. Моисей ясно доказалъ, что все касающееся денегъ въ этой исторіи—чистая клевета. Разъяснилось документально, что тульскій купецъ Сабининъ далъ Василію Иванову для выкупа на свободу отъ г. Циціановой 1500 рублей, каковые онъ и уплатилъ. Кромѣ того, послалъ съ нимъ къ Іеромонаху Іову, для постройки кельи для Іова, съ тѣмъ, чтобы Василій Ивановъ прислуживалъ ему, и впослѣдствіи и самому Сабинину, когда онъ поступилъ бы въ Скитъ. За эти деньги и принята была келья Іовомъ въ Скиту. Послушникъ же Ивановъ письмомъ отъ 10 Ноября 1841 г. дерзнулъ уговаривать самого Сабинина показать подъ присягой, что деньги 1000 р. будто бы взнесъ онъ чрезъ Іова, за больнаго сына Алексѣя. И такъ клевета была обнаружена, благодаря тому случаю, что Сабининъ былъ еще живъ.

Не мало скорбей перенесъ о. Моисей отъ подначальныхъ лицъ, напр. отъ Грекоунитскаго Іеромонаха Флавіана. Поведеніе о. Флавіана изложено въ письмѣ къ нему о. Моисея отъ 27 Апрѣля 1846) года.

Попеченіемъ о. Моисея Пустынь получила въ собственность землю отъ Правительства. Дѣло началось въ 1832 году. Св. Синодъ предписалъ Никанору, Епископу Калужскому, доставить Синоду обстоятельныя свѣдѣнія, какимъ именно монастырямъ потребно отвести участки изъ казенныхъ лѣсовъ? По этому поводу настоятель о. Моисей донесъ Консисторіи, что Пустыни необходима земля для хлѣбопашества, въ количествѣ 200 десятинъ. Это заявленіе, вмѣстѣ съ заявленіями другихъ монастырей, Св. Синодъ, какъ видно изъ указа его отъ 25 Апрѣля 1736 года, сообщилъ на уваженіе г. Министра Финансовъ. Св. Синодъ опирался въ данномъ случаѣ на Высочайшее повелѣніе 4 Іюля 1835 года, которымъ Государь Императоръ соизволилъ даровать иноческимъ обителямъ, приходящимъ нынѣ въ упадокъ, вящшія средства къ существо-

ванію надѣленіемъ изъ казенныхъ дачъ участками земли, могущими служить къ устройству земледѣльческаго хозяйства,—отъ 100 до 150 десятинъ. Относительно Оптиной Пустыни, Министерство Государственныхъ Имуществъ, однако, отказало сначала въ отводѣ земли, находя, что Пустынь имѣетъ достаточныя средства къ существованію (1838 г.). Спустя нѣсколько времени, о. Моисей вновь вошелъ съ прошеніемъ къ епископу Григорію, 6 Марта 1852 года, о надѣленіи пустыни землей, хотя въ уменьшенномъ количествѣ, и епископъ Григорій просьбу эту послалъ въ Св. Синодъ 1 Авг. 1852 года. По этой новой просьбѣ, Министръ Госуд. Имуществъ предписалъ Калужской Палатѣ Государств. Имуществъ отвести Оптиной Пустыни изъ казенной лѣсной дачи „Каменки“ 42 десятины 2300 сажень.

Затѣмъ, на основаніи тѣхъ же Высочайшихъ повелѣній, Архимандритъ Моисей 26 Января 1860 г., описывая недостатки средствъ Оптиной Пустыни, просилъ Епископа Григорія, чтобы, въ виду сильнаго опустошенія буреломомъ въ 1848 году собственной лѣсной дачи, онъ исходатайствовалъ: или отпуска лѣса, или отвода изъ казенныхъ дачъ строеваго или лѣснаго участка, для хозяйства Пустыни. Это новое ходатайство удовлетворено безъ задержки. Лѣсной Департаментъ предписалъ Калужской Палатѣ Государств. Имуществъ 3 Декабря 1860 г. отвести Пустыни лѣсной участокъ въ дачѣ „Каменкѣ“ въ 108 десятинъ удобныхъ и неудобныхъ. Кромѣ сего, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1859 года, Коллежская Совѣтница Марія Полугарская пожертвовала 16,000 р. на покупку для Скита земли съ тѣмъ, чтобы Оптина Пустынь изъ доходовъ съ имѣнія обезпечивала содержаніе братіи Скита. Во исполненіе воли жертвовательницы отыскался вскорѣ подходящій выгодный участокъ земли въ Перемышльскомъ уѣздѣ въ п. „Ноздриной“, въ количествѣ—275 десятинъ. Тогда по опредѣленію Св. Синода, исправляющій должность Оберъ-Прокурора вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ Государю Императору объ укрѣпленіи за Козельской Введенской Оптиной Пустынью земли, покупаемой для Скита этой обители у г. Ключарева, на что

въ 28-й день Мая 1861 г. и воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Между тѣмъ, жертвовательница Полугарская обратилась къ Епископу Григорію съ письмомъ отъ 3 Августа 1861 года, въ которомъ она изъяснила, что покупаемое имѣніе, какъ она извѣстилась, Высочайше повелѣно укрѣпить не собственно за Предтеченскимъ Скитомъ, какъ она и покойный мужъ ея того желали, а за Оптиной Пустынью съ тѣмъ только, чтобы Пустынь изъ доходовъ съ пріобрѣтеннаго имѣнія обезпечивала содержаніе братіи Скита, чего ни она, ни мужъ ея не имѣли въ намѣреніи, а всегда желали и съ тѣмъ именно и пожертвовали капиталъ свой, чтобы Предтеченскій скитъ *имѣлъ свою отдѣльную собственность*, а потому и просила дать сему дѣлу направленіе, которымъ бы въ точности была исполнена воля благотворителя".

Въ объясненіе противу сего письма, настоятель о. Моисей донесъ Преосвященному, что преждевременное опасеніе и безпокойство г-жи Полугарской произошли не иначе, какъ отъ неправильныхъ слуховъ, дошедшихъ до нея, или отъ собственнаго ея недоразумѣнія, и что купчая крѣпость совершена 3 Августа 1861 года дѣйствительно на имя Предтеченскаго Скита въ Калужской Гражданской Палатѣ.

Эта купчая крѣпость гласитъ такъ: „лѣта 1861 г. Августа въ 3 день г. Ключаревъ продалъ Скиту Св. Іоанна Предтечи, находящемуся при Козельской Введенской Оптиной Пустыни, коему (!) разрѣшено купить землю Высочайшимъ Его Императорскаго Величества соизволеніемъ,.... изложеннымъ въ указѣ Св. Пр. Синода 10 Іюля 1861 г. за № 392,—въ пустоши „Ноздриной" въ количествѣ 275 десятинъ, а по измѣреніи 288 дес. 2750 саж., съ тѣмъ, чтобы, согласно желанію г-жи Полугарской, Скитъ пользовался на вѣчныя времена продовольствіемъ дровъ изъ лѣсной поросли, для отопленія келій собственно своей братіи, и лѣсными матеріалами изъ краснаго строеваго лѣса, для поддержанія строеній, въ томъ скиту находящихся".

По этой купчей Временное Отдѣленіе Перемышльскаго Земскаго Суда составило 21-го Сентября 1861 года ввод-

ный листъ, въ которомъ написано, что Отдѣленіе ввело во владѣніе землею въ пустоши „Ноздриной“ Скитъ Св. Іоанна Предтечи, находящійся при Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Все, такимъ образомъ, обошлось благополучно, какъ по отношенію къ гражданскимъ законамъ, такъ и по отношенію къ скитскому уставу, и хотя пріобрѣтеніе *имущества* вызвало маленькую тѣнь недоразумѣнія между Настоятелемъ о. Моисеемъ и благотворительницей Скита, если не съ самими скитскими иноками, однако о. Моисей и присутственныя мѣста во всемъ уступили желанію благотворительницы.

Обзоръ дѣятельности Настоятеля о. Моисея.

Всю суть своей дѣятельности о. Моисей полагалъ въ исполненіи воли Божіей о спасеніи душъ ближнихъ и служеніи имъ въ духѣ любви и милосердія.

Пастырское желаніе преосв. Филарета объ установленіи въ Оптиной Пустыни благоустроеннаго общежитія съ высшими аскетическими подвигами вполнѣ осуществилось, при помощи Божіей, за время управленія Пустынью мудраго о. Настоятеля Моисея, при полномъ соотвѣтствіи уставамъ Православной Церкви и преданіямъ св. Отцевъ.

Самъ о. Моисей, какъ настоятель и духовный пастырь, былъ руководителемъ всего братства, имѣя попеченіе о спасеніи ихъ душъ и пользуясь въ этомъ душеспасительномъ дѣланіи помощью привлеченныхъ имъ въ обитель помощниковъ—старцевъ: сперва —Леонида, а потомъ Макарія. Старцы также были живымъ примѣромъ иноческихъ добродѣтелей для братіи и для всѣхъ православныхъ и управляли совѣстію порученныхъ имъ братій Пустыни и новоустроеннаго Скита самоотверженно и съ любовію, оставляя всякое попеченіе даже о дневной пищѣ. Настоятель же о. Моисей *), сверхъ духовнаго попеченія о пасомыхъ, понесъ на себѣ всю тягость заботъ объ обезпеченіи братства Пустыни и Скита жизненными потреб-

*) Самъ о. Моисей имѣлъ откровеніе помысловъ къ о. Антонію. своему брату.

ностями и въ особенности новоустроеннаго Скита. Самъ великій старецъ о. Леонидъ, исполняя обѣтъ отреченія собственности и попеченій мірскихъ, всѣ случайныя жертвы отъ посѣтителей передавалъ въ тотъ же день къ вечеру или посылалъ съ кѣмъ либо изъ братіи къ Настоятелю о. Моисею.

Принявъ въ 1826 году обитель при 40 человѣкахъ братства съ долгомъ въ 12 т. р.,—(впрочемъ, съ вкладами на вѣчное поминовеніе (начавшимися съ 1794 г.), которыхъ къ 1826 году за 32 года образовалось 4120 рублей, да капиталомъ, пожертвованнымъ въ 1812 году на учрежденіе больницы—2857 рублей), о. Моисей съ своими сотрудниками — старцами привлекъ къ обители многихъ почитателей и богомольцевъ, изъ коихъ многіе выражали свое усердіе къ обители денежными вкладами на вѣчное время, для содержанія процентами съ нихъ братіи и ея благотворительныхъ заведеній. Съ 1826 года въ теченіи восьми лѣтъ такихъ вкладовъ поступило (до времени прибытія въ пустынь старца Леонида) 4272 р.; съ 1834 по 1842 г., тоже за 8 лѣтъ, до времени кончины о. Леонида,—10,873 р.; со времени старчества о. Макарія, съ 1842 по 1862 г., за 20 лѣтъ поступило 48613 р. (въ томъ числѣ 5000 р. на поминовеніе графини Анны Орловой-Чесменской). Всего вѣчныхъ вкладовъ поступило 70730 рублей.

Число братіи, состоявшей въ 1826 году изъ 40 человѣкъ, къ 1863 году возросло до 108 человѣкъ, кромѣ проживавшихъ на добровольномъ послушаніи.

На отведенной Правительствомъ въ 1852 г. землѣ (Перемышл. уѣзда въ Каменской дачѣ въ 12 верс. отъ Пустыни) устроенъ былъ хуторъ для луговаго хозяйства и рыбной ловли на рѣкѣ Жиздрѣ. Заведенъ при Пустыни крупный рогатый скотъ, впослѣдствіи получившій извѣстность въ сельско-хозяйственныхъ календаряхъ подъ названіемъ „Оптинской породы". Разработана земля подъ большіе огороды для овощей, потребныхъ для братской трапезы и богомольцевъ. Разведены фруктовые сады около монастыря и на хуторѣ. Возведено каменное строеніе для библіотеки и устроено самое книгохранилище, нача-

ломъ котораго послужили книги самаго о. Моисея въ количествѣ до 2000 томовъ. Ризница монастырская обогатилась дорогими прекрасными облаченіями, храмы — хорошею стѣнною живописью и святыми иконами. Введенскій соборъ распространенъ пристройкой двухъ боковыхъ придѣловъ съ крытыми папертями. Изъ старой братской трапезы устроена церковь во имя Пр. Маріи Египетской. Построена новая кладбищенская церковь во имя Всѣхъ Святыхъ. — Вновь построено семь братскихъ корпусовъ внутри монастыря, каменная ограда съ семью башнями, корпусъ для братской трапезы, гостинницы и страннопріимницы (восемь корпусовъ съ тремя флигелями); два конныхъ двора съ кельями при нихъ для братіи, скотный дворъ, заводы кирпичный и черепичный (большая часть строеній покрыта черепицей, мельница близь монастыря и самый Скитъ съ церковію, кельями и службами).

Мудрость управленія о. Моисея выразилась, въ частности, даже въ томъ (распоряженіи его), что скотный дворъ построенъ за оградою, въ отдаленности отъ Пустыни, и у скотницъ (они же и прачки около 30—40 человѣкъ) введено общежитіе по правиламъ женскихъ монастырей; трапеза у нихъ общая и во время трапезы читается прологъ; всѣ онѣ живутъ подъ начальствомъ экономки и подъ руководствомъ особой старицы. Отъ монастыря назначается одинъ пріемщикъ молока и одинъ пріемщикъ и сдатчикъ бѣлья.

По указу Св. Синода отъ 31 Мая 1853 года за № 6016, послѣдовавшему въ Калужскую Консисторію, въ настоятельство о. Моисея составлена въ 1854 году опись всего монастырскаго достоянія на 460 листахъ большаго формата и, по составленіи, повѣрена была 15 Декабря 1854 г. особой комиссіей, въ составѣ которой были: Настоятель Архимандритъ Моисей, казначей Іеромонахъ Савва, Козельскаго собора протоіерей Сахаровъ и священникъ Козельской Васильевской церкви—Діаконовъ.

Духъ благодати Божіей, осѣнявшій Оптину Пустынь, дѣйствовавшій въ ея подвижникахъ и свѣтившій міру чрезъ дѣянія ея старцевъ, не могъ укрыться отъ міра

сего и живущихъ въ немъ рабовъ Божіихъ; въ особенности слава издательской дѣятельности, покровительствуемой Митр-омъ Филаретомъ, разнеслась по всему православному русскому царству съ сороковыхъ годовъ. Изъ русскихъ писателей, кромѣ іерарховъ Церкви, первымъ почитателемъ и первымъ участникомъ литературныхъ трудовъ по изданію святоотеческихъ переводовъ Пустынью были: духовный сынъ старца о. Макарія Ив. В. Кирѣевскій, вмѣстѣ съ братомъ Петромъ Васильевичемъ (оба погребены въ Пустыни); профессора: Шевыревъ, Погодинъ, Максимовичъ, издатель „Маяка" Бурачекъ, Викт. Асковенскій, Башуцкій, Норовъ, А. Н. Муравьевъ, Л. Кавелинъ (впослѣдствіи Арх-тъ), Н. В. Гоголь, Т. И. Филипповъ, Карлъ Зедергольмъ (впослѣдствіи о. Климентъ) и др., имѣвшіе переписку съ о. Макаріемъ и о. Моисеемъ, и лично посѣщавшіе Оптину Пустынь и принимавшіе участіе въ изданіи переводовъ Паисія, нѣкоторые изъ нихъ даже собственными трудами при переводахъ съ греческаго, латинскаго и славянскаго на русскій языкъ. Вмѣстѣ съ литературными отношеніями, всѣ они пользовались также и опытнымъ духовнымъ руководствомъ старцевъ.

Изъ хранящихся въ библіотекѣ Пустыни писемъ сохранились два письма Н. В. Гоголя—одно къ о. Игумену Моисею, другое къ о. Филарету. Въ первомъ написано: „такъ какъ всякій даръ и лепта вдовы пріемлется, примите и отъ меня небольшое приношеніе по мѣрѣ малыхъ средствъ моихъ (Двадцать пять рублей (сер.). Употребите ихъ по усмотрѣнію вашему на строительство обители вашей, о которой пріятное воспоминаніе храню всегда въ сердцѣ своемъ.

„Очень признателенъ вамъ за ваше дружеское гостепріимство и усердно прошу молитвъ вашихъ о мнѣ грѣшномъ. Неотступно прошу, чувствуя въ нихъ сильную надобность.

Много благодарный вамъ
Николай Гоголь.

Покорнѣйше прошу передать при семъ приложенное письмецо достойному отцу Макарію. Если пожелаетъ онъ узнать мой адресъ, то вотъ онъ:

Ник. Вас. Гоголю, въ Москву, въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ".

Во второмъ письмѣ,—на имя о. Филарета, іеромонаха Оптиной Пустыни, — полученномъ изъ села Долбина (Ивана Васил. Кирѣевскаго) 26 Іюля 1850 года написано:

„Ради самаго Христа молитесь обо мнѣ, отецъ Филаретъ. Просите вашего достойнаго Настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у васъ усерднѣе молится и любитъ молиться, просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинуться мое перо и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣтъ безъ освѣженья свыше. Говорю вамъ объ этомъ неложно. Ради Христа обо мнѣ молитесь. Покажите эту записочку мою отцу Игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать славу Имени Его, не смотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій. Онъ силенъ Милосердый сдѣлать все и меня чернаго, какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради Самого Христа молитесь: мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на всякомъ мѣстѣ своего странствія быть въ Оптиной Пустынѣ. Богъ да воздастъ вамъ всѣмъ сторицею за ваше доброе дѣло". Вашъ всею душею Николай Гоголь".

Не говоримъ объ отношеніяхъ къ Пустыни іерарховъ Россійскаго царства. Она и въ родственныхъ намъ православныхъ земляхъ также получила заслуженную извѣстность между іерархами. Это доказывается письмомъ Сербскаго митрополита Михаила къ Игумену Моисею отъ 24 Февраля 1854 года, когда онъ, еще будучи іеромонахомъ, магистромъ Кіевской Академіи, побывалъ въ Оптиной Пустыни и, уже на пути въ Сербію, писалъ: „Чрезъ нѣсколько дней и я оставлю Россію, прощусь, можетъ быть, навсегда съ нею; при этомъ внимая своему чувству, не могу пропустить, чтобы хотя и съ самой почти

границы не написать нѣсколько словъ вашему в-ію, потому что еще помню живо вашу святую обитель, которая оставила въ моей душѣ глубокое впечатлѣніе. Помолитесь, чтобы Господь благословилъ и мою родину подобною обителью по духу. Благодарю душевно ваше в-іе за радушіе, гостепріимство и любовь, которыми наслаждался я не только тогда, когда былъ у васъ, но и въ дальнѣйшемъ моемъ путешествіи буду наслаждаться и впредь сладостнымъ воспоминаніемъ духовнаго братства, исполненнаго любви христіанской".

Архимандритъ Моисей почилъ о Господѣ 15 Іюля 1862 года, 80 лѣтъ отъ роду; тѣло его погребено въ Казанскомъ храмѣ у праваго клироса, въ придѣлѣ Воздвиженія Креста Господня.

Подробное жизнеописаніе его составлено о. Ювеналіемъ (нынѣ Арх-пъ) и напечатано въ 1862 году *).

Время настоятельства о. Моисея и старчества о. Макарія было временемъ полнаго разцвѣта духовныхъ силъ Оптиной Пустыни.

Въ Скиту доживалъ на покоѣ остатки дней своихъ старецъ Варлаамъ, бывшій игуменомъ Валаамскаго монастыря, дѣятель молитвы и любитель безмолвія, подражатель древнимъ аскетамъ. (Онъ укорялъ себя даже тѣмъ, что „древніе отцы трудами снискивали себѣ пищу: выработаютъ и ядятъ, и то не каждый день, а чрезъ нѣсколько дней, да и то еще не все, а чтобы оставить часть для нищихъ. Они были жалостливы и сострадательны, а мы ѣдимъ готовое до сытости"). Къ нему нѣкоторые изъ братіи имѣли откровеніе помысловъ.

Тамъ же въ Скиту проживалъ на покоѣ Игуменъ Антоній (братъ о. Моисея), бывшій Скитоначальникъ, а потомъ настоятель Малоярославецкаго монастыря. Къ нему имѣлъ откровеніе помысловъ самъ настоятель о. Моисей и нѣкоторые изъ братіи. Жизнеописаніе игумена Антонія издано въ 1870 году.

*) Чрезъ три года, при изготовленіи могилы, для брата его Игумена Антонія, 7 Августа 1865 года, рядомъ съ о. Моисеемъ, гробъ о. Моисея, одежда и тѣло его оказались неповрежденными.

Изъ другихъ замѣчательныхъ по жизни іеромонаховъ въ Скиту были:

Амвросій,—старецъ по кончинѣ о. Макарія. (Краткое сказаніе о жизни его издано въ 1892 году.

Леонидъ, впослѣдствіи Намѣстникъ Сергіевой Лавры и писатель. Объ немъ издано сочиненіе Лаврою.

Филаретъ—изъ Новоспасскаго монастыря, къ духовному настроенію котораго питалъ уваженіе писатель Н. В. Гоголь, почтивъ его вышеприведеннымъ письмомъ.

Паисій —Строитель Тихоновой Пустыни.

Анатолій, перешедшій потомъ въ Геѳсиманскій Скитъ.

Пафнутій (изъ дворянъ), скитоначальникъ и братскій духовникъ, впослѣдствіи Настоятель Малоярославецкаго монастыря.

Моисей, впослѣдствіи настоятель Тихоновой Пустыни.

Иларіонъ, келейникъ о. Макарія, по кончинѣ его скитоначальникъ. Жизнеописаніе его напечатано въ 1897 г.

Гавріилъ, съ богословскимъ образованіемъ, впослѣдствіи старецъ и устроитель Бѣлокопытовской Общины Мосальскаго уѣзда, тамъ же и скончавшійся (2 Января 1871 г.).

Іеродіаконъ *Меѳодій*, болѣе 24 лѣтъ лежавшій въ параличѣ, терпѣніе котораго приводилъ въ примѣръ одному нѣмцу Л. Н. Толстой (когда еще не былъ врагомъ Церкви).

Исаакій, впослѣдствіи Настоятель Пустыни.

Тамъ же подъ руководствомъ о. Макарія были слѣдующіе монашествующіе съ богословскимъ образованіемъ: іеродіаконы Маркъ и Платонъ, монахи: Анатолій (послѣ о. Амвросія бывшій старцемъ, 1891 — 1893), Матѳей и др.

Съ 1853 года о. Макарій занимался только старчествомъ, сложивъ съ себя обязанности скитоначальника и братскаго духовника и передавъ эти обязанности старшему іеромонаху Пафнутію. Только нѣкоторыхъ монахинь и мірскихъ особъ продолжалъ онъ еще принимать къ себѣ на исповѣдь до конца жизни, уступая усиленнымъ желаніямъ ихъ и просьбамъ.

Преемникъ старца Макарія О. АМВРОСІЙ.

Предъ кончиной старца о. Макарія, нѣкоторыя изъ духовныхъ дочерей его обращались къ нему съ вопросомъ: къ кому онъ благословитъ относиться, послѣ его кончины?—Въ отвѣтъ на это о. Макарій указывалъ нѣкоторымъ лицамъ на о. Амвросія, а инымъ, какъ напримѣръ, игуменьѣ Бѣлевскаго монастыря и Н. П. Кирѣевской, на келейнаго своего іеромонаха Иларіона.

Между тѣмъ, еще въ 1846 году епископъ Николай пригласилъ о. Амвросія, словесно, при старшей братіи, быть помощникомъ о. Макарія по духовничеству. И онъ, о. Амвросій, помогая въ духовничествѣ, трудился также въ веденіи переписки о. Макарія съ разными лицами и въ переводахъ святоотеческихъ книгъ; но вскорѣ, по рукоположеніи въ іеромонаха, впалъ въ неизлечимую болѣзнь, въ богослуженіяхъ не участвовалъ и, наконецъ, по указу Св. Синода, зачисленъ былъ въ 1848 году въ число заштатныхъ іеромонаховъ. Поэтому, объ о. Амвросіи и его духовныхъ дарованіяхъ посторонція лица долго не знали. Посѣтители же о. Макарія, встрѣчая постоянно, около 20 лѣтъ, келейникомъ при немъ о. Иларіона, по большей части стали, по кончинѣ о. Макарія, относиться къ о. Иларіону, какъ къ старцу.

Братія же Пустыни и Скита имѣли опредѣленнаго епархіальнымъ начальствомъ общебратскаго духовника—скитоначальника іеромонаха Пафнутія. Старцемъ же, по смерти о. Макарія, былъ о. Амвросій (кромѣ нѣкоторыхъ, имѣвшихъ откровеніе къ о. Иларіону).

Выборъ Настоятеля О. ИСААКІЯ.

Къ погребенію о. Архимандрита Моисея прибылъ въ Оптину Пустынь Калужскій Епископъ Григорій. По преданіи тѣла землѣ, владыка благословилъ братію избрать (по уставу общежительныхъ монастырей) изъ своей среды настоятеля.

Выборъ сей былъ произведенъ подъ руководствомъ Ректора Калужской Духовной Семинаріи, и, по большин-

ству голосовъ, оказался избраннымъ въ должность Настоятеля братскій духовникъ и скитоначальникъ іеромонахъ Пафнутій (изъ дворянъ). Но такъ какъ выборъ сдѣланъ былъ не единогласно, какъ предполагалъ преосвященный Григорій, то онъ, посовѣтовавшись со старцемъ о. Амвросіемъ и нѣкоторыми старшими іеромонахами, — назначилъ настоятелемъ Пустыни скитскаго іеромонаха Исаакія.

Соотвѣтственно сему назначенію послѣдовали въ администраціи Пустыни слѣдующія перемѣны. Скитоначальникъ и духовникъ іеромонахъ Пафнутій переведенъ въ настоятели Малоярославецкаго монастыря; бывшій келейникъ о. Макарія іеромонахъ Иларіонъ назначенъ начальникомъ Скита и братскимъ духовникомъ; казначей Пустыни іеромонахъ Савва по старости лѣтъ отказался отъ сей должности и указомъ Консисторіи уволенъ 7 Сентября 1862 г., на мѣсто же его избранъ былъ о. Исаакіемъ скитскій Іеродіаконъ Флавіанъ.

Настоятель о. Исаакій.

Отецъ Исаакій (въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Антимоновъ)—сынъ богатаго Курскаго купца—почетнаго гражданина (имѣвшаго отъ двухъ браковъ 13 человѣкъ дѣтей), торговавшаго скотомъ и арендовавшаго рыбныя ловли въ Черноморьи. Отецъ Исаакій родился отъ перваго брака. Въ юности, поощряемый дѣдомъ своимъ, любилъ ходить въ церковь, пѣлъ на клиросѣ, устраивалъ хоры пѣвчихъ, приглашая ихъ къ себѣ въ домъ.

Простая сердечная вѣра въ Промыслъ Божій утвердилась въ немъ особенными въ его жизни событіями, напоминавшими ему о соблюденіи заповѣдей Божіихъ. Наприм., однажды, когда онъ, помогая своему отцу въ торговлѣ, въ праздничный день занимался перевѣсомъ рыбнаго товара, случилось слѣдующее: перекладина, къ которой прикрѣплены были вѣсы, вдругъ обрушилась, и желѣзное коромысло въ 15 пудовъ упало къ его ногамъ, не задѣвъ его самого. Принявъ это за вразумленіе свыше, онъ далъ себѣ слово всегда почитать праздники, и не производить въ нихъ болѣе работы.

Росъ онъ у строгаго взыскательнаго отца, но поведеніе о. Исаакія было таково, что во всю жизнь отецъ даже пальцемъ его не тронулъ (какъ онъ сказывалъ объ этомъ самъ). Въ степь съ гуртовымъ скотомъ отецъ посылалъ его подъ надзоромъ надежнаго прикащика, а потомъ, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, предоставилъ дѣйствовать самостоятельно. Товаръ отпускалъ покупателямъ безъупречно.

Въ молодыхъ лѣтахъ о. Исаакій отпросился у отца побывать въ Оптиной Пустыни; первая встрѣча его здѣсь съ о. Леонидомъ была довольно оригинальна. Пришелъ онъ къ старцу рано утромъ, когда народу, кромѣ одной женщины, стоявшей предъ старцемъ на колѣняхъ, никого еще не было. Келейникъ доложилъ старцу: „пришелъ Ив. Ив. Антимоновъ“.—„Пусть подождетъ“, громко отвѣчалъ старецъ. Отпустивъ женщину, старецъ громко назвалъ: „Ванюшка“! Не думая, что это слово относилось къ нему, молодому купчику, почетному гражданину, франтовато одѣтому, Ив. Ив. спокойно сидѣлъ. Тогда келейникъ, улыбнувшись, сказалъ:—„это батюшка васъ зоветъ“. Кличка эта, однакоже, не обидѣла его, а напротивъ, порадовала, что такой старецъ сдѣлалъ ему простой сердечный окликъ. — „Ванюшка, иди-ка сюда, продолжалъ старецъ, вотъ я тебя“!

Подойдя подъ благословеніе и ставъ на колѣни, Иванъ Ивановичъ высказалъ старцу свои обстоятельства и получилъ отъ него утѣшеніе и предсказаніе, что современемъ онъ будетъ монахомъ. На 38 году своей мірской жизни въ трудахъ, подъ страхомъ отеческимъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ поисковъ себѣ невѣсты, И. И. рѣшилъ, наконецъ, послѣдній разъ сосватать себѣ невѣсту. Дѣло сватовства пошло было наладъ, но родитель его, будучи вдовцемъ послѣ втораго брака, самъ женился третьимъ бракомъ на невѣстѣ Ивана Ивановича. Послѣ этого жить ему долѣе въ міру уже не было цѣли, а путь къ монашеству давно былъ знакомъ,—старшій братъ его, Михаилъ, уже былъ монахомъ въ Оптиной Пустыни. Примѣру его послѣдовалъ и Иванъ Ивановичъ, въ монашествѣ получившій имя Исаакія.

Въ продолженіи 16—лѣтней жизни въ Скиту, о. Исаа-

кій привыкъ всецѣло подчинять свою волю старческому руководству, такъ что и въ послѣдующее время, когда призванъ былъ къ управленію обителью, продолжалъ пользоваться совѣтами мудраго старца отца Амвросія.

Въ должность Настоятеля о. Исаакій вступилъ уже 52 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ средняго роста, коренастый, полубогатырь, по собственнымъ его словамъ, поднимавшій тяжести отъ 12 до 15 пудовъ, говорилъ густымъ басомъ (въ преклонныхъ лѣтахъ уже глухимъ гробовымъ голосомъ), говорилъ не торопясь, а обдумавши, краткими фразами. Лице его, благообразное въ молодости, украшенное большою раздвоенною бородою, съ опущенными внизъ глазами, внушало къ себѣ невольное почтеніе. Многія женщины даже опасались подходить къ нему за благословеніемъ, предполагая, что такой строгій монахъ избѣгаетъ встрѣчи съ женщинами,—въ чемъ онѣ и не обманывались.

Неполучившій школьнаго образованія, о. Исаакій съ избыткомъ восполнилъ этотъ недостатокъ внутреннимъ духовнымъ опытомъ жизни и чтеніемъ святоотеческихъ книгъ, преимущественно Аввы Дороѳея и Іоанна Лѣствичника. Отъ чтенія же газетъ и книгъ свѣтскихъ о. Исаакій старался отклонять иноковъ, считая подобное провожденіе времени вреднымъ: „монаху нѣтъ надобности заботиться о мірскихъ дѣлахъ".

Одежду носилъ онъ наравнѣ со старшей братіей—изъ общей рухлядной, даже очень поношенную.

Пищей довольствовался простой трапезной, и на трапезу ходилъ каждый день. На всѣхъ церковныхъ службахъ бывалъ онъ неопустительно, и приходилъ по первому удару колокола, становясь весьма часто у самыхъ дверей для наблюденія за братіей. А когда замѣчалъ, что нѣкоторые изъ братіи, изнемогая отъ продолжительныхъ службъ, не являются въ церковь, то онъ въ трапезѣ выговаривалъ въ слухъ: „Отцы святіи! забываете церковь; надо знать, для чего мы пришли въ монастырь. Вѣдь мы за это должны Богу отвѣчать. Прошу всѣхъ васъ не забывать храма Божія!"

Кончина подвижниковъ: о. Макарія († 17 Сент. 1869 г.)

и о. Моисея († 15 Іюля 1862 г.) и выступленіе о. Амвросія на дѣло старчества и о. Исаакія, въ качествѣ Настоятеля Оптиной Пустыни, совпали съ эпохою измѣненія прежняго общественнаго строя Россіи—рѣзко сословнаго,—на новый, болѣе свободный, строй.

Столь существенное измѣненіе въ жизни русскаго народа, конечно, отразилось и на жизни монастырской. Послушники отъ временъ прежняго строя мірской жизни. привыкали еще въ мірскомъ званіи къ строгой дисциплинѣ, нерѣдко подвергаясь самымъ строгимъ незаслуженнымъ наказаніямъ отъ мелкихъ чиновъ, не находя на нихъ управы, даже и не думая о томъ, и потому, вступая въ монастырь, легко подчинялись волѣ старшихъ братій и всецѣло повиновались старцу, какъ Самому Богу.—Съ наступленіемъ же новаго порядка жизни, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году, и прочихъ преобразованій, новые послушники стали появляться съ новымъ направленіемъ, менѣе склоннымъ къ отсѣченію своей воли, но болѣе наклонными къ самоугодію.

Настоятель о. Исаакій, какъ воспитанникъ суроваго времени, въ началѣ своего управленія, хотѣлъ было ввести нѣкоторые древніе церковные и монастырскіе порядки (при концѣ жизни о. Моисея, по крайней его немощи, отмѣненные); но вскорѣ самъ же оставилъ свое намѣреніе, какъ превышающее силы новаго поколѣнія.

Въ содержаніи братства онъ строго держался обычаевъ; пища была самая простая изъ дешевыхъ продуктовъ: одежда и обувь изъ дешевыхъ матеріаловъ: холстъ, крестьянское сукно, мухояръ; сапоги крестьянскіе. Отецъ Амвросій шутя говорилъ, что „Оптинскихъ монаховъ вездѣ узнаютъ по мухояру и по сапогамъ; всѣ они на прямую колодку“.

Въ хозяйственной части неутомимымъ помощникомъ ему былъ о. казначей Флавіанъ,—большой постникъ. Природный умъ, замѣчательная предъусмотрительность и умѣнье пользоваться обстоятельствами на пользу обители въ соединеніи съ трудолюбіемъ и безъотвѣтнымъ послушаніемъ старцамъ, выдвинули его впередъ прочихъ братій на постъ перваго помощника Настоятеля.

Для письменныхъ дѣлъ обители, при новыхъ преобразованіяхъ Императора Александра II, требовался особый опытный письмоводитель. И о. Исаакій нашелъ таковаго въ лицѣ о. Макарія (изъ дворянъ), впослѣдствіи Настоятеля Можайскаго монастыря (Московской губерніи).

Такіе спутники и сотрудники, какъ старецъ о. Амвросій, казначей о. Флавіанъ и письмоводитель о. Макарій поистинѣ были даромъ особой милости Божіей о. Исаакію, чтобы успѣшнѣе руководить ввѣренную ему братію къ Царству Небесному.

Въ началѣ управленія Пустынью, О. Исаакій имѣлъ переписку съ Митрополитомъ Филаретомъ. Въ архивѣ Пустыни хранится письмо Филарета отъ 6 Марта 1864 г., слѣдующаго содержанія:

„Преподобный Отецъ Строитель! Не нарушайте мира души Вашей мыслію, что принятіемъ о. Ѳеодота сдѣлали Вы непріятное для прежняго начальства его.

По моему мнѣнію, брату, желающему перемѣщенія, можно посовѣтывать, что постоянство лучше колеблемости, а терпѣніе лучше нетерпѣнія; но удерживать нехотящаго съ усиліемъ—не надежно, кромѣ особенныхъ случаевъ. Лучше отпустить съ миромъ, нежели имѣть немирствующаго.

Посему, и о. Агапита можете принять, по Вашему разсужденію. Съ моей стороны нѣтъ ни препятствія сему, ни неудовольствія за сіе.

Призывая Божіе благословеніе Вамъ и отцамъ скитскимъ и всей братіи Вашей, отъ Вашего братолюбія прошу себѣ помощи молитвъ Вашихъ.

Филаретъ Митрополитъ Московскій".

Въ Москвѣ
Марта 6
1864 г.

Хозяйственныя распоряженія о. Исаакія.

Въ бытность свою Настоятелемъ Пустыни о. Исаакій неоднократно говаривалъ: „я принялъ св. обитель съ однимъ гривенникомъ". Иначе и быть не могло послѣ управленія Пустынью идеальнаго игумена, каковъ былъ

приснопамятный о. Моисей. Но надо имѣть въ виду, что хотя въ наличности оборотнаго капитала и не было, однако, имущественный цензъ монастырской,—какъ движимости, такъ и недвижимости, уже возросъ довольно значительно, помимо неприкосновеннаго денежнаго капитала въ 70 т. р., внесеннаго вкладчиками на вѣчное время, проценты съ котораго достигали до 3 т. р. въ годъ.

Текущій долгъ обители, за время настоятельства о. Моисея,—около 10 т. р.,—вскорѣ по кончинѣ его былъ уплаченъ, въ уваженіе къ памяти его и его брата Игумена Антонія, помѣщикомъ Малоярославецкаго уѣзда Облеуховымъ.

Такимъ образомъ, видимое затруднительное въ хозяйственномъ отношеніи положеніе Пустыни было облегчено, по милости Божіей, и новому Настоятелю предстояли заботы уже только о текущихъ потребностяхъ обители.

Не безъ основанія существовалъ слухъ, что нѣкоторые изъ старшихъ братій, посвященныхъ въ ходъ монастырскаго хозяйства, въ числѣ которыхъ считался и новый настоятель о. Исаакій, относились неодобрительно къ хозяйственнымъ распоряженіямъ покойнаго о. Моисея. Но безпокойство о. Исаакія и сѣтованія о скудости пустыни длились недолго. Уплата въ скоромъ времени долга за о. Моисея и пожертвованіе добровольнымъ послушникомъ Пустыни, генералъ-маіоромъ Андреемъ Андреевичемъ Петровскимъ около 15 т. р. по завѣщанію, утвержденному 28 Апр. 1867 года, увѣрили о. Исаакія въ очевидной помощи Божіей, и, вполнѣ раскаяваясь въ своемъ малодушіи, онъ возблагодарилъ Господа Бога за скорую помощь въ нуждахъ обители, и съ тѣхъ поръ уже не переставалъ уповать на Промыслъ Божій. И упованіе его было нетщетно. Жертвы въ обитель стали видимо увеличиваться усердіемъ богомольцевъ, притекавшихъ къ старцу о. Амвросію, и почитателей памяти о.о. Леонида и Макарія.

Относясь прежде ко многимъ предпріятіямъ о. Моисея критически, теперь о. Исаакій, по вступленіи въ должность Настоятеля Пустыни, убѣдился на дѣлѣ въ ошибочности своего прежняго мнѣнія и, по неотложной необходи-

мости, самъ вынужденъ былъ, за 30 лѣтній періодъ своего управленія, произвести постройки не менѣе своего предшественника.

Былъ недостроенъ храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ на новомъ кладбищѣ:—о. игуменъ Исаакій занялся окончательной отдѣлкой храма.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Казанскомъ храмѣ вновь устроенъ иконостасъ. Въ Введенскомъ соборѣ были поновлены старые иконостасы, и вмѣсто каменныхъ половъ устроены деревянные. Стѣнную живопись въ обоихъ храмахъ о. Исаакій реставрировалъ заново. По времени, расширилъ Казанскій храмъ со стороны паперти, и во вновь придѣланной части устроилъ хоры и помѣщеніе для ризницы, а внизу подвалъ (послѣдній врядъ ли кстати для теплаго храма).

Больница монастырская существовала лишь, какъ таковая, только по одному названію; была тѣсна, темна и сыра; братія во время болѣзни не имѣли удобнаго мѣста для успокоенія.

Въ 1873 году Скитоначальникъ о. Иларіонъ страдалъ продолжительною и тяжкою предсмертною болѣзнію; эта продолжительная болѣзнь привела его къ мысли о болѣющихъ братіяхъ, для которыхъ необходима также благоустроенная больница. И въ это время предсмертной болѣзни о. Иларіонъ завѣщалъ о. казначею Флавіану, своему духовному сыну, устроить новую больницу, для чего, съ согласія старца о. Амвросія, передалъ капиталъ, около 30 т. р., составившійся изъ скитскихъ сбереженій и жертвъ самихъ монашествующихъ и добродовольныхъ послушниковъ.

Съ согласія о. Исаакія выстроены въ 1874 г. новая двухъэтажная больница съ церковію во имя св. Иларіона Великаго, за монастырскою оградою, на 20 кроватей, съ аптекою для безплатнаго пользованія братіи и стороннихъ лицъ. Наблюденіе за больницей принялъ врачъ изъ числа братства.

Самъ о. Исаакій до 80 лѣтъ боленъ не бывалъ, къ сквозному вѣтру нарочно самъ подходилъ, увѣряя, что это ему полезно. На леченіе отъ болѣзней онъ имѣлъ

строго монашескій взглядъ; если мало вѣры, то можно и подлѣчиваться.

Въ этомъ же 1874 году, по совѣту старца о. Амвросія, обратившаго вниманіе на неудобное помѣщеніе книжной лавки въ св. воротахъ, о. Исаакій устроилъ новую лавку на другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, съ двумя кельями для братіи.

Монастырская рухлядная (гдѣ хранится матеріалъ для одежды и обуви съ мастерскими портняжной и сапожной) съ увеличеніемъ количества братіи требовала переустройства. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, старецъ о. Амвросій, въ виду усердія къ нему богомольцевъ, пожелалъ зданіе рухлядной, по согласію съ о. Исаакіемъ, перестроить на церковь во имя святителя Амвросія Медіоланскаго, своего монашескаго Ангела, и благовѣрнаго князя Александра Невскаго,—Ангела при крещеніи.—Такимъ образомъ, церковь устроена на средства о. Амвросія, а новая двухъэтажная рухлядная—на монастырскій счетъ (около 6000 р.). Оба придѣла храма освящены были Калужск. Преосвященнымъ Владиміромъ 1-го и 2-го Декабря 1885 года.

Также докончены были о. Исаакіемъ постройки водопровода; вновь выстроены зданія: новой гостинницы, хлѣбной, настоятельской кухни, прачешной, и передѣланы и ремонтированы по потребности прочія монастырскія постройки.

Въ это же время при участіи монаха Ипарха Субботина пріобрѣтенъ большой колоколъ въ 750 пудовъ.

Пустынь нуждалась въ строевомъ и дровяномъ лѣсѣ. И о. Исаакій, съ благословенія Преосвящ. Григорія II, упрочилъ въ собственность Оптиной Пустыни двѣ лѣсныя дачи на деньги, пожертвованныя новоначальными иноками; дарственныя, данныя на эти дачи, совершены: на дачу въ Козельскомъ уѣздѣ,—Черноповерстный лѣсъ въ 459 десятинъ,—въ 1870 и 74 годахъ, а на 35 десятинъ въ 1895 году, уже послѣ смерти о. Исаакія;—на дачу Перемышльскаго уѣзда—пустошь Мокѣева—Козинка тожъ въ 534 десятины,—окончательно укрѣплены въ 1900 году.

Пріобрѣтено у казны въ дачѣ Перемышльскаго уѣзда

$49^{1}/_{4}$ десятинъ болотистой земли, по купчей 27 Янв. 1864 года, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 7 Ноября 1863 г., за 1764 р. 63 к.—Трудами братіи эта болотистая земля обсушена и образовались заливные луга.

Упрочена также за Пустынью на предоставленныя бывшими помѣщиками (и іеромонахомъ Ларіономъ) средства, въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губ., водяная мельница и земля $115^{3}/_{4}$ десятинъ. Дарственныя получены въ 1868—1887 годахъ, а на 70 десятинъ дарственная получена уже въ 1895 году, по кончинѣ о. Исаакія.

Неприкосновенныхъ капиталовъ (въ значительной долѣ внесенныхъ монашествующими) къ 1895 году образовалось всего 150,540 рублей, въ томъ числѣ за время тридцатилѣтняго управленія о. Исаакія около 80,000 рублей.

Пустынь также затруднялась въ пріобрѣтеніи церковныхъ восковыхъ свѣчей. Посему, іеромонахъ Іоанникій предложилъ о. Исаакію устроить свѣчной заводъ въ Пустыни. Для изученія сего дѣла онъ командированъ былъ о. Исаакіемъ въ Сергіеву Лавру, и, по возвращеніи оттуда, устроилъ заводъ, со всѣми приспособленіями, соотвѣтствующими мѣстности, и открылъ производство свѣчей, въ 1865 г. сперва въ небольшомъ размѣрѣ на 600 р.; а потомъ производство увеличено прогрессивно до 6 т. р. Съ 1875 г. со времени открытія Калужскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода, а съ тѣмъ вмѣстѣ воспрещенія продажи свѣчей съ монастырскаго завода, производство сократилось до размѣра монастырской потребности.

Въ 1890 году Государь Императоръ Александръ III удостоилъ благосклонно принять полученное при всеподданнѣйшемъ прошеніи Настоятеля съ братіею приношеніе (рыбу), Всемилостивѣйше изволивъ повелѣть благодарить за это приношеніе; о чемъ Министръ Импер. Двора сообщилъ О. Исаакію 26 Октября 1890 г. за № 3368. *)

*) Въ тотъ годъ лѣтомъ посчастливилось братіи поймать въ р. Жиздрѣ нѣсколько крупныхъ стерлядей, которыя, по совѣту о. Амвросія, и были представлены къ Высочайшему Двору.

Старчество о. Амвросія.

Старецъ о. Амвросій (въ мірѣ Александръ Михайловичъ Гренковъ, сынъ причетника села Большихъ Липовицъ Тамбовской губерніи) родился 23 Ноября 1812 года; жилъ въ сиротствѣ, съ матерью, у дѣда, въ многочисленной семьѣ. До школьнаго возраста прожилъ онъ на попеченіи дѣда и бабушки. Надѣленный отъ природы большими способностями, веселымъ нравомъ, феноменальной памятію, живыми и проницательными глазами, поэтическими наклонностями, онъ кончилъ курсъ Тамбовской семинаріи со званіемъ студента, т. е. въ числѣ первыхъ учениковъ. (Въ то время степень студента богословія, на основаніи 62 § правилъ о духовныхъ училищахъ, давала права университетскаго студента). По окончаніи курса 15 Іюля 1836 года, занялъ онъ мѣсто учителя Липецкаго духовнаго училища, и пробылъ въ этой должности до осени 1839 года. Общественное положеніе учителя крайне тяготило благочестиво — настроенную душу юнаго богослова. Тайный голосъ сердца призывалъ его къ другой болѣе плодотворной дѣятельности. Возросши въ нуждѣ и въ обычной для того времени суровости, онъ соблюдалъ во всемъ самое строгое воздержаніе и особенное цѣломудріе (донынѣ хранимое преимущественно лицами духовнаго сословія, какъ безусловно-требуемое для достиженія духовныхъ степеней священства).

Не льстила его и семейная жизнь въ священномъ санѣ.

При такомъ душевномъ настроеніи постигла его болѣзнь, во время которой, уповая получить скорое выздоровленіе, онъ далъ было слово посвятить себя на служеніе Богу въ иноческомъ званіи, однакоже по выздоровленіи сталъ откладывать исполненіе своего слова. Повторившаяся болѣзнь породила въ немъ рѣшимость идти къ старцамъ подвижникамъ. Ближайшій къ Липецку современный старецъ былъ о. Иларіонъ, въ селѣ Троекуровѣ. Старецъ далъ совѣтъ Александру Михайловичу „идти прямо въ Оптину“, и прибавилъ: „можно бы поступить и въ Саровскую пустынь, но тамъ уже нѣтъ такихъ мудрыхъ старцевъ, какіе были прежде“.

Александръ Михайловичъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ въ жизни, оставилъ свою службу, отправился прямо въ Оптину Пустынь и уже изъ Пустыни послалъ объясненіе Тамбовскому Епископу Арсенію, въ которомъ испрашивалъ себѣ прощеніе за самовольное оставленіе учительской должности. Прощеніе вмѣстѣ съ архипастырскимъ благословеніемъ Александръ Михайловичъ получилъ вскорѣ.

Студентъ богословія, знакомый съ пятью языками: французскимъ, греческимъ, еврейскимъ, татарскимъ и славянскимъ, глубоко-просвѣщенный свѣтомъ Христовой истины А. М. право разсудилъ, что сперва надобно *творить*, чтобы *потомъ* учить (Іоан. XIII, 17), отрекся отъ своей воли и попеченій о себѣ, предалъ себя водительству полуграмотныхъ, но опытныхъ и прозорливыхъ старцевъ, исполнявшихъ заповѣди Божіи самымъ дѣломъ, чтобы достигнуть истиннаго познанія писаній и достигнуть того *видѣнія*, которое открывается по дѣяніи.

Въ монастырскихъ записяхъ значится, что Александръ Мих. Гренковъ опредѣленъ въ число братіи 2 Апрѣля 1840 года, постриженъ въ мантію 29 Ноября 1842 года, съ нареченіемъ Амвросіемъ, рукоположенъ въ Іеродіакона 4 февраля 1843 года.

Уже при поступленіи въ обитель о. Амвросій имѣлъ слабое здоровье и, будучи Іеродіакономъ, служилъ весьма рѣдко. Во время же поѣздки въ Калугу 7 Декабря 1845 года, для рукоположенія въ іеромонаха (9 Декабря) онъ, возвращаясь въ Оптину, перетерпѣлъ сильную вьюгу и холодъ, и окончательно разстроилъ свое здоровье, почему указомъ Калужской Консисторіи 29 Марта 1843 г. на основаніи положенія Св. Синода, оставленъ за штатомъ.

Изъ времени старчества о. Леонида, скончавшагося 11 Окт. 1841 года, о. Амвросій засталъ очень немного. Первое послушаніе о. Амвросія было на скитской кухнѣ, откуда вскорѣ старецъ о. Макарій перевелъ его къ себѣ для письмоводства. Письма о. Макарія, касавшіяся богословскихъ вопросовъ, составлялись вчернѣ о. Амвросіемъ, но окончательная редакція зависѣла отъ о. Макарія. Кромѣ веденія текущей переписки о. Макарія, труды о. Амвросія

состояли—въ участіи, вмѣстѣ съ прочими сотрудниками, въ переводѣ святоотеческихъ книгъ и изданіи переводовъ Паисія Величковскаго.

Трудъ о. Амвросія—переводъ „Лѣствица“ на полуславянскій языкъ — принятъ Св. Синодомъ въ его распоряженіе и издается въ печати подъ заглавіемъ „Св. Іоанна Лѣствичника, переводъ Оптиной Пустыни“.

При богатыхъ природныхъ дарованіяхъ и обильно-наполняющемъ благодатію Божіею душу Богословскомъ образованіи, смиренное преданіе своей воли въ послушаніе простому старцу о. Макарію, скоро привлекло на о. Амвросія особую благодать Божію, паче всѣхъ сверстниковъ.

Преосвященный Калужскій Николай, въ бытность свою въ Оптиной Пустыни 23 Августа 1846 года, возложилъ на о. Амвросія особое важное послушаніе, сказавъ при прощаніи: „спасайтесь отцы и братія. Имѣйте миръ и любовь между собою. Начальникамъ повинуйтесь. А ты, о. Амвросій, помогай о. Макарію въ духовничествѣ; онъ ужъ старъ становится. Вѣдь это—тоже наука, только не семинарская, а монашеская“.

Послѣ такого оффиціальнаго назначенія о. Амвросія помощникомъ старца, о. Макарій, при отъѣздѣ изъ Пустыни въ путешествіе 15 Мая 1850 года, поручилъ, на время своего отсутствія, духовныхъ дѣтей своихъ о. Амвросію. Второй разъ 21 Марта 1852 года, отъѣзжая въ Москву по дѣламъ Пустыни, о. Макарій поручилъ духовное назиданіе братіи и богомольцевъ такъ же о. Амвросію.

Такимъ образомъ, съ 1846 года о. Амвросій несъ послушаніе помощника Старца, а съ 7 Сентября 1860 года,—дня кончины о. Макарія, подъялъ и полный трудъ старчества, каковой и несъ до самой кончины своей—10 Октября 1891 года.

На первыхъ порахъ по смерти о. Макарія, монахини и мірскія особы, незнавшія о. Амвросія лично, относились съ духовными нуждами къ о. Иларіону, бывшему келейнику о. Макарія, всегда ихъ принимавшему. Но духовный свѣтъ не могъ укрыться отъ людей. Когда о. Амвросій сталъ выходить въ лѣтнее время на воздухъ, для пре-

подапія благословенія богомольцамъ, то на посѣтителей Пустыни онъ производилъ необыкновенное впечатлѣніе.

„Объ о. Амвросіи“, пишетъ одна особа, „я ничего прежде не знала, и только наканунѣ встрѣчи съ нимъ слышала, что въ Скиту есть Іеромонахъ о. Амвросій, который часто боленъ и рѣдко выходитъ изъ Скита и который очень ученый. Больше ничего не знала и понятія о монастырской жизни, полученныя въ міру, были самыя неясныя. Итакъ, мое впечатлѣніе ничѣмъ не было подготовлено.—Я увидѣла его подлѣ Скита въ старой-старенькой накидкѣ, съ палочкой въ рукахъ. Онъ шелъ легко и имѣлъ видъ совсѣмъ не такой, какъ другіе монахи,—онъ шелъ, казалось мнѣ, не касаясь земли. —Я была сзади его; но онъ вдругъ обратился въ нашу сторону и благословилъ меня. Впечатлѣніе моего сердца было такое, что это должно быть духъ Ангела во плоти. Я ни одного слова ему не сказала“.

„Все, что до сихъ поръ напечатано было объ о. Амвросіи, меня совсѣмъ не удовлетворяетъ; впрочемъ, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворитъ, хотя бы потому, что теперь еще очень многаго нельзя о немъ писать... Что вы скажете, или какъ выразите чувства того, кто лично пришелъ къ Старцу съ негодующимъ помысломъ на него самаго, въ мучительномъ раздумьѣ, какъ бы преодолѣть себя, чтобы высказать ему этотъ самый помыслъ свой? Что вы скажете, если старецъ самъ избавилъ отъ этого непріятнаго чувства—пересказа такого помысла; встрѣтивъ меня, онъ улыбнулся и положилъ свою руку себѣ на голову, изображая кающагося человѣка! Такія таинственныя душевныя движенія, эту жизнь душъ никакъ не возможно положить на бумагу“.

Вообще, первая встрѣча съ о. Амвросіемъ поражала посѣтителей. Ожидая увидѣть старца дряхлаго, серьезнаго, строгаго, молчаливаго, глаза посѣтителя вдругъ встрѣчали радостное суxенькое, старческое личико, съ добрыми проницательными глазами, съ улыбкою и лаской встрѣчающее васъ смиренно въ полулежащей позѣ, въ камилавкѣ, черномъ подрясникѣ, и уже благословляющаго васъ дро-

жащей сухенькой ручкою, при одобряющемъ и всепрощающемъ взглядѣ.

„Когда человѣкъ весь бываетъ внутренно соединенъ и срастворенъ любовію Божіей, тогда и по наружному своему виду, говоритъ Лѣствичникъ (30, 17), на тѣлѣ своемъ изъявляетъ свѣтлость души своей". Вотъ такая-то свѣтлость всегда была замѣтна на сухенькомъ лицѣ старца и чувствовалось, что онъ готовъ „течь на выю и облобызать тебя, кающагося".

Е. Поселянинъ (псевдонимъ) въ брошюрѣ: „Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій" (Петерб. 1901 г.) пишетъ: „меня покорила его святость, которую я чувствовалъ, неразбирая въ чемъ она, и та непостижимая бездна любви, которая, какъ слѣдствіе его святыни, была въ немъ. Я теперь сталъ понимать, что назначеніе старцевъ благословлять и одобрять жизнь и посылаемыя Богомъ радости, учить людей жить счастливо и помогать имъ нести выпадающія на ихъ долю тягости, въ чемъ бы онѣ ни состояли".

Къ о. Амвросію стали притекать за совѣтами и помощію православные и иновѣрцы, и простые люди и нѣкоторые изъ ученыхъ *).

Отъ ранняго утра до поздняго вечера толпы народа ежедневно шли къ о. Амвросію (кромѣ своей братіи для откровенія помысловъ, и священнослужащихъ—для

*) Въ Августѣ 1853 года присоединился къ Православной Церкви въ Скиту, подъ руководствомъ о. Макарія, сынъ реформатскаго суперъинтендента въ Москвѣ, окончившій курсъ Московскаго Университета Конст. Карл. Зедергольмъ, подъ вліяніемъ И. В. Кирѣевскаго и Т. И. Филиппова Получивъ, затѣмъ, степень магистра, К. Зедергольмъ съ 1858 по 1862 годъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода. Человѣкъ съ твердымъ и философски-послѣдовательнымъ умомъ,—онъ шагъ за шагомъ дошелъ до убѣжденія въ необходимости стать монахомъ.

Въ 1862 году онъ поступилъ въ Скитъ. По водвореніи своемъ здѣсь Константинъ, въ иночествѣ о. Климентъ, сталъ помогать болѣзненному о. Амвросію въ обширной перепискѣ съ духовными дѣтьми, и принялъ самое дѣятельное участіе въ изданіяхъ Оптиной Пустыни. Превосходное знаніе имъ древнихъ и новыхъ языковъ дѣлало его незамѣнимымъ сотрудникомъ по переводамъ святоотеческихъ трудовъ.

исповѣди), или—монашествующіе пріѣзжіе и мірскіе люди, дворяне, купцы и простой народъ обоего пола. Кто искалъ разрѣшенія своихъ религіозныхъ сомнѣній, кто исцѣленія отъ грѣховъ и тѣлесныхъ болѣзней, кто утѣшенія въ скорби, кто совѣта въ житейскихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, кто просто пособія; и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ просили молитвъ и благословенія св. старца на христіанскую жизнь.

Съ отеческою любовію и ласкою встрѣчалъ всѣхъ и провожалъ старецъ. Въ серьезныхъ случахъ принималъ уединенно посѣтителей въ своей кельѣ, а высокопоставленныхъ лицъ въ отдѣльномъ зальцѣ. Всѣ входившіе къ старцу, выходили отъ него довольными, утѣшенными, не исключая и тѣхъ изъ духовныхъ дѣтей его, которыхъ приходилось вразумлять не только строгимъ внушеніемъ, но и костылемъ или палочкой, или легкой плеткой.

Почти ежедневно о. Амвросій выходилъ изъ своей кельи по вечерамъ въ теплыя сѣни и зальце на такъ называемое „общее благословеніе". Всѣ и сидѣвшіе на стульяхъ, лавкахъ, на полу, и стоявшіе — становились обыкновенно на колѣна, при вѣсти: „старецъ идетъ". По выходѣ изъ кельи старецъ молился на икону Божіей Матери и проходилъ въ тѣсной толпѣ, благословляя публику (въ полутьмѣ) направо и налѣво; вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣчалъ на просьбы простыми краткими, но вдохновенно мудрыми отвѣтами, въ которыхъ, кромѣ текстовъ Св. Писанія, удачно пользовался вразумительными пословицами и притчами. Изъ сѣней старецъ переходилъ другими сѣнями въ такъ называемую „хибарку" (изъ которой выходъ за ограду Скита), гдѣ ожидали его благословенія женщины; тамъ—въ „хибаркѣ" о. Амвросій точно также благословлялъ и отвѣчалъ на вопросы.

Когда старецъ садился въ зальцѣ или хибаркѣ на диванчикъ, тогда всѣ посѣтители становились на колѣна, и съ глубокимъ вниманіемъ слушали его бесѣды и наставленія.—Всегда радостный, онъ умудрялся на предлагаемые вопросы отвѣчать безъобидно, съ присущимъ ему юморомъ. Многія посѣтительницы на женской половинѣ

такъ любили слушать отвѣты и наставленія о. Амвросія, что съ особымъ любопытствомъ ходили на пріемы и записывали его изреченія и отвѣты *). Въ теплые лѣтніе дни старецъ выходилъ за ограду Скита, на свѣжій лѣсной воздухъ; появленіе его было радостію для всѣхъ, томившихся ожиданіемъ пріема. Опираясь на костыль, онъ шелъ, въ сопровожденіи келейника, по дорожкѣ, въ бѣломъ подрясникѣ, мѣховой рясѣ и въ теплой спальной камилавкѣ, преподавая точно также и благословеніе всѣмъ по ряду, по временамъ останавливаясь и отвѣчая на вопросы, которые обращали его вниманіе. Въ этомъ разговорѣ съ народомъ, старецъ почти всегда утомлялся до изнеможенія, и отправлялся въ келью не столько на отдыхъ, сколько для другаго труда—отвѣтовъ на письменные вопросы. Народъ, по обычаю, толпился вокругъ него, шумѣлъ, нѣкоторые хватались даже за края его одежды, чтобы, остановивъ его на секунду, сказать ему „словечко". Нерѣдко, выбираясь изъ толпы народа, оставлялъ онъ въ рукахъ народа и верхнюю рясу, которую послѣ келейники его приносили въ келью.

*) Много этихъ изреченій въ книгѣ „*Жизнеописаніе о. Амвросія*" составленной Архимандритомъ Агапитомъ (въ пользу Оптиной Пустыни) перепечатаны изъ „Душеполезнаго Чтенія". Но главный первоисточникъ запись „хибарочныхъ посѣтительницъ"—„изреченій о. Амвросія" нерѣдко требуетъ поясненій и нѣкоторыхъ добавленій, при которыхъ только и можно понять всю остроту отвѣтовъ о. Амвросія, и отмѣтить тонкость его замѣчаній о неумѣстности нѣкоторыхъ предлагавшихся ему вопросовъ.

Такъ напримѣръ: напечатанъ (ч. I. стр. 120) вопросъ:—„кто такъ будетъ милостивъ до насъ, Батюшка, если васъ Господь возметъ къ Себѣ отъ насъ?"—„Много есть людей гораздо лучше меня", отвѣчалъ старецъ." А *далѣе*, по другой записи, мы прочли слѣдующее: „про это ужъ намъ знать", раздался опять голосъ вопрошавшей.—„Какъ щенять ковать", подхватилъ О. Амвросій, объяснивъ при этомъ, какъ дѣти въ деревнѣ играютъ со щенятами: берутъ лапу, дѣлаютъ видъ, что подковываютъ будто бы лошадь.

Или другой примѣръ: Когда коснулся разговоръ о діаконствѣ о. Амвросія, то одна изъ женщинъ спросила: „а какой у васъ батюшка, голосъ былъ?—„Теноръ... и басъ", отвѣчалъ старецъ, добавивъ: „только никогда не попадалъ въ тонъ". Потомъ (по другой записи) запѣлъ: „Любити убо намъ.... удобѣе *молчаніе*". Голосъ же у него былъ чистый теноръ, а не басъ.

Слава о старцѣ о. Амвросіѣ постепенно распространялась по Россіи и даже за границей. Московскій Митрополитъ Филаретъ прислалъ ему въ благословеніе образъ Спасителя. Переписку вели со старцемъ Архипастыри: Воронежскій Антоній, Саратовскій Тихонъ, Томскій Петръ, не малое время проживші на покоѣ въ Оптиной Пустыни, и другіе. Бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ А. П. Толстой въ 1864, 1865 и 1866 годахъ въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Пустынь и гостилъ по нѣсколько дней, въ построенномъ на его средства въ Скиту, для о. Климента, деревянномъ корпусѣ. Въ 1887 году лично посѣтили о. Амвросія Великій Князь Константинъ Константиновичъ, а также Митрополитъ Московскій Іоанникій. За совѣтами и руководствомъ обращались къ нему настоятели и настоятельницы многихъ монастырей.

Эти одни высокопочтенные соглядатаи и цѣнители высокихъ духовныхъ дарованій о. Амвросія достаточно авторитетны, чтобы убѣдительнѣе свидѣтельствовать о нихъ вѣрующимъ; любопытно еще свидѣтельство о томъ же — такъ сказать „внѣшнихъ", непринадлежащихъ къ Православной Церкви.

Въ шестидесятыхъ годахъ пріѣзжалъ къ о. Амвросію реформатскій суперъ-интендентъ г. Москвы Карлъ Зедергольмъ, обмѣнявшійся потомъ съ о. Амвросіемъ нѣсколькими письмами.

Бывали у о. Амвросія многіе католики и лютеране, напр. сенаторъ Тизенгаузенъ, бывшій вице-губернаторъ Барановичъ, многіе врачи, обратившіеся впослѣдствіи въ православіе. Обращалась за совѣтомъ даже изъ Женевы одна француженка, послѣ размолвки съ своимъ патеромъ.

Изъ русскихъ писателей особенно чтилъ о. Амвросія К. Н. Леонтьевъ. Онъ нѣсколько лѣтъ пріѣзжалъ въ Оптину Пустынь пожить близъ старца и попользоваться его совѣтами и бесѣдами; первый разъ—по пріѣздѣ изъ Салоникъ, гдѣ онъ былъ консуломъ (въ Оптиной Пустыни такъ и звали его до конца жизни „консулъ"), а потомъ съ 1886 года, когда получилъ отставку отъ должности цензора, до отъѣзда въ Троице-Сергіеву Лавру, принявши тайное постриженіе за нѣсколько дней до кончины о.

Амвросія († 10 Окт. 1891 г.). Къ нему о. Амвросій имѣлъ такое довѣріе, что нерѣдко адресовалъ къ нему тѣхъ изъ своихъ интеллигентныхъ посѣтителей, которые нуждались въ убѣжденіяхъ о суетѣ міра сего и необходимости вѣры въ Евангеліе *).

К. Н. часто высказывалъ, бывая на Скитскихъ бдѣніяхъ у старца, что съ большимъ удовольствіемъ посѣщаетъ скитское бдѣніе: все необыкновенно—оригинально: лѣсъ, уединеніе, скитъ, розовый цвѣтъ св. воротъ, напѣвы, вдохновенный свыше старецъ, совершенно безстрастный,—даже къ музыкальнымъ звукамъ пѣвцовъ: И все существующее здѣсь составляетъ необходимую принадлежность, чтобы среди всего этого проявлялся и возросъ о. Амвросій; „даже плохіе люди, и тѣ здѣсь нужны".

Столь же восторженный отзывъ о Пустыни даетъ письмо католика, извѣстнаго въ Россіи археолога, тайнаго совѣтника Жизневскаго къ послушнику Пустыни Е. 12 Мая 1887 года: „съ сердечнымъ сочувствіемъ я отнесся къ вашему водворенію въ Оптиной Пустыни", пишетъ Жизневскій. „Она мнѣ знакома съ 1850 года; въ ней былъ я два раза и однажды съ извѣстнымъ писателемъ, графомъ Алексѣемъ Константиновичемъ Толстымъ; о ней сохранены мною самыя отрадныя воспоминанія. Статья „О. Климентъ Зедергольмъ" оживила такія воспоминанія, когда она впервые появилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Она-то, я думаю, не одного человѣка съ душею привлекла въ стѣны этой святой обители. Туда по временамъ ѣздитъ мой пріятель сенаторъ Н. О. Тизенгаузенъ. Вотъ почему особенно дорогъ мнѣ вашъ подарокъ,—книга „Отецъ Климентъ Зедергольмъ"..... (Она послана была по совѣту старца).

Посѣщали о. Амвросія и другіе писатели (кромѣ Алексѣя Толстаго, который за 3 версты, изъ города Козельска приходилъ въ Оптину Пустынь нѣсколько разъ пѣшкомъ).

Такъ пріѣзжали, напримѣръ Ѳ. М. Достоевскій съ Вл. С. Соловьевымъ.

*) К. Н. Леонтьевъ напечаталъ брошюру: „Православный нѣмецъ о. Климентъ Зедергольмъ" 1880 г.).

Считаемъ долгомъ возстановить здѣсь истину, относительно отзыва о. Амвросія о Вл. С. Соловьевѣ. Авторъ „Очерковъ жизни о. Амвросія“ (1 ч. 94 стр.) пишетъ, что о В. С. Соловьевѣ старецъ сдѣлалъ „неодобрительный отзывъ“, причемъ сослался на Январскую книгу Душ. Чт. за 1892 г. стр. 46; а тамъ сказано, что *„Соловьевъ не вѣритъ въ будущую жизнь“*. Очевидно, слова старца, если ихъ и слышала госпожа N отъ самаго о. Амвросія, то не поняла смысла ихъ.

Намъ лично о. Амвросій сказалъ (по поводу полемики К. Н. Леонтьева съ Соловьевымъ о сочиненіяхъ Данилевскаго): „спроси-ка Соловьева, какъ онъ *думаетъ о вѣчныхъ мученіяхъ?“* Въ этихъ словахъ старца исключается всякое сомнѣніе относительно вѣры Соловьева въ будущую жизнь. Да это видно и изъ послѣднихъ замѣчательныхъ сочиненій его, Соловьева: „Оправданіе добра“ и „Три разговора подъ липами“.

Близокъ къ старцамъ Оптиной Пустыни былъ также Т. И. Филипповъ. Онъ былъ духовнымъ сыномъ о. Макарія; былъ въ первый разъ въ Оптиной Пустыни 29 Іюля 1855 года *). Потомъ въ Маѣ 1886 года пріѣзжалъ изъ Петербурга (чрезъ Москву) вмѣстѣ съ К. Н. Леонтьевымъ и однимъ сотоварищемъ, и, наконецъ, въ Іюлѣ 1891 года. О послѣднемъ пріѣздѣ извѣщали письмами послушника Е.: О. Амвросій, отъ 12 Іюля 1891 года....: „Я теперь нахо-„жусь въ Рудневѣ и ко мнѣ въ Руднево (близъ Шамор-„дина) пріѣзжалъ Т. И. Филипповъ и очень пожалѣлъ, „что тебя нѣтъ въ Оптинѣ, куда онъ въ тотъ же день и отправился“. А Т. И. отъ 16 Января 1892 г. писалъ: „очень скорбѣлъ я, что въ послѣднее мое посѣщеніе Оптиной Пустыни не засталъ въ ней васъ. За то успѣлъ дать послѣднее цѣлованіе вскорѣ отшедшимъ отъ насъ о. Амвросію и К. Н. Леонтьеву. Перваго нашелъ я на хуторѣ близъ Шамордина и получилъ отъ него напутствіе на защиту святыхъ Божіихъ церквей, о мирѣ и благостояніи коихъ

---

*) Перевелъ съ греческаго „Толкованіе на молитву Отче нашъ“ (Москва 1853 г.). Въ 1856 году хлопоталъ и наблюдалъ за изданіемъ Оптинскихъ переводовъ.

возносятся ежедневно во всей Россіи молитвы, и въ тоже время на миръ и благостояніе ихъ появляются дерзкія и преступныя посягательства. Передъ разлукою я попросилъ старца возложить на мою голову свою руку, что онъ и исполнилъ, промолвивъ: „да будетъ въ этой головѣ всегда воля Божія“.... (Эти письма приводятся здѣсь въ опроверженіе утвержденія Н. И. Субботина (Душ. Чт. Апр. 1900 г.), что будто бы Оптинскіе старцы прекратили всякія сношенія съ Филипповымъ.

Графъ Л. Н. Толстой былъ у о. Амвросія три раза: первый разъ (до отлученія отъ Церкви) съ Н. Н. Страховымъ 22 Іюля 1877 года*), второй разъ былъ инкогнито, съ конторщикомъ своимъ и учителемъ, въ 188½ году, а третій разъ съ супругою, троими дѣтьми и родною сестрою въ 1890 году. (Родная сестра графа проживала сперва въ Бѣлевскомъ монастырѣ, а потомъ перешла въ Шамординскую общину подъ руководство о. Амвросія, гдѣ и проживаетъ до нынѣ).

О второмъ путешествіи графа въ Оптину Пустынь напечатано въ газетѣ „Недѣля“, за 1900 годъ, воспоминаніе конторщика въслѣдующихъ словахъ: „Весною 1881 или 82 года Л. Н. пѣшкомъ приходилъ въ Оптину Пустынь съ сельскимъ учителемъ и мною (служившимъ 35 лѣтъ конторщикомъ у графа). На пятый день (около 200 верстъ) пришли мы въ Оптину Пустынь. Былъ седьмой часъ вечера и звонили къ ужину. Пошли и мы съ Л. Н., причемъ, такъ какъ мы были въ самыхъ простыхъ одеждахъ, да въ лаптяхъ, насъ не пустили въ первыя двѣ комнаты, которыя почище, а посадили въ третьей вмѣстѣ съ нищими. На другой день Л. Н. зашелъ, между прочимъ, въ монастырскую книжную лавку. Слышитъ онъ, какъ какая-то баба проситъ Евангеліе за пятачекъ, а монахъ отказываетъ, потому, говоритъ, „дешевыя Евангелія всѣ вышли, остались только дорогія“. Узналъ Л. Н., что баба хочетъ купить Евангеліе для сына своего, взялъ съ при-

*) Въ одномъ черновомъ письмѣ, руки о. Климента, отъ 22 Іюля 1877 года, сказано „письмо прервано посѣщеніемъ неожиданныхъ гостей: Л. Н. Толстымъ и Н. Н. Страховымъ“.

лавка Евангеліе, заплатилъ за него 1½ цѣлковыхъ и отдалъ бабѣ. „Вотъ возьми", говоритъ, „сама читай и сына своего учи, потому—Евангеліе утѣшаетъ нашу жизнь". Случай этотъ вызвалъ особое вниманіе къ Л. Н.; онъ совсѣмъ этого не желалъ, но его узнали и пришлось ему идти по приглашенію къ Архимандриту. Потомъ онъ посѣтилъ о. Амвросія и остался очень доволенъ бесѣдой съ нимъ. Выйдя отъ него довольный и радостный, онъ сказалъ: „этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога".

Въ третій пріѣздъ, въ 1890 году, Л. Н., остановившись въ монастырской гостиницѣ, отпустилъ семейство *) къ о. Амвросію, а самъ пошелъ въ Скитъ къ родственнику, добровольному послушнику NN. Передавъ NN поклонъ отъ семейства, Л. Н. разспрашивалъ его о скитскихъ правилахъ, одобряя постъ и воспрещеніе входа въ Скитъ женщинъ; коснулся также вопроса о цѣли жизни, для чего мы живемъ? Послушникъ, слышавшій за церковной службой поясненіе объ этомъ предметѣ, сказалъ, что, по волѣ Создателя, мы должны восполнить число падшихъ ангеловъ на небѣ. „А кто это тебѣ сказалъ? переспросилъ Л. Н.—„Да я слышалъ это въ церкви", отвѣчалъ послушникъ.

Пригласивъ, затѣмъ, N повидаться съ семействомъ, графъ прибавилъ: „а что, не побывать ли и мнѣ у о. Амвросія"? N отвѣчалъ: „какъ хотите".

Возвратясь въ гостиницу, Л. Н. встрѣтилъ свою семью, возращавшуюся отъ о. Амвросія съ очень довольнымъ расположеніемъ и рѣшилъ побывать и самъ у о. Амвросія. Послѣ свиданія съ о. Амвросіемъ, Л. Н. зашелъ къ К. Н. Леонтьеву, какъ къ старому знакомому. „Какъ это ты—образованный человѣкъ, сдѣлался вѣрующимъ и рѣшился тутъ жить?"—сдѣлалъ Л. Н. вопросъ Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ: „Поживи здѣсь,—такъ самъ повѣруешь". „Еще бы, запереть себя здѣсь", возразилъ Л. Н., „такъ

*) Одна дочь его не пожелала идти.

по неволѣ повѣруешь“..... „Я твою философію, братъ, не читаю, а только беллетристику“, выразился Л. Н. „Пиши, братъ, пиши въ старости и отъ 80-лѣтнихъ авторовъ выходили знаменитыя творенія“. Во время чая разговоръ коснулся старца о. Амвросія; „вотъ человѣкъ хорошій! Я былъ у него и *завтра думаю опять побывать*. Онъ преподаетъ Евангеліе, только не совсѣмъ чистое, а вотъ—мое Евангеліе“,—при этомъ взялъ изъ своего кармана книжку и подалъ Леонтьеву. Въ это время у Леонтьева была брошюра Елеонскаго, въ которой доказана тожественность и неповрежденность Евангелія и отвергались противныя мнѣнія Толстаго.—Леонтьевъ подалъ ее Л. Н.; но онъ сказалъ: „брошюра дѣльная, она рекламируетъ и мое евангеліе“. Тутъ Леонтьевъ не сдержалъ себя, вспыхнулъ и сказалъ: „какъ это возможно, чтобы здѣсь въ Пустыни быть,—гдѣ такой старецъ, какъ о. Амвросій, и говорить *о своемъ* евангеліи? Это можно развѣ въ какой нибудь глуши,—въ Томскѣ что ли“? Замѣчаніе это задѣло гордость Л. Н. Онъ рѣзко отвѣтилъ: „чтожъ, у тебя много знакомыхъ, пиши въ Петербургъ,—можетъ быть, сошлютъ меня въ Томскъ“.—Затѣмъ, ушелъ въ гостинницу и уѣхалъ въ Ясную Поляну, не побывавъ у старца (и не заплативъ денегъ кузнецу за ковку лошадей). На другой день Леонтьевъ попросилъ Е. узнать отъ о. Амвросія подробности о его бесѣдѣ съ Толстымъ, но о. Амвросій одно только велѣлъ передать Леонтьеву, что Толстой былъ у него около часа. „При входѣ Толстого въ мою келью, я благословилъ его и онъ поцѣловалъ мою руку. А когда сталъ прощаться, то, чтобы избѣжать благословенія, поцѣловалъ меня въ щеку“. Разсказывая это, старецъ едва дышалъ, — такъ сильно утомила его бесѣда съ графомъ. „Гордъ очень“, добавилъ о. Амвросій.

Предъ выходомъ Толстаго изъ кельи позванъ былъ туда къ старцу Ш. и онъ слышалъ, что старецъ предложилъ Л. Н. принести печатное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Затѣмъ, Толстой, выйдя въ общую пріемную (зальце), гдѣ были Леонтьевъ, Б. и Ш., высказался о своей бесѣдѣ со старцемъ такъ: „я растроганъ, растроганъ!“ и собирался еще побывать у старца на другой день.

Кстати здѣсь привести отзывъ самого Л. Н. Толстаго объ Оптиной Пустыни.

Ему сдѣланъ былъ однимъ нѣмцемъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще человѣкъ право убить себя? На это Толстой отвѣтилъ письмомъ, напечатаннымъ въ „Южномъ Обозрѣніи“ за 1890 годъ *), слѣдующее: „вопросъ неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть и рѣчи. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадаютъ) убить себя?—Нѣтъ. Неразумно. Такъ же неразумно, какъ срѣзать побѣги растенія, которое хочемъ уничтожить: оно не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно. Жизнь неистребима; она внѣ времени и пространства, и потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я, во первыхъ, не знаю, будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе мнѣ пріятно, а во вторыхъ,—лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего „я“ все то, что оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ. Кромѣ того, и главное, это неразумно потому, что прекращая свою жизнь изъ за того, что она мнѣ кажется непріятной, я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть мое удовольствіе, тогда какъ назначеніе ея есть, съ одной стороны, личное совершенствованіе, а съ другой—служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнію міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность жить до естественной смерти, только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнію на столько, на сколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна, тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Въ Оптиной Пустыни въ продолженіи болѣе 30 лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличемъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Докторъ говоритъ, что онъ долженъ былъ сильно страдать,

*) Недѣля 1900 г. № 18.

но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого, лишеннаго всякой возможной дѣятельности, человѣка. Навѣрное этотъ человѣкъ сдѣлалъ гораздо больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру. Пока есть жизнь въ человѣкѣ,—онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ только совершенствуясь, а совершенствоваться—только служа міру *)."

Монахъ этотъ былъ Іеродіаконъ Меѳодій, разбитый параличемъ и лежавшій 24 года на одномъ боку.

Таковы плоды, которые приносила монашеская жизнь подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ,—каковыми были въ Пустыни: о.о. Моисей, Леонидъ, Макарій и Амвросій,—плоды, свидѣтельствуемые лицемъ, отступившимъ отъ православія.

Въ лицѣ о. Амвросія мы видимъ человѣка, по милости Божіей,—въ духѣ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви,—этого высшаго дара, вѣнца добродѣтелей. Въ теченіе 30 лѣтъ онъ былъ чуднымъ свѣтильникомъ монашества, обладая даромъ прозрѣнія, насколько въ каждомъ случаѣ было угодно волѣ Божіей. Его совѣты были краткіе, практичные, мудрые, утѣшающіе, съ присущимъ ему юморомъ. Изъ любви къ ближнимъ оста-

*) „Служа міру"—конечно не въ грубомъ смыслѣ этого слова. „Служить міру".—значитъ—вообще служить своему назначенію въ мірѣ, будетъ ли это назначеніе монаха молитвенника, или простого мірянина ремесленника и труженика—служить честно, добросовѣстно и ради Господа. Что касается, въ частности, монашеской жизни, то ея „служеніе міру" даже можетъ быть особенно благотворно и существенно. Стоящій на высотѣ своего назначенія, хотя бы и никому до времени невѣдомый монахъ составляетъ одну изъ свѣтлыхъ точекъ лежащаго во злѣ міра. Совокупность такихъ точекъ, хотя бы въ отдѣльности малыхъ и небрегомыхъ составляетъ „свѣтъ міра" „соль земли", „цвѣтъ неба". Монахъ можетъ и долженъ служить міру добрымъ примѣромъ жизни, всецѣло погруженной въ Бога.

вилъ онъ схимническій затворъ, схимническія правила. Ему повѣрялись русскимъ народомъ завѣтныя тайны, денежныя затрудненія, торговыя предпріятія. Онъ былъ тонкій психологъ, былъ на высотѣ движеній русской мысли. Характеристика его дѣятельности, его замѣчательныя мысли и совѣты, рѣдко касавшіяся догматики, преимущественно относились къ вопросамъ нравственности.

Еще въ первый годъ своего старчества онъ писалъ къ одной особѣ, 31 Декабря 1860 г. слѣдующее: „Давно собирался я успокоить Васъ, многозаботливая П. В., касательно боязни Вашей, что будто я оставлю Васъ и не буду писать къ Вамъ. Ежели я, по слабости своего характера, не отказался отъ Васъ, не знавши Васъ какъ должно, а согласился на предложеніе Ваше, не желая оскорбить Васъ въ крайней нуждѣ духовной находящуюся; то теперь ли могу оставить Васъ, когда я, по недостатку истиннаго разсужденія, презрѣвъ свою душу и собственное спасеніе, оставилъ на произволъ судьбы, мняся заботиться о душевной пользѣ ближняго. Не знаю, есть ли кто неразумнѣе меня! Будучи немощенъ крайне тѣломъ и душею, берусь за дѣло сильныхъ и здоровыхъ душевно и тѣлесно. О! дабы простилъ мнѣ Господь неразуміе мое за молитву блаженнаго отца нашего (Макарія)“.

Преподавая благословеніе и совѣты приходившимъ къ нему старецъ былъ снисходителенъ въ высшей степени. Одной духовной дочери онъ сдѣлалъ такое разъясненіе. „Когда я говорю, надобно слушать съ *перваго* слова: тогда будетъ послушаніе по волѣ Божіей. Я мягкаго характера; уступлю, но не будетъ пользы для души“ *).“

*) Имя о. Амвросія вызвало многихъ составителей брошюръ, касающихся его жизни. Отъ Оптиной же Пустыни издана одна только брошюра подъ заглавіемъ: „Краткое сказаніе о жизни Оптинскаго старца Іеросхимонаха Амвросія. Москва 1893. „Затѣмъ, Архимандритомъ Агапитомъ составлено въ пользу Оптиной Пустыни „Жизнеописаніе о Амвросія 1900 г.“ Но въ эту книгу не вошли письма о. Амвросія; между тѣмъ какъ именно изъ писемъ о. Амвросія, только и можно составить точное понятіе о необыкновенной мудрости этой свѣтлой души. Половина

Воплощенная любовь о. Амвросія къ ближнимъ существовала въ немъ вмѣстѣ съ глубокою ненавистію ко врагу рода человѣческаго, ко злу. Принимая къ себѣ кого либо подъ свое руководство, старецъ испытывалъ всесторонне его духовныя наклонности. Нѣкоторыхъ изъ духовныхъ дѣтей своихъ научалъ смиренію уничиженіемъ, а иногда ударомъ костыля, иногда публично. При откровеніи помысловъ иногда наносилъ, но чаще показывалъ видъ, что наноситъ удары (въ особенности за чревообъяденіе и другія плотскія страсти) костылемъ, или палками или плетками, которыми бьютъ мухъ. Никогда не позволялъ онъ при себѣ пустаго или гнилаго слова, — всегда выражалъ *мгновенный* гнѣвъ. Въ видахъ, ему извѣстныхъ, онъ, ничтоже сумняся, въ нѣкоторыхъ случаяхъ награждалъ пощечиной и Іеромонаховъ.

Никакъ нельзя было предъугадать, какъ поступитъ въ какомъ либо случаѣ о. Амвросій. Такъ, одна крестьянка Черниговской губерніи просила совѣта о. Амвросія и писала въ письмѣ, что она живетъ въ большой семьѣ, мужъ на заработкахъ, свекровь померла, золовка больная, а свекоръ пьетъ и буянитъ:—такъ *какъ* ей жить благословитъ Батюшка?—Когда письмоводитель готовился писать не разъ повторявшійся на подобные случаи отвѣтъ, что—молъ трудись, будь ласкова съ золовкой и послушна свекру,—о. Амвросій велѣлъ написать въ отвѣтъ слѣдующее: „будь смѣлѣе; когда ложишься спать, клади съ собою на постель березовое полѣно, да потолще".—И что же? чрезъ нѣсколько времени эта крестьянка прислала благодарственное письмо о. Амвросію за совѣтъ и дополнила, что свекоръ пересталъ пить и сталъ жить степенно.

книги Архимандрита Агапита состоитъ изъ записей трехъ особъ, находившихся подъ руководствомъ старца; но субъективныя ощущенія могутъ служить лишь матеріаломъ для полной біографіи о. Амвросія (для которой время еще не настало), и не вполнѣ освѣщаютъ сокровенную глубину всѣхъ дѣйствій старца, который училъ каждаго изъ своихъ присныхъ сообразно съ условіями его нравственнаго, физическаго и общественнаго положенія.

Многіе достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, что кромѣ дара исцѣленій болѣзней о. Амвросій имѣлъ даръ прозрѣнія будущаго.

По изъясненію Ап. Павла (1 Кор. XIV, 22), пророчество есть знаменіе для вѣрующихъ. Для современныхъ же передовыхъ людей, довѣрчиво принимающихъ европейскія отрицательныя мнѣнія, кстати напомнить слова ученаго многовѣдателя Гумбольдта. „Высокомѣрный скептицизмъ, отвергающій факты безъ разсмотрѣнія, достоинъ во многихъ отношеніяхъ порицанія болѣе, чѣмъ неразумное легковѣріе (Фламмаріонъ. Невѣдомое. СПБ. 1901 г. стр. 34). Истинное же чудо, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, основываясь на словахъ, сказанныхъ Спасителемъ 70 ученикамъ (Лук. X, 20), есть *любовь*.

При всѣхъ своихъ необычайныхъ дарованіяхъ, о. Амвросій иногда совѣтовался и съ другими лицами, которыхъ считалъ способными высказать дѣльное мнѣніе, но съ двоякою цѣлію, иногда для провѣрки своего мнѣнія, а большею частію для наученія того, кого вопрошалъ.

Книгоиздательство Пустыни при старцѣ Амвросіи.

Послѣ кончины о. Макарія изданіе святоотеческихъ книгъ продолжалось подъ руководствомъ о. Амвросія.

1) Издана въ 1861 году первая книга: „Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Оптиной Пустыни Іеросхимонаха Макарія“, (Составленное Архимандритомъ Леонидомъ).

2) Въ 1862 году „Собраніе писемъ о. Макарія“. 4 тома къ монахинямъ, 1 т. къ монахамъ и 1 т. къ мірскимъ особамъ.

3) Въ 1866 г. выпущено новое изданіе Аввы Дороѳея, приготовленное къ печати о.о. Климентомъ и Анатоліемъ.

4) Въ 1869 году „Симеона Новаго Богослова 12 словъ,“— переводъ о.о. Климента и Анатолія.

5) Въ 1870 году „Жизнеописаніе Игумена Антонія“, сост. о. Климентомъ.

6) „Пр. отца Θеодора Студита огласительныя поученія“ въ русскомъ переводѣ,—труды о.о. Климента, Анатолія и Ю—лія.

7) Въ 1874 году „Петра Дамаскина“, переводъ І. Ю—лія.

8) Въ 1876 году „Жизнеописаніе старца Леонида“.

9) Въ 1876 году „Описаніе Козельской Оптиной Пустыни“ (состав. Леонидомъ Кавелинымъ).

10) Въ 1878 году „Царскій путь Креста Господня“, переводъ о. Климента Зедергольма.

11) Въ 1882 году „Жизнеописаніе Архимандрита Моисея (сост. Архимандритомъ Ювеналіемъ). Епископъ Петръ актомъ 28 Ноября 1878 г. предоставилъ изданіе въ пользу Оптиной Пустыни прежде изданныхъ книгъ.

12) Въ 1895 году „Указаніе пути ко спасенію (опытъ аскетики).

13) Въ 1887 году „О монашествѣ“ и другія.

Кромѣ сего издано двадцать брошюръ разнаго содержанія и печатались новыя изданія уже выпущенныхъ въ свѣтъ прежнихъ произведеній.

Дѣятельность О. Амвросія.

Неспособный ни къ какимъ монастырскимъ послушаніямъ, исключенный изъ штата Оптиной Пустыни по неизлечимымъ болѣзнямъ и оставленный Св. Синодомъ на пропитаніе и призрѣніе Пустыни, Іеромонахъ Амвросій своею нравственною силою и Божіимъ произволеніемъ оказался на самомъ дѣлѣ властнымъ руководителемъ и распорядителемъ монастырской жизни и духовной и матеріальной. И не только что питался и призрѣвался Пустынью, но самъ былъ главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для обители и скита, и самъ призрѣвалъ сиротъ, помогалъ бѣднымъ, цѣлилъ болѣзни душевныя и тѣлесныя именемъ Господа Іисуса Христа. Хотя десятки лѣтъ не участвовалъ въ церковныхъ службахъ, но проповѣдывалъ Христа и училъ христіанской жизни сотни тысячъ людей. Изъ помощника Настоятеля, какъ положено по монастырскому уставу, онъ силою нравственною

сталъ главенствующимъ въ обители. Самъ о. Исаакій, оффиціально бывшій Настоятелемъ, духовно подчинилъ себя добровольно о. Амвросію.

Скитская жизнь въ то время такъ сложилась, что скитоначальникъ и братскій духовникъ и сотрудникъ о. Амвросія по переводу святоотеческихъ писаній и по старчеству надъ всѣми сестрами Шамординской общины (такъ какъ о. Амвросій оставлялъ подъ своимъ духовнымъ руководствомъ только нѣкоторыхъ интеллигентныхъ сестеръ) всецѣло занятъ былъ своими духовными обязанностями и сердечною—умною молитвою, такъ что хозяйство Скита велось по необходимости келейниками о. Анатолія, которые, по незнанію правилъ расходованія церковныхъ суммъ, однажды израсходовали банковый билетъ, неподлежащій расходу. Этотъ случай побудилъ о. Амвросія скитскія средства взять въ свою келейную для распоряженій, чему о. Анатолій, вовсе небравшій денегъ въ свои руки, очень радъ былъ, такъ какъ это освобождало его отъ хозяйственныхъ обязанностей, отдалявшихъ его отъ непрестанной внутренней молитвы.

Между тѣмъ, и духовныя дѣти и богомольцы, являвшіеся къ о. Амвросію за совѣтами, возлагали на старца обязанность употреблять приносимыя ими жертвы, по его усмотрѣнію, на богоугодныя дѣла. Безъисходныя нужды бѣдныхъ людей, безпризорность сиротъ и крайнія нужды людей, ищущихъ спасенія, возложили на старца бремя удовлетворенія, по возможности, нуждающихся, призрѣнія неимущихъ и основанія женскихъ обителей.

Для большаго удобства людей, проходящихъ монашескую жизнь, житейскія попеченія о содержаніи обители возлагаются на однихъ игуменовъ или настоятелей и казначеевъ. Но „праведнику законъ не лежитъ“. И о. Амвросій рѣшился быть, такъ сказать, передатчикомъ денегъ изъ рукъ жертвователей въ руки нищихъ и убогихъ. Удовлетворяя, съ разсудительностію ему свойственною, просьбы нуждающихся въ единичныхъ случаяхъ, о. Амвросій склонялъ благотворителей къ устройству женскихъ общинъ, для тѣхъ женщинъ, трудъ которыхъ весьма часто не даетъ средствъ къ безбѣдному существованію.

Такимъ образомъ, попеченіемъ о. Амвросія возникла—въ г. Кромахъ (Орловской губ.), и, по его благословенію, устроены благотворителями—Козельщанская община, въ Полтавской губерніи, и Пятницкая, въ Воронежской губерніи.

Особенною заботою для о. Амвросія въ семидесятыхъ годахъ было устройство Гусевской женской общины, въ Саратовской губерніи. Это можно видѣть изъ писемъ о. Амвросія къ настоятельницѣ означенной общины, напечатанныхъ въ „Душеполезномъ Чтеніи". Изъ переписки объ этой общинѣ сохранилось также замѣчательное письмо Преосв. Тихона, Епископа Саратовскаго, отъ 15 Мая 1878 года, къ о. Амвросію. „Прежде всего прошу меня извинить, пишетъ Епископъ Тихонъ, что до сихъ поръ я не отблагодарилъ Васъ за присланныя мнѣ книги. Марина Яковлевна Трунова сообщила мнѣ вчера скорбную вѣсть, что болѣе всѣхъ потрудившійся въ изданіи книги „Царскій путь Креста Господня" скитскій Іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ отъиде ко Господу. Царство ему небесное! Да внидетъ сей вѣрный и добрый рабъ въ радость Господа своего! Прилагаемые при семъ 25 рублей прошу передать въ кассу, въ счетъ которой Ваша Св. Обитель издаетъ въ свѣтъ такія душеполезныя книги.

Согласно Вашему ходатайству, мною сдѣлано распоряженіе, чтобы начатое дѣло объ открытіи Гусевской общины было двинуто впередъ.—Оказалось, по справкѣ, что тормозилось это дѣло отцемъ Левитскимъ. Саратовская Духовная Консисторія доселѣ никакъ не могла вытребовать отъ него всѣхъ документовъ, которые необходимо нужно препроводить въ Св. Синодъ, вмѣстѣ съ дѣломъ. Надо полагать, что медлить дѣломъ этимъ составляетъ интересъ отца Левитскаго. Чѣмъ дальше будетъ находиться общинная земля въ его завѣдываніи, тѣмъ, очевидно, для него будетъ выгоднѣе. Изъ Вашего послѣдняго письма я замѣчаю, что и Ваша вѣра въ безкорыстіе этого священника начинаетъ колебаться. Недаромъ, значитъ, сосѣдніе іереи навѣвали мнѣ сомнѣніе относительно безкорыстія о. Левитскаго. Хорошо, что еще Вы во главу

будущей общины поставили такую умную и энергичную сестру, какъ Трунова....

Тихонъ, недостойный Епископъ Саратовскій.

P. S. Устройство церкви въ Гусевской общинѣ мною разрѣшено словесно".

Нѣкоторое время о. Амвросій занятъ былъ мыслію объ устройствѣ женской общины въ Рязанской губерніи, довѣряя разсказамъ нѣкоторыхъ лицъ, увлеченныхъ религіозной мечтою и сновидѣніями о имѣющемъ быть монастырѣ на мѣстѣ будто бы стараго, существовавшаго въ древности. Но какъ показанія тѣхъ лицъ впослѣдствіи не подтвердились, то и мысль оставлена безъ исполненія, съ небольшимъ для о. Амвросія убыткомъ.

Въ послѣдніе годы заботился онъ объ основаніи женской общины въ Шамординѣ, въ 12 верстахъ отъ Оптиной Пустыни. Постепенная подготовка къ этому дѣлу началась у него съ 1871 года. Сначала было куплено имѣніе въ 16 десятинъ при Шамординой. Потомъ прикуплена еще земля до 180 дес. на средства Ключаревой, которая сдѣлала завѣщаніе, чтобы, послѣ смерти ея и ея двухъ малолѣтнихъ внучекъ, открыта была женская община. Въ 1881 году скончалась г-жа Ключарева, а въ 1883 году весною заболѣли дифтеритомъ и обѣ внучки и скончались въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Преосвященный Владиміръ оказалъ полное содѣйствіе ходатайству старца о. Амвросія объ открытіи въ Шамординѣ женской общины. Осмотрѣвъ мѣсто, Владыка сначала разрѣшилъ обратить господскій домъ въ домовую церковь, которую самъ и освятилъ 1 Октября 1884 года.—Начальницею общины поставлена была о. Амвросіемъ на первыхъ порахъ старица мать Алимпія, но выборъ оказался неудовлетворительнымъ, такъ какъ она была болѣзненна и къ управленію малоспособна. Для первоначальныхъ хлопотъ по дѣламъ открываемой общины, требовавшихъ разъѣздовъ и представленія къ властямъ міра сего, приняла на себя трудъ почитательница о. Амвросія, молодая образованная помѣщица Софья Михайловна, по второму мужу, Астафьева. При ней община была оффиціально открыта, и она же сама избрана была въ настоятельницы. Въ короткое время

жилыя строенія Шамордина были заняты новыми сестрами до тѣсноты. Начались постройки новыхъ келлій; но пока келья строилась, уже вновь прибывало вдвое болѣе сестеръ. Въ 1887 году настоятельница Софія скончалась, завѣщавъ все свое имущество и капиталъ въ пользу общины. Въ пользу тойже общины нѣкоторыя особы, пожелавшія жить подъ старческимъ руководствомъ о. Амвросія, предоставили въ его безусловное распоряженіе все свое достояніе. Для веденія дѣлъ по имѣніямъ этихъ особъ и самой общины, о. Амвросій благословилъ добровольнаго послушника Скита подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Ссудосберегательныхъ кассъ въ то время еще не существовало, и потому поступившія въ общину сестры, съ отреченіемъ своей воли и достоянія, вручали въ распоряженіе старца всѣ свои достатки, и большіе и малые, съ тѣмъ, чтобы по смерти ихъ капиталъ поступилъ въ пользу общины. На крупныя суммы получаемые проценты употреблялись старцемъ въ пользу Общины, а вкладчицамъ выдавалось только такое количество денегъ, какое могло удовлетворить монашескія ихъ потребности; къ мелкимъ же суммамъ, на нужды сестеръ о. Амвросій добавлялъ деньги изъ средствъ благотворителей.—На постройку новаго храма для Общины были составлены и утверждены надлежащими властями планы. Построенъ былъ въ Шамординѣ кирпичный заводъ, и нанятъ былъ управляющій для завѣдыванія всѣми постройками и для наблюденія за сельскимъ хозяйствомъ.— Кирпичъ, выработанный въ первое лѣто, для храма оказался негоднымъ, почему былъ употребленъ на кладку печей и построекъ. Благотворители прислали на свой счетъ архитектора, который жилъ тамъ два года, но и на второй годъ сработанный кирпичъ оказался негоднымъ, и также употребленъ на другія надобности.

Дѣла хозяйственныя по Общинѣ болѣе и болѣе затруднялись. Съ одной стороны, сестры устрояемой Общины съ Настоятельницею жили въ зависимости отъ хозяйственныхъ распоряженій мірскаго человѣка—управляющаго: вездѣ постройки, вездѣ рабочіе; во всемъ надо было на мѣстѣ относиться къ управляющему, даже от-

пускъ лошадей для поѣздки Настоятельницы къ старцу зависѣлъ отъ управляющаго. Зимой однажды дорожки въ церковь были занесены снѣгомъ такъ, что и Настоятельница не могла пройти въ церковь.

Всѣ эти неудобства—сестры Общины, число которыхъ въ короткое время увеличилось до нѣсколькихъ сотъ, переносили съ терпѣніемъ. Между тѣмъ, переданныхъ въ руки о. Амвросія, собственно на постройку храма, десяти тысячъ рублей, оказывалось недостаточно для полнаго устроенія общины. Ему предстояло: или остановиться на полпути, или искать новыхъ благотвореній. И о. Амвросій рѣшился поступить такимъ образомъ: получивши увѣреніе отъ нѣкоторыхъ духовныхъ дочерей, что онѣ представляютъ въ его распоряженіе недвижимыя свои имѣнія,—онъ расходовалъ на Общину наличный капиталъ прочихъ вкладчицъ сестеръ на соотвѣтственную цѣнности имѣній сумму.

Такіе кредитные расходы дошли въ 1889 году до 120,000 рублей. На обезпеченіе капитала вкладчицъ о. Амвросій упрочивалъ Общинѣ слѣдующія недвижимыя имѣнія: въ Калужской губерніи, близъ Тихоновой Пустыни заливные луга въ 50/т.; въ Тульской губерніи усадьбу съ 240 дес. земли; въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи глубокаго чернозема тысячу десятинъ, кромѣ другихъ земель въ Калужской губерніи.

Но заглазное веденіе многосложныхъ построекъ въ Шамординѣ вызывало различныя недоумѣнія; просьбы сестеръ о необходимости новыхъ построекъ и службъ требовали личнаго осмотра на мѣстѣ: всѣ эти обстоятельства вызвали о. Амвросія на рѣшимость лично направлять устройство Общины, какъ во внѣшнемъ, такъ и, въ особенности, во внутреннемъ устройствѣ общежитія.

Посему, въ письмѣ къ своему довѣренному добровольному послушнику, отъ 2 Іюля 1890 г., о. Амвросій писалъ слѣдующее: „5 Іюля будетъ освященіе храма въ Шамординѣ (деревяннаго) и я собираюсь сперва поѣхать въ Руднево (усадьба близъ Шамордина), но не знаю, какъ смогу".

О. Амвросій находилъ, что для обезпеченія содержа-

жанія Шамординской Общины болѣе полезны недвижимыя имѣнія, чѣмъ денежный капиталъ. Въ этихъ видахъ онъ благословилъ въ Курскомъ имѣніи организовать и ввести многопольное хозяйство, по плану г. Колесова, Директора Харьковскаго Земледѣльческаго Училища, дважды осматривавшаго имѣніе въ 1890 году, и предвидѣвшаго кризисъ трехпольнаго хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ. Это мнѣніе вполнѣ раздѣлялъ о. Амвросій, почему и назначилъ въ Тульское имѣніе управляющимъ своего внука. На первый разъ, для посѣва, доставлена была туда рожь изъ Курскаго имѣнія, а въ Курское — приглашены были спеціально образованные—управляющій и помощникъ (по кончинѣ о. Амвросія все это отмѣнено).

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Скита въ Шамордино, о. Амвросій приказалъ уничтожить большую часть своей обширной переписки; а по кончинѣ его уничтожены и всѣ, остававшіяся въ его кельѣ письма и бумаги.

Послѣдующія событія въ Оптиной Пустыни.

Между тѣмъ въ Оптинѣ произошли слѣдующія важныя перемѣны. Казначей Оптиной пустыни Іеромонахъ Флавіанъ, волею Божіею, скончался 30 Іюня 1890 года.

На мѣсто умершаго казначея о. Архимандритъ Исаакій просилъ Калужскую Духовную Консисторію, отъ 14 Августа 1890 года, утвердить въ этой должности, какъ достойнаго, Іеромонаха Макарія.

Но Консисторія, съ утвержденія Преосвященнаго Виталія, указомъ отъ 1 Сентября 1890 года за № 6849, предписала Архимандриту Исаакію избраніе Казначея, по примѣненію къ существующимъ и по духовному вѣдомству дѣйствующимъ законоположеніямъ (указъ Св. Синода 20 Марта 1862 г. и 4 Мая 1874 г. за № 25), произвесть изъ братіи монастыря, по молитвѣ, въ собраніи всѣхъ монашествующихъ, т. е. удостоенныхъ постриженія въ монашество. Буде же не окажется единогласнаго избранія, то предоставить каждому изъ монашествующихъ отдѣльно, въ своей кельѣ, написать имя избираемаго имъ лица и, въ свернутой запискѣ, по возобновленіи собранія,

положить въ одну общую чашу, изъ которой записки тогда же вынуть и отмѣтить, кто сколько разъ поименованъ, или, что—тоже, кто сколько получилъ голосовъ. Получившаго большинство голосовъ внести въ актъ, который, за общимъ подписомъ всѣхъ присутствующихъ, представить на утвержденіе Епархіальнаго Начальства. Руководителемъ же собранія, при избраніи Казначея, назначить Настоятеля Тихоновой Пустыни Архимандрита Моисея.

Въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ въ Оптину Пустынь Архимандритъ Моисей, Благочинный монастырей, и предъявилъ указъ Консисторіи о. Архимандриту Исаакію, но о. Исаакій, какъ видно изъ рапорта о. Моисея въ Консисторію, прочитавши указъ, исполнить распоряженіе Консисторіи отказался и быть руководителемъ собранія его (о. Моисея) не допустилъ.

Въ оправданіе такого образа дѣйствій, о. Исаакій въ особой докладной запискѣ, поданной Преосвященному Виталію 10 Сентября, изложилъ, что настоящее распоряженіе Консисторіи для Оптиной Пустыни — совершенно новое, и посему, ревнуя, какъ послужившій сей св. Обители около полувѣка, о твердости и непоколебимости тѣхъ уставовъ и порядковъ, которые насаждены здѣсь богомудрыми отцами и старцами, его предшественниками, и которые продолжительный опытъ оправдалъ столь благотворнымъ образомъ, почтительнѣйше представилъ по сему предмету Его Преосвященству мнѣніе относительно послѣдствій, могущихъ отъ сего произойти: братство Оптиной Пустыни отъ давнихъ временъ такъ устроено, что первымъ и главнымъ правиломъ, по примѣру древнихъ иноковъ, считаетъ священнымъ долгомъ пребывать въ безусловномъ подчиненіи и послушаніи у старца и настоятеля, никогда не рѣшая никакихъ вопросовъ, исключая столь рѣдкаго выбора въ Настоятели.—Настоящій же случай, умаляя авторитетъ Настоятеля, дастъ братству направленіе, несоотвѣтствующее строгому иночеству, доказательствомъ чего служитъ то, что едва распространился слухъ о полученіи указа Консисторіи, какъ все братство пришло въ волненіе, и мирный духъ смѣнился страстнымъ движеніемъ и сходками по келліямъ.... и для мир-

ной обители можетъ быть небезопасно расширеніе частной воли *).

Въ отвѣтъ на это Консисторія въ указѣ отъ 2 Октября 1890 г. за № 7707 изъяснила и Его Пр—во утвердилъ: „Вновь проектируемый Епархіальнымъ начальствомъ, примѣнительно къ закону (Ук. Св. Син. отъ 22 Мрт. 1862 г. и отъ 4 Мая 1874 года № 251), порядокъ въ избраніи Казначея Оптиной Пустыни Вы, о. Настоятель этой обители, признаете вреднымъ, и, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, ссылаетесь на то обстоятельство, что ввѣренное Вашему управленію братство, еще не видя осуществленія предположеннаго по сему дѣлу проекта, но на основаніи однихъ о семъ послѣднемъ слуховъ, всполошилось и, смѣнивъ мирный духъ страстнымъ движеніемъ и келейными сходками, пришло въ волненіе.—Слова нѣтъ, что новый порядокъ кажется иногда неудобнымъ въ практическомъ отношеніи и на первыхъ порахъ представляется иногда стѣснительнымъ, для установившихся временемъ обычаевъ. Но дѣло въ томъ, что А) по буквальному смыслу монастырскаго закона (п. 12 инструкц. благочин. мон.) начальствованіе настоятеля должно быть отеческое и духовное, имѣющее цѣлію не одинъ внѣшній порядокъ (въ управленіи), но душевное спасеніе иноковъ и всѣхъ ближнихъ и Б) по правиламъ святыхъ Апостоловъ (§ 38 и 41) главный распорядитель церковнаго имущества въ епархіи есть Епископъ, а Настоятель монастыря по 118 ст. уст. Дух. Конс.. есть только руководитель монастырскаго хозяйства. Смотря на положеніе дѣла съ церковно-приходской точки зрѣнія, и въ предупрежденіе дѣйствительныхъ затрудненій съ практической стороны, Консисторія не на-

*) О. Амвросій въ письмѣ изъ Шамордина къ тому же Е. писалъ: „Въ Оптинѣ новость великая. 19 Сентября съ о. Архимандритомъ сдѣлался параличъ; не вдругъ могъ говорить, а теперь, хотя говоритъ и свободно и въ памяти, но слабъ и съ трудомъ могъ подписать квитанцію.—Одна изъ причинъ болѣзни, какъ полагаютъ, есть та: о. Архимандритъ приготовилъ въ Казначеи о. Макарія, а Преосвящ. не утвердилъ. Изъ Консисторіи присланъ указъ, чтобы Казначей былъ избранъ по голосамъ братіи“. Я доселѣ задержался въ Шамординѣ сперва по дурной погодѣ, потомъ по слабости здоровья, а теперь задерживаюсь осеннимъ холодомъ, котораго слабость моя не можетъ переносить“.

ходитъ основанія признать докладную записку Архимандрита Исаакія заслуживающею уваженія и потому заключила: прежде состоявшееся о выборѣ Оптинскаго Казначея, при участіи Вашемъ и всей принявшей постриженіе въ монашество Вашей братіи, и при посредствѣ довѣреннаго отъ мѣстнаго Епископа Тихоновскаго Архимандрита Моисея и указами Консисторіи отъ 1 Сентября за № 6848 и 6849 объявленное постановленіе Епархіальнаго Начальства привести въ точное исполненіе."

Въ исполненіе этого указа 4 Октября 1890 года происходило въ Пустыни избраніе Казначея, каковымъ былъ избранъ по большинству голосовъ (60 изъ 70) Іеродіаконъ Ксенофонтъ *). Выборъ утвержденъ указомъ Консисторіи отъ 18 Октября № 8095.

По характеру болѣзни о. Амвросій могъ бы возвратиться въ Оптину Пустынь только въ теплое лѣтнее время. (Менѣе 18 градусовъ комнатнаго тепла онъ не могъ выносить). Проведя осень 1890 и лѣто 1891 г. въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ по приведенію въ порядокъ дѣлъ для пользы Общины, о. Амвросій дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ возвращенію въ Оптину Пустынь, но всякій разъ крайняя немощь препятствовала отправиться въ путь, хотя и недалекій. Онъ не щадилъ своего слабаго здоровья, принималъ посѣтителей и богомольцевъ и преподавалъ имъ духовное утѣшеніе и цѣленіе. Уже будучи въ предсмертной болѣзни, онъ все еще заботился о дѣлахъ Общины; даже въ Октябрѣ, за нѣсколько дней до кончины, онъ переслалъ два письма, въ кото-

*) Отъ 4 же Октября о. Амвросій писалъ тому же посл. Е... „Отцу нашему Архимандриту Исаакію немного лучше, онъ теперь говоритъ и по кельѣ ходитъ, но не смотря на это у насъ теперь новый казначей о. Ксенофонтъ и новый благочинный о. Герасимъ по Архіерейскому назначенію, чрезъ указъ изъ Консисторіи чрезъ выборъ братіи".

„О себѣ скажу, что я доселѣ задержался въ Шамординѣ по особому промышленію Божію, а почему?—это должно означиться послѣ". Подпись рукою о. Амвросія: „многр. І. Амвросій *ночью*" (текстъ письма писалъ Е. В. С.

Также извѣстилъ онъ и Оптинскую братію „Я доселѣ задержался въ Шамординѣ, по особому промышленію Божію, и почему, это должно означиться послѣ".

рыхъ продиктовалъ: въ 1-мъ, отъ 1 Окт. 1891 г.: „Какъ бы намъ не упустить землю Д., которая подлѣ Акатова, т. е. всю землю, все имѣніе и лѣса. Наведи справку, кажется скоро будетъ продаваться съ публичнаго торга въ Тулѣ или Петербургѣ". И во 2-мъ уже отъ 5 Октября продиктовалъ: „напиши въ Курскъ управляющему,—и напиши строго, чтобы не смѣлъ продавать ни зерна никакого хлѣба, прельщаясь на деньги. Хлѣбъ всякій намъ самимъ нуженъ, а деньги намъ Богъ пошлетъ инымъ образомъ."

(Въ 1891 году былъ полный неурожай хлѣбовъ въ Россіи).

Въ 1891 году обычное обозрѣніе Калужской Епархіи Епископъ Виталій окончилъ 4 Сентября. Но отъ 7 Октября Канцелярія Владыки извѣстила Арх. Исаакія, что Его П—во, если не встрѣтится какихъ либо препятствій, предполагаетъ на сихъ дняхъ выѣхать въ Епархію и намѣревается въ Оптиной Пустыни имѣть ночлегъ. А Калужскій Губернаторъ 8 числа Октября извѣстилъ Козельскаго Исправника телеграммою, что Епископъ Виталій прибудетъ въ Оптину Пустынь въ пятницу, т. е. 11 числа того же Октября. Исключительная цѣль поѣздки Преосвященнаго въ Оптину была—водвореніе больнаго о. Амвросія въ Оптину Пустынь. Но цѣль оказалась невыполнимою. Старецъ о. Амвросій почилъ о Господѣ 10-го Октября. И Преосвященному Виталію пришлось исполнить предъ о. Амвросіемъ только послѣдній христіанскій долгъ,—устроить погребеніе, что и совершено 15 Октября въ Оптиной Пустыни. Впрочемъ, погребеніе, по словамъ Владыки, не было для него неожиданностію, такъ какъ Кіевскій подвижникъ о. Іона, котораго онъ глубоко чтитъ, уже писалъ ему, что надобно ѣхать на погребеніе старца о. Амвросія.

О самомъ мѣстѣ погребенія Старца возникла со стороны Шамординской Общины нѣкоторая задержка. Была послана телеграмма къ первоприсутствующему Св. Синода съ просьбою, чтобы предать тѣло о. Амвросія землѣ не въ Оптиной Пустынѣ, а въ Шамординѣ; но Высокопреосвященнѣйшій отклонилъ отъ себя разрѣшеніе сего вопроса, предоставивъ рѣшить его Преосвященному Виталію.

Съ одной стороны, Владыка признавалъ о. Амвросія

за праведника, а праведнику „законъ не лежитъ". Съ другой стороны, правилъ VI Вселенскаго собора § 47 опредѣляетъ: ни жена въ мужскомъ монастырѣ, ни мужъ въ женскомъ да не спитъ" (не погребается). Вальсамонъ изъясняетъ это правило такъ: . . . . если мы пресѣчемъ самыя начала (неблаговидныя) и воспрепятствуемъ прелести, которая чрезъ самое зрѣніе вкрадывается въ души, и положимъ препятствіе происходящему отсюда паденію: то будетъ гораздо легче и удобнѣе для священныхъ подвижниковъ исправленіе жизни на лучшее.—Поэтому, пусть всѣ повинуются этому закону, и пусть ни мужчины не полагаются въ могилахъ женскихъ монастырей, ни женщины пусть не зарываются въ мужскихъ монастыряхъ. О. Амвросій, по этому правилу, и похороненъ, съ разрѣшенія Владыки, въ Оптиной Пустыни.

Послѣ отпѣванія, совершеннаго надъ почившимъ старцемъ въ Шамординской Общинѣ, гробъ его на слѣдующій день въ торжественной процессіи несенъ былъ на рукахъ изъ Шамордина въ Оптину Пустынь за 12 верстъ, въ сопровожденіи Іеромонаховъ—сперва о. Венедикта, а потомъ о. Иларія. Несмѣтная толпа народа сопровождала гробъ; въ селахъ, лежавшихъ по пути, выходило духовенство и служило литіи. Къ вечеру, уже въ темнотѣ, процессія достигла стѣнъ монастыря. Гробъ былъ поставленъ въ Введенскомъ соборѣ, и тотчасъ была отслужена Архимандритомъ Исаакіемъ — соборне панихида. На другой день Преосвященнымъ Виталіемъ совершена была Божественная литургія, по окончаніи которой отслужена панихида, и гробъ опущенъ въ могилу, рядомъ съ могилою о. Макарія.

О кончинѣ старца было доложено Скитоначальникомъ о. Анатоліемъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. Въ отвѣтъ на телеграмму о. Анатолія, получена отъ Его Высочества изъ Ильинскаго слѣдующая телеграмма. „Всею душею раздѣляю скорбь вашей святой обители объ утратѣ незабвеннаго старца, и радуюсь съ вами объ избавленіи праведной его души. Сотвори ему Господь вѣчную память. Благодарю отца Скитоначальника за извѣщеніе. Константинъ".

Преосвященный Виталій, какъ истый канонистъ и исполнитель „Духовнаго Регламента“, при погребеніи старца Амвросія 15 Октября, отдалъ на мѣстѣ строгое приказаніе—пресѣчь всякое сообщеніе между Шамординымъ и Оптинымъ, чтобы ни Оптинскіе въ Шамординъ, ни Шамординскіе въ Оптину—не приходили. Это распоряженіе вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что съ больнымъ о. Амвросіемъ проживало въ Шамординѣ нѣсколько монаховъ и послушниковъ, а братія Оптиной Пустыни по необходимости приходили къ старцу ежедневно по нѣскольку человѣкъ для безъотлагательныхъ нуждъ, какъ личныхъ откровеній, такъ и по дѣламъ монастыря, начиная съ корреспонденціи, получаемой въ Козельскѣ, и кончая постройками, вновь возводимыми въ Шамординской Общинѣ.

16 Октября Преосвященный Виталій въ высокой Архипастырской заботливости о благосостояніи Оптиной Пустыни, какъ въ нравственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, собравъ старшихъ изъ монашествующей братіи, изволилъ выразить желаніе, чтобы по управленію обителью въ пособіе преутружденному лѣтами старцу, всечестному Архимандриту, для совмѣстнаго обсужденія пользъ и нуждъ Пустыни избрать постоянный совѣтъ (соборъ) изъ старшей братіи подъ предсѣдательствомъ Архимандрита. Принявъ столь благопопечительное предложеніе Его Преосвященства съ искреннею благодарностію, о. Архимандритъ и старшіе изъ братіи, согласно Архипастырскаго соизволенія, составили совѣтъ (соборъ) изъ слѣдующихъ лицъ: Іеромонаховъ—скитоначальника и братскаго духовника Анатолія, благочиннаго Герасима, Казначея Ксенофонта, ризничаго Леонтія, уставщика Никона и Іеромонаха Макарія, подъ предсѣдательствомъ Архимандрита Исаакія.

О составѣ членовъ совѣта сего Архимандритъ Исаакій донесъ Консисторіи 23 Октября. И Консисторія съ утвержденія Владыки прислала указъ отъ 3 Декабря за № 10,145, въ которомъ изложено слѣдующее: такъ какъ для учрежденія въ монастыряхъ коллегіальнаго управленія, которое бы выполнялось настоятелемъ съ совѣтомъ

старшей братіи, имѣется основаніе и въ уставѣ Духов. Консисторій (ст. 118 и 129) и въ инструкціи благочинному монастырей (ст. 13 и 21), а введеніе таковаго управленія въ Козельской Введенской Оптиной Пустыни настоятельно вызывается теперь кончиною знаменитаго пѣстуна Оптиной Пустыни, духовно-умудреннаго старца Іеромонаха Амвросія, и вмѣстѣ трудностію для преутружденнаго лѣтами (80 л.) о. Архимандрита поддерживать и возвышать, безъ сего старца, благосостояніе обители, многолюдной и имѣющей обширное хозяйство: то для благоуспѣшнаго управленія ею учредить при настоятелѣ Совѣтъ старшей братіи, присвоивъ ему наименованіе „Монастырскій совѣтъ Козельской В. Оптиной Пустыни“ (въ составѣ избранныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ Архимандрита). Для новаго же дѣйствованія Настоятеля Пустыни по управленію, при участіи монастырскаго совѣта, по всѣмъ частямъ состоянія оной, снабдить настоятеля и совѣтъ составленною въ Консисторіи, въ видѣ начальнаго руководства, подробною инструкціею, въ основаніи коей положены: существующія узаконенія о коллегіальныхъ учрежденіяхъ, выработанныя, по порученію Св. Синода, покойнымъ Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ и указанныя Синодомъ для примѣненія и къ епархіальнымъ монастырямъ, Февральскія правила 1853 года о благоустройствѣ монашескихъ братствъ въ Московскихъ ставропигіальныхъ монастыряхъ; инструкція Благочинному монастырей и относящіяся къ данному предмету статьи изъ устава Дух. Консисторій и Синодальные указы.

Далѣе, предписано примѣнить эту инструкцію и къ состоящему при сей Пустыни Скиту, если къ тому не окажется препятствій въ уставахъ и обычаяхъ этого Скита.

Объ учрежденіи же въ Оптиной Пустыни монастырскаго совѣта Преосвященный Виталій донесъ Св. Синоду, съ представленіемъ списка съ инструкціи, на его благоусмотрѣніе, и просилъ Синодъ—временно сдѣланное, въ видѣ опыта, распоряженіе объ учрежденіи коллегіальнаго управленія Оптиною Пустынью разрѣшить оставить въ оной навсегда, по многолюдству обители и обширно-

сти ея хозяйства, если только опытъ подтвердитъ ожидаемую благотворность таковаго управленія.

Одновременно съ указомъ Архимандриту Исаакію, Калужская Д. Консисторія дала 3 Декабря указъ Настоятельницѣ Казанской женской общины (Шамординской) Евфросиніи за № 10142, въ которомъ на рапортъ Настоятельницы (отъ 9 Ноября), о дозволеніи ей съ сестрами обращаться за духовнымъ руководствомъ къ старцамъ Оптиной Пустыни, Консисторія въ виду стт. 13 и 21 инструкціи Благочинному монастырей, и за прекращеніемъ въ Казанской Общинѣ, со смертію Оптинскаго старца Іеромонаха Амвросія, мудрой и опытнѣйшей назидательности въ иночествѣ, которая простиралась и *на внѣшнее благоустройство обители*, опредѣлила: Въ сказанной Общинѣ учредить коллегіальное управленіе оною изъ семи лицъ... Впредь до снабженія Общины правилами (для управленія) предоставить Настоятельницѣ, по встрѣтившимся затрудненіямъ, обращаться за наставленіями и указаніями къ Архимандриту Исаакію...

...Чтоже касается до просимаго разрѣшенія сестрамъ обители по своимъ духовнымъ нуждамъ лично обращаться къ двумъ ближайшимъ ученикамъ покойнаго старца Іеромонаха Амвросія, а именно къ Оптино-скитскимъ Іеромонахамъ Анатолію и Іосифу, то таковое сношеніе съ этими свѣдущими руководителями въ иноческой жизни, на основаніи 13 и 39 ст, инструкціи Благочинному монастырей, дозволить сестрамъ Общины, но съ тѣмъ, чтобы отлучки ихъ изъ обители въ Оптину Пустынь (въ 12 верстахъ) были предпринимаемы всегда съ вѣдома и разрѣшенія Настоятельницы, и были разрѣшаемы не болѣе, какъ на одинъ день, къ вечеру коего отпущенныя туда сестры непремѣнно должны возвратиться въ свою обитель и явиться къ Настоятельницѣ, и чтобы сестры каждый разъ отпускаемы были въ Оптину Пустынь не массами, а въ числѣ немногихъ лицъ; сестры же изъ младшихъ возрастовъ должны быть отпускаемы туда не иначе, какъ въ сопровожденіи старицъ....; объявить Іеромонахамъ Анатолію и Іосифу, что имъ надлежитъ сестеръ Шамординской Общины, приходящихъ къ нимъ по духовнымъ своимъ

нуждамъ, принимать прежде другихъ посѣтителей и отпускать въ Общину заблаговременно. Затѣмъ, вопросъ о разрѣшеніи Іеромонахамъ Анатолію и Іосифу являться въ Шамординскую Общину, для преподанія духовнаго руководства сестрамъ на мѣстѣ, поручить Благочинному Архимандриту Моисею, также Настоятелю Оптиной Пустыни Архимандриту Исаакію, при участіи Оптинскаго монастырскаго Совѣта, обсудить всесторонне, сообразно съ указаніями святоотеческихъ писаній и монастырскихъ уставовъ и обычаевъ, и рѣшеніе свое по сему предмету представить на благоусмотрѣніе Его Преосвященства.

Открытый на основаніи указа Консисторіи отъ 3 Декабря 1891 г. за № 10,145 Совѣтъ Козельской Оптиной Пустыни вступилъ въ дѣйствіе 11 Декабря. — Въ первомъ своемъ журналѣ (11 Декабря) Совѣтъ постановилъ ввести въ дѣйствіе предписаніе Консисторіи какъ объ учрежденіи монастырскаго Совѣта, такъ равно и инструкціи въ подлежащихъ къ исполненію пунктахъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніи. — Что-же касается до чиноположенія или устава Оптиной Пустыни во внутреннемъ содержаніи, то Обитель сія съ 1824 года исполняетъ уставъ общежительнаго монастыря, писанный для Коневской Обители, Святѣйшимъ Синодомъ разсмотрѣнный, и для подражанія во всѣ епархіи Россійской церкви разосланный, на что въ 8 день Сентября 1824 года и дана Игумену Даніилу съ братіею грамота, за подписаніемъ Преосвященнаго Филарета Епископа Калужскаго и Боровскаго.—Уставъ сей, какъ обдержащій все чиноположеніе, какъ церковное, такъ равно и весь порядокъ монашеской жизни, съ помощію Божіею, по мѣрѣ силъ и усердія, исполняется. И правила, изложенныя въ семъ Уставѣ, вмѣстѣ со старчествомъ и послужили къ созиданію и укрѣпленію Обители, какъ въ духовномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ.

Въ томъ же засѣданіи 11 Декабря обсуждался Совѣтомъ вопросъ и объ отношеніяхъ сестеръ Шамординской Общины къ духовникамъ ихъ. Въ разрѣшеніе этого вопроса Совѣтъ постановилъ: такъ какъ указомъ Консисторіи дозволено сестрамъ Шамординской Общины для ду-

ховнаго руководства однодневное посѣщеніе духовниковъ скитскихъ, Іеромонаховъ Анатолія и Іосифа, то въ виду сего и посѣщеніе Шамординской Общины означенными духовниками необходимо допустить для исповѣди во время четырехъ постовъ: Великаго, Рождественскаго, Успенскаго и Петровскаго, распредѣливъ это посѣщеніе такъ, чтобы оно не совпадало со временемъ исповѣди братства Оптиной Пустыни и Скита, а затѣмъ, и посѣщеніе духовниками общины должно быть только въ тѣхъ случаяхъ, когда представится къ тому крайняя необходимость, напримѣръ: въ случаѣ тяжкой болѣзни—для напутствованія, или какого либо особаго обстоятельства, требующаго присутствія духовника въ Общинѣ. О чемъ представить также на благоусмотрѣніе Его Преосвященства.

Всѣхъ засѣданій монастырскаго Совѣта съ 11 Декабря по 10 Марта 1892 года было семь.

11-го Марта 1892 г. Святѣйшій Синодъ, обсудивъ представленіе Преосв. Виталія и принимая во вниманіе, что инструкціею (составленною для коллегіальнаго управленія Оптиною Пустынею) усвояется монастырскому Совѣту значеніе самостоятельнаго начальственнаго учрежденія по всѣмъ частямъ управленія, къ стѣсненію личнаго дѣйствованія Настоятеля, въ предѣлахъ, принадлежащихъ ему, по сему званію, правъ, и что учрежденіе такого Совѣта несоотвѣтствуетъ установленному для общежительныхъ обителей порядку управленія, опредѣлилъ: распоряженіе Его Преосвященства объ учрежденіи въ Оптиной Пустыни Совѣта отмѣнить, поручивъ войти въ ближайшее обсужденіе, можетъ ли нынѣшній Настоятель названной Пустыни Архимандритъ Исаакій, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ и слабости здоровья, исполнять многосложныя обязанности по управленію обителью неопустительно и безъ ущерба для интересовъ оной, и буде Его Преосвященство признаетъ для Архимандрита Исаакія, въ теченіе многихъ лѣтъ ревностно и съ пользой подвизавшагося въ обители въ званіи настоятеля оной, продолженіе такого труда впредь непосильнымъ, то предоставить Его Преосвященству сдѣлать зависящее распоряженіе объ избраніи братіею Оптиной Пу-

стыни новаго Настоятеля, и о послѣдующемъ донести Св. Синоду, на утвержденіе. Указъ Синода послѣдовалъ 11 Марта за № 1068. Вслѣдствіе сего указа Калужская Консисторія объявила чрезъ Благочиннаго Настоятелю Оптиной Пустыни со старшею братіею, что означеннымъ указомъ Синода отмѣнено дальнѣйшее дѣйствованіе вновь учрежденнаго Совѣта.

Затѣмъ, относительно Настоятельства о. Исаакія Консисторія въ указѣ своемъ на имя Благочиннаго монастырей Арх. Моисея отъ 2 Іюня 1892 года № 4628 изъяснила: Изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что Настоятель Архимандритъ Исаакій, хотя имѣетъ весьма преклонныя лѣта, тѣмъ не менѣе самою старшею изъ ввѣренной ему обители братіею, и даже самимъ Благочиннымъ монастырей, признается способнымъ къ дальнѣйшему прохожденію занимаемой настоятельской должности, безъ ущерба для интересовъ сей послѣдней, во всѣхъ ея отношеніяхъ. На семъ основаніи и въ виду того, что Архимандритъ Исаакій, съ одной стороны, самъ не уклоняется отъ продолженія настоятельской должности, а съ другой—Св. Синодомъ показывается много лѣтъ подвизавшимся въ званіи настоятеля Оптиной Пустыни ревностно и съ пользою для оной, Консисторія опредѣляетъ: оставить Архимандрита Исаакія въ званіи Настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

Не долго прожилъ на землѣ и самъ Владыка Виталій. Изъ Кіева была получена телеграмма отъ Викарія Кіевской Епархіи Иринея, что „Калужскій Епископъ Виталій отъиде ко Господу 15 Сентября".

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ получена была Архимандритомъ Исаакіемъ изъ Консисторіи копія съ указа Св. Синода (отъ 28 Мая 1892 г.) о мѣрахъ къ благоустройству хозяйственной части въ епархіальныхъ монастыряхъ, по которому завѣдываніе всею хозяйственною частію въ монастыряхъ ввѣрено Настоятелю, при участіи старшей братіи (ст. 126 и 129 уст. дух. Конс.); но о. Исаакій до самой кончины своей все же продолжалъ управлять монастырскимъ хозяйствомъ самостоятельно.

Преемникъ о. Амвросія Старецъ О. АНАТОЛІЙ.

Еще при жизни о. Амвросія, его труды по старчеству раздѣлялъ Іеромонахъ Анатолій (изъ студентовъ семинаріи, трудившійся въ переводахъ святоотеческихъ книгъ при о. Макаріѣ совмѣстно съ о. Амвросіемъ и о. Климентомъ. Келліи обоихъ примыкали къ св. вратамъ скита: съ правой стороны была келья о. Амвросія, а съ лѣвой стороны — о. Анатолія. Съ 1874 года о. Анатолій состоялъ духовникомъ всего братства и скито-начальникомъ; почти всѣ посѣтители, бывавшіе у старца Амвросія на благословеніи, переходили за благословеніемъ и совѣтами также къ о. Анатолію; онъ былъ старцемъ и нѣкоторыхъ братій Пустыни и Скита, и у большинства сестеръ Шамординской Общины. Указомъ Св. Синода 3 Августа 1871 года онъ былъ назначенъ Настоятелемъ Спасо-Орловскаго Монастыря Вятской губерніи, съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита; но, по благословенію о. Амвросія, съѣздилъ въ Калугу къ Преосвященному и формально отказался отъ сана Архимандрита ради трудовъ старчества († 25 Января 1894 г.). Онъ настолько преданъ былъ умной молитвѣ, что оставлялъ всякія заботы о вещественномъ и временномъ, хотя и несъ званіе скитоначальника. Посѣщавшіе о. Амвросія высокопоставленные особы—посѣщали также о. Анатолія. Въ 1887 году онъ удостоился посѣщенія Великаго Князя Константина Константиновича. Послѣ кончины о. Амвросія онъ былъ старцемъ всего братства Пустыни и многихъ мірскихъ особъ. Самъ о. Амвросій опредѣленнаго указанія на преемство старчества предъ кончиною не дѣлалъ, и лично у него исповѣдывавшихъ братій благословлялъ исповѣдываться у разныхъ духовниковъ. Намъ извѣстенъ случай, что о. Амвросій сдѣлалъ вопросъ предъ послѣдними днями жизни одному духовному сыну — скитскому послушнику: „а ты у кого желаешь исповѣдываться? у о. Венедикта (письмоводителя), или у о. Іосифа?“ Въ Шамординской Общинѣ нѣсколько сотъ сестеръ относились къ о. Анатолію какъ къ старцу и ихъ духовнику. Своихъ же духовныхъ чадъ о. Амвросій передалъ о. Іосифу.

Не искалъ о. Анатолій извѣстности даже и тогда, когда былъ къ тому естественный поводъ.

По кончинѣ о. Амвросія появились въ печати нѣкоторыя касавшіяся его свѣдѣнія, не вполнѣ вѣрныя. О. Исаакій, какъ правдолюбивый старецъ, рѣшился донести Консисторіи о невѣрныхъ печатныхъ извѣстіяхъ, касающихся Оптиной Пустыни и Шамординской Общины; такъ, онъ донесъ Консисторіи, между прочимъ, что по кончинѣ о. Амвросія старцемъ въ Пустыни состоитъ о. Анатолій; почему Консисторія предписала о. Исаакію войти въ соглашеніе съ редакціей и исправить невѣрныя свѣдѣнія; но о. Анатолій оставилъ это безъ послѣдствій.

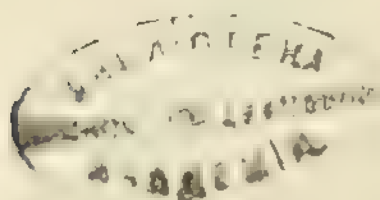
Въ это же время было возбуждено дѣло объ иконѣ Божіей Матери, названной „Спорительницей хлѣбовъ". Свѣдѣнія объ этой иконѣ, напечатанныя въ журналахъ и газетахъ, обратили на себя вниманіе Консисторіи, и она нашла, что иконѣ придано, повидимому, значеніе явленной, или чудотворной; а потому она предписала: представить сію икону въ каѳедральный соборъ для храненія въ ризницѣ, что и было исполнено въ 1892 г. Объ этой иконѣ распространялись свѣдѣнія, будто она—неизвѣстно какъ—появилась въ кельѣ о. Амвросія. Но въ Оптиной Пустыни это было извѣстно. Мысль объ иконѣ предложена была старцу добровольнымъ послушникомъ и выполнена въ Болховскомъ женскомъ монастырѣ; однако, опредѣленіемъ Св. Синода $\frac{20 \text{ Мая}}{3 \text{ Іюля}}$ 1892 г. распространеніе изображеній Божіей Матери, съ усвояемымъ ей необычнымъ въ Православной Церкви названіемъ, было воспрещено.

Послѣ о. Амвросія не долго длилась жизнь его помощника и преемника — о. Анатолія. Онъ скончался 25 Января 1894 г. 72 лѣтъ отъ роду; послѣ него братскимъ духовникомъ Пустыни и Скитоначальникомъ избранъ о. Іосифъ, ближайшій ученикъ о. Амвросія, принявшій на себя попеченіе о Шамординской Общинѣ по его благословенію. Вслѣдъ затѣмъ, 22 Августа скончался и Архимандритъ Исаакій, 85 лѣтъ отъ роду. (Краткій очеркъ жизни о. Исаакія напечатанъ въ журналѣ „Душеп. Чтеніе 1897—1899 гг.).

На погребеніе о. Исаакія прибылъ Калужскій Епископъ

Александръ. 23-го Августа онъ слушалъ заупокойное всенощное бдѣніе, а на слѣдующій день 24 числа, по совершеніи Божественной литургіи, отправилъ и чинъ погребенія. Замѣчательно, что въ ночь съ 23 на 24 число, когда Епископъ Александръ легъ въ постель и, быть можетъ, задремалъ, вдругъ предъ нимъ явился о. Исаакій, въ схимнической одеждѣ, и строгимъ голосомъ спросилъ „ты зачѣмъ сюда пришелъ?“ Епископъ Александръ всталъ съ постели и перешелъ въ залъ; тамъ легъ на подрясникѣ; но и тамъ опять былъ потревоженъ видѣніемъ о. Исаакія. Такъ онъ провелъ всю ночь безъ сна. Это явленіе крайне встревожило Епископа Александра, и онъ не могъ утерпѣть, чтобы не разсказать объ этомъ странномъ явленіи княгинѣ О. и вслухъ всѣмъ на другой день, 24 числа, за обѣдомъ. По отъѣздѣ изъ Оптиной Пустыни онъ простудился, серьезно заболѣлъ и 8 Октября 1895 года—скончался.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СПИСКИ

Настоятелей Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

Изъ „Списка Іерарх. и Настоят. м҃рей Росс. Цер.“ П. Строева.	Изъ „Исторіи опис. Козельск. Введен. Опт. Пуст.“ Л. Кавелина.
Игум. *Сергій*, въ дек. 1625.	
Строит. *Ѳеодоритъ*, 1629—1631.	Строит. *Ѳеодоритъ*, въ 1629, 1630 и 1631 г.г.
Строит. *Корнилій*, въ іюнѣ 1658.	
Строит. *Иринархъ*, въ окт. 1661.	
Строит. *Исидоръ*, 1672—80.	Строит. *Исидоръ*, въ 1675 и 1680 г.г.
„ *Дороѳей*, 1686—88.	Строит. *Дороѳей*, въ 1688 г.
„ *Серапіонъ* 1694—98.	
„ *Герасимъ*, 1701—2.	
Игум. *Моисей*, 1703—4.	Игум. *Моисей*, въ 1703 и 4 г.г.
„ *Дороѳей*, 1709 и 10.	
„ *Іоасафъ*, 1716.	Игум. *Іоасафъ*, въ 1716 г.
„ *Леонидъ*, 1717.	„ *Леонидъ*, въ 1717 г.
Строит. *Леонтій*, 1724—26.	„ *Леонтій*,
„ *Сергій*, 1728.	Строит. *Сергій*, въ 1728 г.
„ *Авраамій*, 1731.	„ *Авраамій*, въ 1731 г.
Игум. *Пафнутій*, 1760.	Игум. *Пафнутій*, въ 1760 г.

Игум. *Моисей*, 1762.	Игум. *Моисей*, 1762 г.
„ *Филагрій*, 1763; † 1765	„ *Филагрій*, 1763.
Строит. *Никандръ*, опредѣленъ 1765; † 27 мрт. 1768.	Строит. *Никаноръ*, опредѣленъ 1765, † 27 мрт. 1768 г. (У Строева ошибка).
Игум. *Аристархъ*, бывшій Боголюбова монастыря, опредѣленъ 8 дек. 1770; † въ янв. 1775.	Игум. *Аристархъ*, опредѣленъ 3 дек. 1770 г., † въ 1775.
Строит. *Ѳеодосій*, опредѣленъ 19 окт. 1775, по 1780.	Строит. *Ѳеодосій*, опредѣленъ 1775 г. окт. 19.
	Строит. *Корнилій*, въ 1779 г. до нояб. 1780 г.
Строит. *Александръ*, опредѣленъ 22 дек. 1780, † 1782...	Строит. *Александръ*, назначенъ 22 дек. 1780 года † 1782.
	Строит. *Корнилій*, опредѣленъ 1782 г. 25 іюля вторично.
Строит. *Николай*, опредѣленъ 26 окт. 1782; уволенъ 1 февр. 1783.	Строит. *Николай*, опредѣленъ 26 окт. 1782; уволенъ 1 февр. 1783 г.
Строит. *Андрей*, опредѣленъ 31 мрт. 1783; уволенъ 29 янв. 1789.	Строит. *Андрей*, опредѣленъ 31 мрт. 1783; 29 янв. 1789 г. уволенъ.
Строит. *Іоасафъ*, 29 янв. 1789 переведенъ изъ Давидовой пустыни; въ 1791 уволенъ.	Строит. *Іоасафъ*, опредѣленъ 29 янв. 1789. изъ Давидовой пустыни. Выбылъ въ Москву.
Строит. *Антоній*, 1792—94.	Строит. *Антоній*, съ 1792 г. Выбылъ въ Москву.
„ *Іосифъ*, 1794 и 95.	Строит. *Іосифъ*, опредѣленъ 1795 г. 1 февр. Уволенъ по прошенію.
„ *Авраамій*, съ 1796; въ 1801 произведенъ въ игум. Добраго мира, но здѣсь оставленъ игуменомъ; † 14 янв. 1817.	Строит. *Авраамій*, назначенъ въ 1796; въ 1801 произведенъ въ игум. Добраго мира, но здѣсь остался игуменомъ; † 14 янв. 1817 г.

Строит. *Маркеллъ*, въ 1817—19, уволенъ, по желанію.	Строит. *Маркеллъ*, въ 1817—1819, уволенъ по желанію.
Игум. *Даніилъ*, въ 1819—25, перев. въ Добрый митрь.	Игуменъ *Даніилъ*, 1819—25 перев. въ Добрый митрь.
Игум. *Моисей Путиловъ*. опредѣленъ въ 1825; † 1862.	Игум. *Моисей Путиловъ*. опредѣленъ въ 1825 г.
Строит, *Леонидъ*, 1863, архим. 1865 *).	
Игум. *Исаакій*, **) 1867—69: [illegible]	

Св. иконы стараго письма.

Спасителевъ образъ, на цѣльной доскѣ, вышины 1 арш. 11½ в., ширины 1 аршинъ. Господь изображенъ сидящимъ въ облакахъ на радугѣ, въ архіерейской или царской одеждѣ. Правая рука благословляющая, въ лѣвой скипертъ; за лѣвымъ плечомъ, касаясь его сзади, изображенъ обоюдуострый мечь; въ поясненіе сего надпись: „Царь Царемъ, Господь Господемъ. Изъ устъ Его изыде оружіе остро, да тымъ избіетъ языки: и Той упасетъ я жезломъ желѣзнымъ“. Икона московскаго письма, устроена по обѣщанію стольниками Шепелевыми въ 1689 году. Помѣщена въ Введенскомъ соборѣ.

Образъ Пресвятыя Богородицы „Что Тя наречемъ“, вышина 1 арш. 11½ в., ширина 1 арш. Богоматерь изображена во весь ростъ, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ; въ правой, покоющейся на персяхъ, держитъ сложенный платъ; у Спасителя въ ручкѣ Евангеліе. По обѣимъ сторонамъ противъ плечъ, тропарь: „Что Тя наречемъ, о, Благодатная“?..... Икона — московскаго письма, устроена по обѣщанію стольниками Шепелевыми въ 1689 году. Помѣщена за лѣвымъ клиросомъ въ прежней больничной церкви.

Образъ Введенія Пресвятыя Богородицы, вышиною 2 арш.,

*) У Строева—ошибка, былъ Леонидъ (Кавелинъ) въ числѣ братства, а не Настоятелемъ.

**) О. Исаакій † 1894 г. 22 Августа.

шириною 1 арш. 4 верш. На главѣ Приснодѣвы вѣнчикъ, серебряный, позлащенный съ короной, работы современной иконѣ, вѣсомъ 17 золотн. Икона московскаго письма, устроена по обѣщанію стольниками Шепелевыми въ 1689 году. Помѣщается въ Введенскомъ соборѣ.

Владимірская икона Б. Матери, штилистовая, московскаго иконнаго письма; на ней риза и убрусъ низаны по голубой фольгѣ мелкимъ жемчугомъ; въ вѣнцѣ вставленъ сердоликъ. Вѣнецъ поля и свѣтъ покрыты окладомъ серебрянымъ позлащеннымъ, вѣсомъ 1 ф. 13 з. Икона помѣщена въ Николаевскомъ предѣлѣ Введенскаго собора.

Тихвинская икона Божіей Матери, вышины 1 арш. 4 верш., ширины 12 верш., новгородскаго иконнаго письма; пожертвована въ 1842 г. Козельскимъ купцемъ Арчаковымъ. Окладъ по оплечью и полямъ и два вѣнца серебряные ветхи, чеканной работы; надписи черневой работы, позолочены, вѣсу серебра 5 ф. 74 зол. Помѣщена въ Пафнутьевскомъ придѣлѣ Введенскаго собора.

Ѳеодоровская икона Божіей Матери, вышины 14 1/2, ширины 11 верш., точная копія и подобіе съ чудотворной. Древнее и весьма искусное подражаніе такъ называемому греческому письму. Образъ присланъ въ обитель въ 1835 г. по завѣщанію Бѣлевскаго купца Ив. Ив. Дороѳеева; риза и вѣнецъ съ сіяніемъ, серебряные, чеканной работы, серебра вѣсомъ 5 ф. 48 зол. Помѣщается въ Пафнутіевскомъ придѣлѣ Введенск. собора.

Казанская икона Божіей Матери—храмовая въ Казанской церкви. Икона сія мѣстночтимая,—пожертвована въ 1808 году козельской помѣщицей Елиз. Сем. Сабуровой, -точная копія съ чудотворной, московскаго стариннаго письма: на ней убрусъ и риза, низаны мелкимъ, среднимъ и мѣстами крупнымъ жемчугомъ; на жемчужномъ убрусѣ звѣзда изъ розъ. Поля, оплечики и вѣнецъ серебряные, позолоченные.

Владимірская икона Божіей Матери, въ вышину 7, а въ ширину 8 верш., московскаго письма. Икона пожертвована въ 1808 г. На ней убрусъ низанъ крупнымъ и среднимъ жемчугомъ. Въ убрусѣ звѣзда изъ розъ. Поля, оплечье и вѣнцы серебряные и вызолоченные, чеканной работы, вѣ-

сомъ 1 ф. 4 зол. Икона помѣщена въ Казанской церкви.

Икона Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, московскаго иконнаго письма, на доскѣ въ 10 верш. ширины и въ 11 вершк. вышины. Въ верхнюю часть иконы врѣзанъ старинный мѣдный позлащенный крестъ.

Образъ пр. Пафнутія Боровскаго чудотворца, вышина 1 арш. 11½ вершк., ширина 1 арш. Преподобный изображенъ во весь ростъ, въ мантіи и въ епитрахили; правая рука благословляющая, въ лѣвой игуменскій посохъ и хартія со словами: „Не скорбите убо, братія, и не стужайте. Богъ, создавый насъ, Той рабовъ Своихъ утѣшитъ и отъ всякія скорби изба....“ Икона московскаго письма, устроена по обѣщанію стольниками Шепелевыми въ 1689 году. Нынѣ образъ сей мѣстнымъ въ Пафнутіевскомъ придѣлѣ Введенскаго собора.

Образъ Георгія страстотерпца. При самомъ пожертвованіи въ обитель отъ Шепелевыхъ въ 1689 году, былъ уже „въ древнихъ лѣтѣхъ“. Писанъ на составной изъ двухъ неравныхъ частей доскѣ, вышиною 1 арш. 3 вершка, шириною 1 арш. На главномъ планѣ изображенъ Св. Георгій, на бѣломъ конѣ, попирающемъ змія. Икона представляетъ послѣдній моментъ событія, когда обреченная на жертву змію царевна возвращается отъ озера въ сопровожденіи Св. Побѣдоносца, ведя смертельно уязвленное и усмиренное чудовище на своемъ поясѣ къ преддверію отеческаго жилища. Въ правомъ углу иконы видѣнъ въ облакахъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благословляющій Побѣдоносца и Ангелъ Господень, держащій надъ главой его побѣдный вѣнецъ. Нѣкоторыя особенности рисунка приводятъ къ вѣроятному заключенію, что икона сія писана въ XV или въ началѣ XVI вѣка какимъ либо мѣстнымъ иконописцемъ.

Икона св. Николая чудотворца, вышиною 7½ верш., шириною 6½ в., московскаго иконнаго письма, обложена серебряной чеканной ризою, весьма искусной работы, сдѣланной, какъ означено на вѣнчикѣ, въ 1784 году.

Икона св. Николая Чудотворца, — храмовая, въ придѣлѣ тогоже имени, пожертвована болховскимъ помѣщикомъ

Алексѣемъ Ив. Желябужскимъ, устроившимъ сей придѣлъ въ 1835 г.; вышины 9, ширины 8 вершк., московскаго иконнаго письма. Серебра съ финифтью 1 ф. 60 зол.

Икона св. Анастасіи Узорѣшительницы, пожертвована въ обитель полковницей Анаст. Ив. Кульневой, по ризѣ — старой весьма искусной работы, шитой серебромъ и золотомъ.

Вкладная книга.

Въ листъ малаго формата, въ кожаномъ переплетѣ; нѣсколько вкладовъ вначалѣ занесены полууставомъ, другіе прописью. Книга эта, какъ значится по старымъ описямъ, заведена была при строителѣ старцѣ Исидорѣ въ 1670 году; нѣкоторыхъ листовъ недостаетъ. Посему-то, вѣроятно, и первые вклады относятся лишь къ 1675 году. Вкладовъ до 1700 года немного и какъ они всѣ равно заслуживаютъ вниманіе археологовъ, воскрешая собою ту или другую черту древняго русскаго быта, то и выписываемъ ихъ сполна, начиная съ вкладовъ царскихъ.

а) Царскіе вклады:

1) 1688. рч҃ѕ г҃. августа въ з҃ де҃ по оуказу бл҃говѣрныя ївеликїя гдрни црвны ївелїкоѝ кнжны софїи алексѣевны, дано вкладу вказелской оуездъ введенїа прстыа Бцы коптїнъ мнтрь, по боарїине иване михайловїче мїлославсꙋ к҃ рблѣ, днгъ, їтѣ днги вкланыа столнїкъ андрей аковлевъ снъ чїчерїнъ, ѿдалъ к мнтрѣ, черному сщеннїку строїтелю дорофеа збратьею.

2) 1683 года. Великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловали въ козельскій уѣздъ во Оптину пустынь вкладу на церковное строеніе десять пудъ мѣди, и за ту мѣдь взято тридцать пять рублевъ.

3) Великая государыня царица и великая княгиня Проскевія Θеодоровна пожаловала вкладу въ Козельскій уѣздъ въ Оптину пустынь двѣ тафты на ризы.

б) Вклады частныхъ лицъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1675 году. 1) 183-мъ году августа въ 1 день, далъ вкладу въ Оптинъ монастырь Макарьевы пустыни въ Козельскѣ, Пречистыя Богородицы, честнаго Ея Введенія, Москвитинъ большихъ Лужниковъ торговой человѣкъ Максимъ Афанасьевъ Малюшинъ, далъ минею общую съ праздники, цѣна три рубли безъ четверти. Да лампаду мѣдную, позлащенную, въ чепахъ передъ образъ Пречистыя Богородицы, цѣна 40 алтынъ, безъ гривны, да 2 рубля денегъ.

2) 183-мъ году сентября въ 25 день въ Оптинъ монастырь, князь Михаилъ Семеновичъ Шаховской далъ вкладу церковные сосуды.

3) Стольника Василія Ѳедоровича Полтева вдова боярыня Ирина Семеновна, сосуды серебряные и кадило серебряное.

Между 1675—1678 г. 4) Церкви св. и славнаго пророка Иліи, что на Москвѣ, по тверской улицѣ, что за мучнымъ рядомъ, далъ вкладу въ Козельскѣ, во Оптинъ монастырь Макарьевы пустыни, Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Введенія, священникъ Никита Ивановъ далъ ризы камчатые, оплечье золотое бархатное, да книгу октай пятаго гласа, да патрахель, да двѣ пелены. Да зять его Никитинъ, попъ Петръ Васильевъ далъ ризы камчатые, подризникъ тафтяной, патрахель, поручи, поясъ.

1678 года. 5) Думнаго дворянина Ивана Аѳанасьевича Желябужскаго вкладная книга минея общая, продана въ перемышлской уѣздъ въ село Олопово священнику Остафью Ермольеву сыну; взято на немъ 1½ рубли денегъ, четверть ржи, осмина пшеницы, а тѣ деньги 1½ р. даны въ нынѣшнемъ 1678 году на окладъ Богородицы.

6) Стольника Василья Григорьевича Юшкова были въ Оптинѣ монастырѣ сосуды бѣлые оловянные, и тѣ сосуды проданы въ Козельской уѣздъ въ село Усты взято рубль, и тѣ деньги даны на окладъ Богородицы же.

Собрано денегъ прикладныхъ 46 алтынъ 4 деньги, и тѣ деньги даны на окладъ Богородицы же.

7) 186-мъ году апрѣля въ 25 день въ Оптинъ монастырь вкладу по родителяхъ своихъ Василій Ивановичъ Кошелевъ лошадь меринъ гнѣдъ, да корову.

1681 года. 8) 189-го года маія въ 20 день, далъ вкладу во Оптинъ монастырь, Макарьевы пустыни, Аѳанасій Осиповичъ Желябужской меринъ буланъ, рублевъ въ шесть.

1689 года. 9) 196-мъ году марта въ 4 день, по обѣщанію постригся города Козельска, около городнаго стану, села Колодца, попъ Иванъ, во иноцѣхъ Іосифъ, далъ вкладу, во Оптинъ монастырь Введенія Пресвятыя Богородицы, да Пафнутія боровскаго чудотворца меринъ гнѣдъ, цѣна 7 рублевъ.

Дала укладу боярыня, княгиня Воротынскихъ, Настасья Львовна, въ Козельской уѣздъ, во Оптину пустынь, ризы камчатныя, красныя чешуйчатыя, оплечье изорбатныя, земля зеленая съ травы золотыми; цѣна..... На поляхъ написано: „по бояринѣ князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ Воротынскомъ".

Въ 1680 годахъ (до 1689). Бояринъ Иванъ Тимоѳеевичъ Кондыревъ далъ по обѣщанію своему въ Оптинъ монастырь, Макарьевы пустыни, въ козельскій уѣздъ, меринъ саврасъ, а цѣна ему четыре рубли, да на пропитаніе братіи хлѣба по шести четвертей, да послѣ смерти его дано укладу ризы объяриныя красныя, оплечья шитыя по черному бархату шито золотомъ и серебромъ; двои воздухи атласныя жаркія, опушка у однихъ шитая золотомъ, да сребромъ по тафтѣ бѣлой, у другихъ камка красная; да патрахель, отласъ участковой золотной, стихарь объярина желта.

Стольника Василья Ѳедоровича Полтева, боярыня (sic) Ирина Семеновна, дала вкладу въ церковь Введенія Богородицы, въ Оптинъ монастырь, сосуды серебряные, по цѣнѣ имъ пятдесять...... по упрошенію человѣка ея Ивана.....

1689 года. 10) Далъ вкладу въ козельской уѣздъ, въ Оптинъ монастырь, Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Введенія, окольничій Иванъ Аѳанасьевичъ

Желябужской на церковное строеніе сто рублевъ денегъ и всякаго припасу каменьщикамъ довольно.

Тогоже года стольники Андрей Петровичь и Иванъ Петровичь Шепелевы по обѣщанію своему, построили св. иконы мѣстныя: Спасителевъ образъ, Введенія Пресвятыя Богородицы, Пафнутія боровскаго чудотворца, образъ Пресвятыя Богородицы: „Что Тя наречемъ", царскія двери, сѣверныя и южныя двери, образъ Георгія страстотерпца въ древнихъ лѣтѣхъ, перенессна изъ села Мармыжева. А оный листъ прежняго письма въ сей вкладной книгѣ вырѣзанъ въ Бѣлевѣ въ Преображенскомъ монастырѣ при архимандритѣ Тихонѣ, какъ взята была вся ризница по указу изъ Оптиной пустыни во оной Бѣлевской монастырь.

1689 года. 197-мъ году Маія въ 3 день, прислалъ Андрей Игнатьевичь Щербачевъ на церковное строеніе запасу кирпичникамъ три четверти муки аржаной съ полуосминой, крупъ грешневыхъ полъосмины, конопель полъосмины, полоть ветчины.

Укладчикъ Андрей Григорьевичь Чичеринъ запасу каменьщикамъ пять четвертей аржаной муки, четверть пшеничной, четверть солоду, осмину гороху, полоть ветчины.

Укладчикъ бояринъ Петръ Тимоѳеевичь Кондыревъ далъ вкладу на церковное строеніе пять рублевъ денегъ, да поручи аксамитныя.

11) Укладчица Анна Ивановна Пушкина на церковное строеніе прислала запасу каменьщикамъ три четверти ржаной муки.

12) Укладчикъ Иванъ Ивановичь Яковлевъ далъ укладу три рубли на церковное строеніе.

13) Укладчикъ Петръ Семеновичь Румянцовъ далъ укладу три рубли на церковное строеніе.

14) Укладчикъ Петръ Андреевичь Чичеринъ далъ укладу въ Оптинъ монастырь меринъ рыжъ, цѣна два рубля.

15) Укладчикъ Василій Ивановъ Полонской далъ укладу сорокъ алтынъ.

16) Укладчикъ Василій Петровичь Камынинъ далъ укладу на церковное строеніе хлѣба шесть четвертей.

17) Князь Иванъ Михайловичь Черкасской далъ укладу на церковное строеніе десять четвертей.

18) Старецъ Никонъ далъ укладу во Оптинъ монастырь денегъ рубль, на церковное строеніе.

19) Далъ вкладу Чудова монастыря черной дьяконъ Никонъ въ Козельской уѣздъ во Оптину пустынь, въ церковь, апостолъ новый, въ десть.

20) Далъ вкладу Соловецкой пустыни строитель Ѳеофанъ въ Козельской уѣздъ во Оптину пустынь, въ церковь, часословъ большой въ десть.

21) Чудова монастыря уставщикъ Маркеллъ далъ вкладу во Оптину пустынь часословъ малый по обрѣзу золотомъ.

22) Старецъ Діонисій далъ укладу во Оптину пустынь шесть ульевъ пчелъ.

1696 года. 7204 году февраля въ 3-й день, стольника Василія Ѳедоровича Полтева жены его вдовы Ирины Семеновны человѣкъ ея далъ вкладу Иванъ Анѳимовъ сынъ Винскій въ козельскій уѣздъ въ Оптинъ монастырь въ Макарьеву пустынь, конь сѣръ, по цѣнѣ въ тридцать рублевъ.

23) Стольникъ Алексѣй Алексѣевичъ Беклемишевъ далъ укладу двухъ мериновъ: меринъ гнѣдъ, да меринъ карій, цѣна имъ десять рублевъ, да конь соврасъ, цѣна пятьнадцать рублевъ.

24) Стольникъ Василій Андреевичь Десятой далъ вкладу меринъ сѣръ, цѣна четыре рубля.

25) Далъ старецъ Мелетій укладу неводъ, да крюкъ желѣзный.

26) Далъ укладу села Потросова, крестьянинъ Борисъ Ѳедоровъ, двѣ коровы.

Прим. Есть нѣсколько древнихъ вкладовъ на поляхъ Синодика, противу родовъ вкладчиковъ; но они очевидно записаны позже для памяти кѣмъ либо изъ настоятелей: такъ напримѣръ, противу рода Андрея Григорьевича Чичерина написано: „далъ вкладу сосуды серебряные“, а въ описи 1770 года означенъ „потиръ серебряный, мѣстами позлащенъ; на немъ вырѣзано: на преди образъ Господа Вседержителя съ предстоящими: назади крестъ Господень; вверху подпись: Тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите“. На поддонѣ надпись: „лѣта 7202 (1694) далъ сіе сосуды вкладу Козельскаго уѣзду Макарьевской Пустыни Оптина монастыря къ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы — Андрей Чичеринъ“. Принадлежности къ сему потиру похищены „разбойными людьми“ въ 1768 году, самый же потиръ пожертвованъ обителью въ

Выпись изъ Козельскихъ писцовыхъ книгъ временъ Михаила Феодоровича.

Выпись изъ Козельскихъ книгъ письма и мѣры и межеванья Василія Талбузина да подъячаго Ивана Глазова 137, 138 и 139 году въ подгородномъ стану въ вотчинахъ написано: Государево Царево и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Россіи Богомолье Монастырь Оптинъ Макарьевы Пустыни на рѣкѣ на Жиздрѣ, а въ немъ церковь Введенія Пресвятыя Богородицы древяна клецка, а въ церкви образы и книги и ризы сосуды церковныя и колокола строенья мірское и Монастырское черного Священника Феодорита съ братіею, а въ Монастырѣ шесть келей, а въ нихъ старцы черной Священникъ Феодоритъ съ братіею питаютца отъ Церкви Божіей, а къ тому Монастырю рѣка Жиздра, отъ Монастыря внизъ оба берега до Жиздренской Каменной тони съ рыбною ловлею, да верхъ тони лушка, да ниже Козельска по рѣкѣ по Жиздрѣ внизъ на правой сторонѣ ниже Олешина истоку до стараго перевозу лугъ да поляна Луганская, а на нихъ сѣна двадцать копенъ, да ниже стараго перевозу лужокъ и лѣсъ до воевой кулиги, да противъ с Монастыря на рѣкѣ на Клютомѣ у Колоды . . . . . лугу поляна да угровъ, на ней ставитца двадцать копѣнъ да озерко угрова до лужи круглая, да противъ Монастыря перекопъ съ рыбной ловлею что перекопана изъ рѣки изъ Жиздры впове данъ Монастырю, прежъ сего дано блаженныя памяти по благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Феодорѣ Ивановичѣ всея Россіи на свѣчи и на ладонъ подъ городомъ подъ Козельскимъ на рѣкѣ на другуснѣ мѣсто мельничное, да на берегу противъ мельницы мѣсто дворовое мельничное, а нынѣ на той рѣчкѣ подъ городомъ, мельница, а ставили тое мельницу Афанасій да Тимоѳей Желябужскіе и держитъ тое мельницу на оброкѣ у Монастыря по записи Тимоѳей Желя-

1850 году въ пользу православныхъ Сербскихъ церквей, разоренныхъ Венграми.

Противъ рода г.г. Лызловыхъ, написано: Іоанномъ Ѳеодоровичемъ Лызловымъ приложено въ монастырь Толковое Евангеліе.

бужской на той рѣчкѣ на другуснѣ внизу по лѣвой сторонѣ кулишка, что была старая мельница, а нынѣ на томъ мельнишномъ мѣстѣ стрѣлецкія гумна наимаютъ у монастыря жъ, а рѣчка другусна отъ Зуйкова броду внизъ до рѣки до Жиздры съ рыбною ловлею монастырю вопще со всѣмъ городомъ, а земли къ тому монастырю нѣтъ, изстари не было, а межа Монастырскому лѣсу Оптина Монастыря съ помѣсною землею князя Юрья, да князь Семена Шеховскихъ съ деревнею желѣзницею отъ рѣчки отъ желѣзницы чрезъ дорогу да на дубѣ, на немъ грань отъ дуба дорожкою на платовую Сосну на ней грань, да на сосну жъ на ней грань, да чрезъ Лихвинскую дорогу на столбъ на немъ грань, подъ нимъ яма да столба на сосну жъ да на большую сосну на ней грань, да съ тое сосны внизъ Липецкимъ верхомъ, да на дорогу что ѣздятъ къ каменной топи да тою дорогою отъ сосны что стоитъ съ гранью да на сосну что съ гранью стоитъ возлѣ дороги да тоюжъ дорогою да по дорогѣ что ѣздятъ въ Бѣлевъ, и по ольху, что стоитъ у березы на ней грань, да по ветлу, что стоитъ на острову на ней грань да по каменную топю лѣвая сторона по рѣку Жиздру Монастырская, а правая помѣстная; а длину того Монастырскаго лѣсу на двѣ версты а поперегъ на версту, а дана сія выпись съ Козельскихъ писцовыхъ книгъ изъ помѣснаго приказу Оптина Монастыря Макарьевой Пустыни Строителю Старцу Сидору съ братіею по ихъ челобитью и по пометѣ на выпискѣ Дьяка Семена Струкова въ нынѣшнемъ 184 году у подлинной на оборотѣ по склейкамъ пишутъ тако: Дьякъ Димитрій Ѳедоровъ, справилъ Андрюшка Карачевъ.

Выпись изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Копія.

От Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца въ Козелескъ воеводѣ нашему Василію Ивановичу. Въ прошломъ во 183-мъ году августа въ 7 д. били челомъ отцу

нашему государеву блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Козельскаго уѣзда Макарьевы пустыни Оптина монастыря строитель старецъ Исидоръ съ братіею, подъ городомъ де подъ Козельскимъ на рѣчькѣ на Другуснѣ написано къ тому ихъ монастырю въ писцовыхъ книгахъ старинная мельница, а молола подошевною водою и въ прошломъ де въ 180-мъ году на той-же рѣчкѣ Другуснѣ подъ городомъ-же Козельскимъ ниже Московской дороги, построилъ безъ Указа Отца Нашего Государева и безъ грамоты приказу Костромскія чети, самовольствомъ Москвитинъ Савинской слободы тяглецъ Мишка Кострикинъ и мельницу ихъ своею мельницею плотину и наливное колесо подтопилъ и тое ихъ мельницу остановилъ и безъ остатку разорилъ, а въ писцовыхъ книгахъ та рѣчка Другусна написана къ ихъ монастырю отъ рѣчки Жиздры до Зюнкова броду, а рыбная де ловля въ той же рѣчкѣ написана имъ съ посадскими людьми вообче, а берега де тое рѣчки въ писцовой книгѣ имъ посадскимъ не написаны и чтобъ той ихъ мельницы потому досмотрѣть и Мишкину мельницу Кострыкина на насъ Великаго Государя, до подлиннаго розыску отписать, что онъ тое мельницу построилъ безъ Указу Отца Нашего Государева и противъ того ихъ челобитья въ Козельскъ къ Ивану Головкому посылана отца нашего Государева блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамота изъ приказу Костромскія чети велѣно Макарьевы пустыни Оптина монастыря на рѣчкѣ на Другуснѣ мельничные потопы досмотрѣть и Мишку Кострыкина допросить, по какому Отца Нашего Государева блаженныя памяти Великаго Государя указу тое свою мельницу на той же рѣчкѣ Другуснѣ построилъ и тое мельницу велѣно отписать на насъ Великаго Государя, а досмотръ и сказску прислать къ Москвѣ въ приказъ Костромскія чети. И Сентября въ 22 день писалъ къ Отцу Нашему Государеву блаженныя памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Ми-

хаиловичу Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу изъ Козельска Иванъ Головцовъ и прислалъ Оптина монастыря мельничному потопу, досмотръ и москвитина Мишки Кострыкина о мельницѣ его сказску и мельничному заводу роспись и тое Мишкину мельницу на насъ Великаго Государя отписалъ, а на той мельницѣ у денежнаго сбору по выбору велѣлъ быть вмѣсто цѣловальника пушкарю Ивашку Самойлову, а въ досмотру Козельскихъ пушкарей Андрюшки Иванова съ товарищи написано: подъ городомъ де Козельскимъ на рѣчкѣ на Другуснѣ Макарьевы пустыни Оптина монастыря мельницы наливное колесо потоплено, въ Сказскѣ Мишки Кострыкина написано—въ прошломъ де во 180-мъ году подъ городомъ подъ Козельскимъ ниже Московскія дороги мельницу онъ Мишка построилъ безъ указу Отца Нашего Государева и безъ грамоты приказу Костромскія чети по отдачѣ Козельскихъ драгуновъ и стрѣльцовъ по записямъ на урочные годы на двадцать лѣтъ, да въ прошломъ же во 183-мъ году августа въ 3-й день билъ челомъ Отцу Нашему государеву блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу Козельскій стрѣлецъ Ивашко Корнильевъ чтобъ его Ивашка пожаловать велѣти тое Мишкину мельницу Кострыкина и всякій мельничный заводъ отдать ему изъ оброку на десять лѣтъ безъ перекупки, а оброку платить станетъ по пяти рублевъ на годъ, да въ челобитьѣ жъ Макарьевы Пустыни Оптина монастыря строителя старца Исидора съ братіею написано, что де тое мельницу Мишка Кострикинъ построилъ въ ихъ монастырскихъ водахъ, а по писцовымъ де книгамъ та вода написана къ ихъ Оптину монастырю и нынѣ де у той мельницы плотину размыло и стоитъ въ пустѣ, а за Оптинымъ монастыремъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ нѣтъ и денежной руги имъ не идетъ, кормятся міромъ и своею работою и намъ Великому Государю жаловати-бъ ихъ, велѣти тое Мишкину мельницу Кострикина отдать имъ въ монастырь на свѣчи и на ладанъ и на вино церковное и имъ строителю со братіею на про-

питаніе, чтобъ имъ голодомъ не помереть и о томъ бы имъ въ Козельскъ дать нашу Великаго Государя грамоту; да Іюля въ 13 д: били челомъ намъ Великому Государю Оптина-жъ монастыря строитель старецъ Исидоръ съ братіею, что де та новопостроенная Мишкина Мельница Кострыкина нынѣ не мелетъ и стоитъ испорчена и имъ его Мишкины друзья стаковся съ небольшими Козельскими градскими людьми бьютъ челомъ намъ Великому Государю, чтобъ тое мельницу по прежнему построить и держать изъ оброку, а ихъ бы старую монастырскую мельницу потопить и рыбную ихъ ловлю запереть, а та де ихъ старая монастырская мельница на той рѣчкѣ Другуснѣ написана въ писцовыхъ книгахъ, а отъ той-де мельницы и до рѣчки Жиздры написано въ той рѣчкѣ Другуснѣ рыбная ловля къ ихъ монастырю на пропитаніе а всего де отъ той ихъ монастырской мельницы той рѣчки Другусны до рѣки Жиздры съ четверть версты и другой де мельницѣ быть нельзя и прежде сего той мельницы не бывало, а будетъ де въ томъ мѣстѣ вновь быть мельницѣ, гдѣ онъ Мишка залъ строить и ихъ де старой монастырской мельницѣ молотья и рыбному всходу изъ рѣки Жиздры не будетъ и рыбная ловля будетъ заперта и имъ строителю старцу Исидору съ братіею будетъ разорены, а Оптину монастырю оскудѣніе большое, а вотчинъ де за тѣмъ монастыремъ ничего нѣтъ и руги не идетъ, питаются Христовымъ именемъ и тою рыбною ловлею, и свѣчи де и ладонъ и всякія монастырскія потребы идетъ съ той ихъ мельницы, и положили съ писцовыхъ книгъ въ приказѣ Костромскія чети къ выпискѣ Оптина монастыря строитель старецъ Исидоръ съ братіею выпись, за приписью дьяка Дмитрія Ѳедорова, а по той выписи въ Козельскихъ книгахъ письма и мѣры Василія Толбозина за подъячаго Ивана Глазова 137 и 138 и 139 годовъ въ Подгородномъ стану въ вотчинѣ написано Дѣда Нашего Государева блаженныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Богомолье Оптинъ монастырь Макарьевы пустыни на рѣчкѣ на Жиздрѣ, а къ тому монастырю прежъ сего дано блаженныя памяти по

Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всея Русіи на свѣчи и на ладонъ подъ городомъ Козельскимъ на рѣчкѣ Другуснѣ мѣсто мельничное да на дорогу противъ мельницы, мѣсто дворовое мельнишное, а нынѣ на той рѣчкѣ подъ городомъ мельница, а ставили тое мельницу Аѳанасій да Тимофей Желябужскіе и держитъ тое мельницу на оброкѣ у монастыря по записи Тимоѳей Желябужскій, на той же рѣчкѣ на Другуснѣ внизу по лѣвой сторонѣ кулижка, что была старая мельница, а нынѣ на томъ мельничномъ мѣстѣ стрѣлецкія гумна наймуютъ у монастыря-жъ а рѣчка Другусна отъ Зункова броду внизъ до рѣчки до Жиздры съ рыбною ловлею монастырю вообще со всѣмъ народомъ, а земли къ тому монастырю нѣтъ изъ стари не бывало и намъ Великому Государю пожаловати-бъ ихъ велѣти о той мельницѣ нашъ Великаго Государя указъ учинить по уложенію, и не велѣти бы въ тѣхъ урочищахъ ниже старинной мельницы вновь иной мельницѣ быть, чтобъ у ихъ монастырской мельницы молотья не остановить и монастырской рыбной ловли не запереть. И какъ къ тебѣ ея наша Великаго Государя грамота придетъ и ты-бъ новопостроенную мельницу что въ 180 году построилъ подъ городомъ Козельскимъ ниже Московской дороги Москвитинъ Мишка Кострикинъ безъ нашего Великаго Государя указу велѣлъ снесть для того что по отпискѣ изъ Козельска Ивана Головкова, а по досмотру Козельскихъ пушкарей Андрюшки Иванова съ товарищи о той новопостроенной мельницы учинился водѣ подпоръ и на рѣчкѣ Другуснѣ Макарьевы пустыни Оптина монастыря мельницѣ наливное колесо подтопило, а въ выписи какову подали въ Костромской чети Оптина монастыря строитель старецъ Исидоръ къ челобитью своему написано къ тому монастырю на свѣчи и на ладонъ подъ городомъ Козельскимъ на рѣчкѣ на Другуснѣ мельница да на той же на Другуснѣ внизу по лѣвой сторонѣ кулижка, что была старая мельница, а нынѣ на томъ мельничномъ мѣстѣ стрѣлецкія гумна наймуютъ изъ монастыря-жъ, а рѣчка Другусна отъ Зункову броду внизъ до рѣчки до Жиздры съ рыбною ловлею написана монастырю-жъ во

обще со всѣмъ народомъ а онъ Мишка Кострикинъ построилъ тое мельницу въ ихъ монастырскихъ и всего Козельска города въ водахъ и старинную монастырскую мельницу подтопилъ и рыбу, которая входила изъ рѣчки Жиздры, заперъ, а къ тому монастырю иной земли не написано и изъ старн не бывало да и по Нашему Великаго Государя указу и по уложенію та мельница довелась снесть, потому будетъ которые всякихъ чиновъ люди и не бивъ челомъ намъ Великому Государю самовольствомъ на своихъ водахъ на вотчинахъ и на помѣстныхъ по дорогамъ вновь поставятъ мельницы и тѣмъ воду подымутъ, а прежъ сего въ тѣхъ мѣстахъ были дороги и броды и они тѣми запрудами дороги и броды отняли и тѣ мельницы велѣно свесть, а что по сю нашу Великаго Государя грамоту съ той Мишкиной мельницы Кострикина пушкарь Ивашко Самойловъ денегъ собралъ и ты-бъ тѣ деньги прислалъ и о томъ отписалъ къ намъ Великому Государю къ Москвѣ съ кѣмъ пригожъ, а отписку велѣлъ подать и деньги объявить въ приказѣ Костромскія чети бояриму нашему и дворецкому и оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрово. Писанъ на Москвѣ лѣта 7184 г. Августа въ 3 д.—На оборотѣ въ Козельскъ воеводѣ нашему Василію Ивановичу Кошелеву 184-го году Августа 14 д. подалъ Великаго Государя грамоту Макарьевы пустыни Оптина монастыря строитель Исидоръ. Діакъ Петръ Кудрявцевъ. Справилъ Ивашко Козаковъ (Коллегіи Экон: грам. № $\frac{15}{1896}$).

Опись 1763 году августа 2 дня учинена оная Козельскаго уѣзду Макарьевской пустыни Оптинской, коликое число въ оной пустынѣ церковнаго и прочаго строенія о томъ значитъ ниже сего Оптинская Пустыня Введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы и Преподобнаго Пафнутія въ Козельскомъ уѣздѣ близъ города Козельска на рѣкѣ Жиздрѣ, а разстояніемъ отъ того города въ 3-хъ верстахъ. При оной пустынѣ имѣется мельницъ; на рѣкѣ Клстомѣ объ одномъ поставѣ одна; да на рѣчкѣ Другуснѣ объ двухъ поставахъ — одна-жь. Изъ коихъ на Другуснѣ изъ давнихъ лѣтъ насильствомъ завладѣна Козельскимъ Купечествомъ.

Царская дарственная грамота Оптиной Пустыни. Царя Өеодора Алексѣевича.

Отъ Царя и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца въ Козельскъ Василію Митрофанову Полонскому въ стрѣлецкомъ приказѣ въ приходной книгѣ нынѣшняго 188 году написано въ Козельскѣ на посадѣ подездиымъ книгамъ Михаила Бормосовъ, да подьячаго Арефы Башмакова 130 году ссеми дворовъ посацкихъ донять оброку съ 149 по 180 годъ по тридцати алтынъ на годъ и того двадцать семь рублевъ и по отпискамъ изъ Козельска воеводы и приказныхъ людей въ Козельскѣ посацкихъ людей нѣтъ и оброчныхъ денегъ взять не на комъ, и тѣ мѣста лежатъ впустѣ а со 180 году та земля отдана на оброкъ Козельскому рыбному старостѣ Ивану Головкову, а оброку платить ему велѣно по рублю на годъ, а всыску Козельскіе стрѣльцы, пятидесятники и десятники и рядовые и драгуны и пушкари и воротники и россыльщики всего сто тридцать девять человѣкъ сказали: тѣ де посяцкіе дворовые мѣста до владѣнія Ивана Головкова лежали впустѣ, и нынѣ били челомъ намъ Великому Государю Козельскому Уѣзду Оптина Монастыря Макарьевы Пустыни Строитель Старецъ Исидоръ съ братіею,—тотъ-де Монастырь на рѣкѣ Жиздрѣ отъ города Козельска въ трехъ верстахъ, а къ тому Монастырю вотчинъ и земель недано, и нашего Великаго Государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья имъ нѣтъ. Такожде въ томъ Монастырѣ на свѣчи и на ладанъ и имъ на пропитанье дано подъ городомъ Козельскимъ на рѣчкѣ другуснѣ мельничное мѣсто, и на томъ мельничномъ мѣстѣ построена Монастырская мельница, а въ томъ-де Монастырѣ ихъ четырнадцать братій кормились мірскою дачею, а около-де того Монастыря огородовъ нѣтъ, а есть де подъ городомъ Козельскимъ на рѣчкѣ на другуснѣ ниже ихъ Монастырской мелницы пустой земли десятины здвѣ, а напередъ сего изстари было посацкихъ семь мѣстъ, а на оброкъ никому не отдано, и посацкихъ людей отъ Литовскаго разоренья и намъ бы Великому Государю пожаловать ихъ для по-

миновенія отца нашего Государева блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всея Великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и имъ на пропитаніе велѣть ты порожнюю землю отдать къ Оптину Монастырю подъ овощъ подъ огородъ и мы Великій Государь пожаловали Козельскаго Уѣзду Макарьевы Пустыни Оптина Монастыря Строителя Старца Исидора съ братіею противъ ихъ челобитья тѣ пустые посацкіе дворовые семь мѣстъ велѣли имъ подъ огородъ подъ овощь дать въ дачу, и оброчныя деньги съ тѣхъ мѣстъ изъ окладу выложить, помѣта о томъ на докладной выпискѣ думнаго нашего Дьяка Данила Полянскаго, и по тому нашему Великаго Государя Указу съ тѣхъ дворовыхъ мѣстъ оброчныя деньги изъ окладу выложены. И какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бъ въ Козельскѣ на посадѣ посацкими пустыми дворовыми семью мѣстами велѣлъ владѣть Козельскаго Уѣзда Макарьевы Пустыни Оптина Монастыря Строителю Старцу Исидору съ братіею, а прочетъ сю нашего Великаго Государя грамоту и списавъ списокъ оставить въ съѣжжей избѣ, а сю нашу Великаго Государя грамоту отдать Строителю Старцу Исидору съ братіею впредъ для владѣнія тѣхъ мѣстъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7188 Іюля въ 15 день у подлинной на оборотѣ по склейкамъ пишутъ тако: дьякъ Михаило Прокофьевъ, справилъ Степанъ Григорьевъ.

Письма, относящіяся къ изданію книгъ.

I.

5 Августа 1847 года.

Много и сердечно уважаемый Батюшка!

Я давно уже не слѣжу за нашею литературою, и потому не знаю, что дѣлается съ нашимъ языкомъ и какіе законы онъ принимаетъ. Поэтому я въ этомъ случаѣ имѣю счастіе имѣть сходство съ Вами, Милостивый Батюшка, то, что такъ же какъ и Вы непонимаю, почему по Русски нельзя сказать: вопросъ тогоже къ тому же.—Но если о

Амвросій, авва Іоаннъ и Левъ Алекс. держатся этого мнѣнія, то конечно оно имѣетъ какое нибудь основаніе. Впрочемъ С. П. Шевыревъ, который былъ у Васъ, вѣроятно разрѣшилъ Ваши сомнѣнія своимъ Профессорскимъ авторитетомъ. Очень любопытно мнѣ будетъ видѣть переводъ Вашъ первой главы С. Исаака, также и замѣчанія Ваши на переводъ Лаврскій.—Въ присланной Вами рукописи св. Григорія Паламы, есть нѣкоторыя мѣста очень темныя. Я сличалъ нѣкоторыя изъ нихъ съ Греческимъ подлинникомъ въ Филокаліи, и нашлось, что иногда темнота эта происходитъ отъ пропусковъ, а иногда отъ неправильныхъ знаковъ препинанія. Въ одномъ мѣстѣ я осмѣлился вставить пропущенное слово *умъ*, безъ чего смыслъ совсѣмъ терялся; въ другихъ же мѣстахъ я не рѣшился этого сдѣлать. Впрочемъ я сличалъ не все. Лексиконъ Греческій нынче отправился къ Вамъ (съ М. Афанасіею и Магдалиною) тотъ, какой мнѣ показался лучшимъ. Но Ферапонтовъ говоритъ, что въ Саратовѣ изданъ еще Греческо-Русскій Лексиконъ однимъ ученымъ—Смарагдомъ, изъ духовнаго званія, и если Вамъ будетъ угодно, то предлагаетъ его выписать. Онъ стоитъ 3—4 р. Одинъ мой знакомый далъ мнѣ просмотрѣть находящійся у него переводъ нѣкоторыхъ книгъ Добротолюбія на Русскій языкъ. Я просилъ сестру мою списать ихъ и сообщу Вамъ. Видно, что переводчикъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, и переводилъ съ перевода Паисія, однакоже имѣлъ и Греческій подлинникъ предъ глазами. Потому читать эту книгу и легко и пріятно. Однакоже при-томъ видно и то, что ученый переводчикъ не обращалъ большаго вниманія на тѣ оттѣнки выраженій, которые въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ имѣютъ большую серьезность. Потому иногда бездѣлица опущенная, или бездѣлица прибавленная, измѣняетъ всю силу рѣчи. Потому этотъ переводъ нужно бы было просмотрѣть Вамъ и поправить,—тогда онъ вышелъ бы прекрасный.—Слово Греческое: *гнозисъ*, которое Паисій переводитъ: *разумъ*, въ Русскомъ Добротолюбіи, также какъ и въ Лаврскомъ Исаакѣ Сиринѣ, переводится *познаніе*. Испрашиваю Вашихъ Св. молитвъ и благословенія и съ сердечною

преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

II.

Отъ всего сердца уважаемый Батюшка!

Вчера ввечеру получили мы письмо Ваше и рукопись перевода Исаака Сирина (съ Болховскимъ купцемъ В. П. Курк.), а сегодня еще письмо по почтѣ отъ 8 Августа. Но сегодня съ самаго утра я долженъ былъ ѣздить по дѣлу нашего процесса, и потому не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, и только половину Вашего перевода *1-й главы Ис. С.* успѣлъ прочесть и сличить съ переводомъ Лаврскимъ и Паисіевскимъ. До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы и смыслъ у Васъ вѣрнѣе. Но, не смотря на это, мнѣ кажется, что переводъ Паисія все еще остается превосходнѣе, и хотя смыслъ въ немъ иногда не совсѣмъ ясенъ съ перваго взгляда, но эта неясность поощряетъ къ внимательнѣйшему изысканію, а въ другихъ мѣстахъ въ Словенскомъ переводѣ смыслъ полнѣе не только отъ выраженія, но и отъ самаго оттѣнка слова. Напримѣръ: у Васъ сказано: „сердце, вмѣсто Божественнаго услажденія увлечется въ служеніе чувствамъ". Въ словенскомъ переводѣ: „разсыпается бо сердце отъ сладости Божія въ служеніе чувствъ". Слово: разсыпается отъ сладости, можетъ и неправильно по законамъ наружной Логики, но влагаетъ въ умъ понятія истинныя, и между прочимъ оно даетъ разумѣть, что сладость Божественная доступна только цѣльности сердечной, а при несохраненіи этой цѣльности сердце служитъ внѣшнимъ чувствамъ. — Также выраженіе: „иже истиннаго сердца своего уцѣломудряетъ видѣніе ума слова", даетъ не только понятіе о *исправленіи* сердечномъ, но еще и о томъ, что пожеланіе нечистое есть *ложь сердца,* которою человѣкъ самъ себя *обманываетъ,* думая желать того, чего въ самомъ дѣлѣ не желаетъ.—Впрочемъ, можетъ быть я вижу въ этихъ выраженіяхъ и излишнее; главное было

въ прямомъ смыслѣ, а оттѣнка вещь посторонняя.—Прочтя все слово и всѣ замѣчанія, я сообщу Вамъ мое мнѣніе, потому что Вы приказываете мнѣ это сдѣлать.—Митрополиту думаемъ мы отвезти Ваши рукописи завтра, если Богу будетъ угодно.—О вопросѣ Вашемъ: можно-ли писать по русски: *отъ тогоже къ тому же,* Н. П. уже сообщилъ мнѣніе Митрополита. Я же думалъ, что написать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что никакъ не вижу почему бы нельзя было сказать этого. По моему мнѣнію это столько возможно по Русски, сколько и по Словенски. Сомнѣніе Ваше о томъ, не повредитъ ли нѣкоторымъ то мнѣніе, которое Ис. Сиринъ имѣлъ о положеніи земли, если это мнѣніе оставить безъ примѣчанія,—я представлю на разсужденіе Митрополита, также какъ и то, что Вы изволите писать о переводѣ слова *разумъ.* Я съ своей стороны въ этомъ послѣднемъ случаѣ совершенно согласенъ съ Вами.—Что же касается до того, что Вы изволите писать мнѣ, чтобы я вникъ и *уразумѣлъ* и сказалъ Вамъ свое мнѣніе (!) о той, не совсѣмъ понятной, матеріи, которая заключается между 16 и 20 стр. 28-го листа на оборотѣ, то это приказаніе Ваше не потому удивило меня, что требовало отъ меня объясненія для Васъ! но потому показалось мнѣ поразительнымъ, что въ самомъ дѣлѣ Богъ устроилъ такъ, что я могу Вамъ сообщить на это отвѣтъ. Ибо тому 16 лѣтъ, когда я въ первый разъ читалъ Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно объ этомъ мѣстѣ просилъ объясненія у покойнаго о. Филарета Новоспасскаго, который сказалъ мнѣ, что это мѣсто толкуется такъ, что подъ словомъ „Главо и основаніе вся твари,“ понимается Михаилъ Архангелъ.—Видно надобно было о. Филарету передать это Вамъ; но какъ Вы не были тогда при немъ, то Богъ вложилъ мнѣ въ мысль, спросить его именно объ этомъ.—Спѣшу, чтобы письмо мое попало на почту хотя со штрафомъ. Испрашиваю Вашихъ Св. молитвъ и Св. благословенія, и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

III.

10 Генв. 1849 г.

Почтеннѣйшій Батюшка!

Н. П. не можетъ сегодня писать къ Вамъ сама, потому что Голубинскій былъ у насъ 7-го числа. Онъ обѣщалъ много, но не знаю, найдетъ ли время и силы исполнить. — Второе слово *Марка Подвижника: о крещеніи,* хотѣлъ прислать въ слѣдующую пятницу. Ѳеодора Студита хотѣлъ тоже просмотрѣть, и если тамъ найдетъ немного ошибокъ въ орѳографіи и знакахъ препинанія (потому что другихъ поправокъ онъ, не имѣя подлинника, дѣлать не думаетъ),—обѣщалъ прислать къ намъ для того, чтобы печатать безъ цензуры, а ему въ цензуру посылать корректурные листы. Это было бы гораздо скорѣе. — Печатаніе Уставамъ Нила Сорскаго онъ очень одобряетъ, но говоритъ, что надобно спросить предварительно позволеніе у Митрополита. Сверхъ того онъ хотѣлъ справиться, находится ли эта книга въ числѣ тѣхъ, которыя Синодъ объявилъ своею собственностію. Если не находится, то печатать можно безъ затрудненій. Если находится, то надобно будетъ просить Синодъ. Объ отвѣтѣ Патріарховъ Папѣ онъ сказывалъ намъ слухъ очень огорчительный и почти невѣроятный. Но какъ онъ самъ этого отвѣта не читалъ, а только слышалъ, то мы и думаемъ, что тутъ есть какая нибудь ошибка. Онъ говорилъ будто тамъ сказано о происхожденіи Св. Духа, что Православная Церковь хотя и принимаетъ это происхожденіе отъ Отца и Сына по существу, но не принимаетъ Его по Ипостаси. — Такое отступленіе отъ одного изъ первыхъ догматовъ Православія кажется невозможнымъ. Но если это правда, тогда Русской Церкви слѣдуетъ протестовать громко и поддержать истину, къ которой, вѣроятно, пристанетъ и весь Востокъ. Испрашиваю Вашего св. благословенія на весь нашъ домъ. Остаюсь съ почтеніемъ и преданностію Вашъ покорный слуга И. К.

IV.

18 Апрѣля 1850 г.

На дняхъ я получилъ письмо отъ того пріятеля моего (великаго математика и астронома), о которомъ говорилъ съ Вами 3-го Февраля въ Оптинѣ, и который имѣлъ странныя мысли о воплощеніи Сына Божія на звѣздахъ. — Я сообщилъ ему нашъ разговоръ и Ваши слова, сколько могъ припомнить и какъ умѣлъ, и теперь, сверхъ всякаго ожиданія моего, онъ пишетъ ко мнѣ, что это сообщеніе произвело на него такое дѣйствіе, что *въ невольномъ изліяніи чувствъ во время чтенія онъ мысленно повергался къ стопамъ Вашимъ, и что впечатлѣніе отъ этихъ словъ до самой смерти не изгладится изъ его памяти.* Испрашиваю Вашихъ св. молитвъ, и св. благословенія Вашего, и остаюсь съ уваженіемъ и преданностію И. К.

V.

21 Августа 1852 г.

Многоуважаемый Батюшка! Я прочелъ и сличилъ Вашъ переводъ первой главы Исаака Сирина, и просмотрѣлъ также Ваши замѣчанія на переводъ Лаврскій, и большую часть изъ нихъ сличилъ съ Паисіемъ: мнѣ кажется, что почти вездѣ Вы совершенно правы; мѣстахъ въ двухъ, и то въ незначительныхъ, казалось мнѣ, что еще возможно сомнѣніе между Лаврскимъ переводомъ и Вашимъ исправленіемъ. Но вообще я думаю, что Вы были слишкомъ снисходительны къ этому переводу, и въ немъ осталось, сверхъ вашихъ поправокъ, еще очень многое, требущее исправленія.—Очень любопытно мнѣ будетъ слышать мнѣніе Митрополита. Ваши рукописи и письмо я доставилъ ему только сегодня, и то чрезъ Александра Петровича. Прежде Митроп. или не принималъ, по нездоровью, или уѣзжалъ въ Лавру. Теперь же онъ готовится къ завтрашнему служенію и также по причинѣ нездоровья не принимаетъ.—Если возможно мнѣ будетъ видѣть его завтра, то я постараюсь представить ему Ваше мнѣніе о словѣ *разумъ* и о переводѣ вообще. — Разумѣется, слова его тотчасъ сообщу

Вамъ.—Между тѣмъ, позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ Вашемъ переводѣ: *„созерцаніе“* и *„доброе“*. Для чего предпочитаете Вы *созерцаніе* слову *видѣніе, зрѣніе?*—Первое—новое, любимое западными мыслителями, и имѣетъ смыслъ болѣе *разсматриванія*, чѣмъ *видѣнія*. Потому нельзя, напримѣръ, сказать, что умъ отъ состоянія молитвы возвышается къ *степени созерцанія*, такъ же какъ нельзя сказать, что онъ возвышается къ *степени разсматриванія*. Если же одинъ разъ необходимо Греческое слово Θеоріа перевести видѣніе, то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить одинъ смыслъ.—Такимъ образомъ, можетъ у насъ составиться вѣрный философскій языкъ, согласный съ духовнымъ языкомъ Словенскихъ и Греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово: *доброе*, которое на Словенскомъ языкѣ, кажется, значитъ тоже, что на русскомъ *прекрасное*, Вы вездѣ изволите и на русскомъ языкѣ переводить словомъ: *доброе*. Отъ этого, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ неполный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ 27 слова Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину разума совершеніе и *добраго* (по естеству) и изящнаго. По Словенски первое названіе *благое*, а второе *доброе*.—Поэтому, всю дѣятельность изящныхъ искусствъ можно отнести къ области разума этой степени.—Если же слово *изящное*, или *прекрасное*, замѣнить словомъ *доброе*, то весь этотъ смыслъ пропадетъ. Прошу Васъ, Милостивый Батюшка, сказать мнѣ, ошибаюсь ли я, и въ этомъ случаѣ простить съ свойственнымъ Вамъ благодушіемъ. Осмѣливаюсь же я говорить свои замѣчанія вслѣдствіе Вашего приказанія.—Посланную къ Вамъ тетрадь русскаго перевода Θеолипта — прошу Васъ прочесть и исправить.—Языкъ, кажется, хорошъ, но вездѣ ли вѣрно переведено, не знаю.—Послѣ Вашего исправленія мнѣ бы хотѣлось Комаровскому, и еще кой кому немогущу читать по Словенски, чтобы они получили какое-нибудь понятіе о томъ ученіи нашей Церкви, которое незнакомо Западу.—Письмо это начато 21, а окончено 22 Августа. Думаю нынче около пяти часовъ поѣхать къ Митрополиту. Испрашивая Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія, съ искреннимъ

уваженіемъ и сердечною преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ П. К.

VI.

26 Августа 1852 г.

У Митрополита я былъ на другой день послѣ того, какъ доставилъ ему Ваши рукописи. Онъ въ этотъ день служилъ, не смотря на зубную боль, и рукописей просмотрѣть еще не успѣлъ, а только взглянулъ на нихъ, и изъ того, что видѣлъ, замѣтилъ многое такое, въ чемъ неправильность перевода Лаврскаго бросается въ глаза. „Очень бы жаль было, сказалъ онъ, если бы съ этими ошибками рукопись пошла въ печать. Но о другихъ замѣчаніяхъ Оптинскихъ, я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу съ подлинникомъ".—О словѣ разумъ онъ тоже сказалъ, что ничего не можетъ сказать, не сличивши съ Греческою книгою. Когда же я сказалъ ему, что, по всей вѣроятности, это по Гречески *гнозисъ,* то онъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ мудрено переводить иначе, какъ *вѣденіе.* Впрочемъ, надобно справиться съ текстомъ.—О 17-мъ словѣ, въ которомъ выражается понятіе того времени объ устройствѣ солнечной системы, Владыка сказалъ, что, кажется, примѣчанія къ тому мѣсту ненужно. Но болѣе объ этомъ не разпространялся. Когда же я сказалъ ему, что въ той же главѣ есть мѣсто темное, которое даже и Васъ затрудняетъ, то онъ пошелъ за книгой, принесъ (тотъ самый экземпляръ, который онъ, еще бывши Архимандритомъ, нашелъ въ библіотекѣ Амвросія и спросилъ себѣ) и прочелъ то мѣсто, о которомъ шла рѣчь, и задумался.—„Какъ Ваше Высокопреосвященство изволите понимать это?" спросилъ я.—„А вотъ,—отвѣчалъ онъ, показывая на полѣ книги,—когда я еще въ первый разъ читалъ это, то поставилъ вопросительный знакъ, который стоитъ еще и теперь". Тогда я сказалъ ему, какъ покойный о. Филаретъ объяснялъ это мѣсто, какъ относящееся къ Михаилу Архангелу... „Я только хотѣлъ сказать это самъ", прервалъ онъ меня.—„Если таково было мнѣніе о. Филарета и та-

кое же Вашего Преосвященства, сказалъ я, то для меня, кажется, уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ значеніи этого мѣста". — Сейчасъ перерываетъ меня. Прошу Вашихъ св. молитвъ и св. благословенія и съ уваженіемъ и преданностію остаюсь Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

VII.

18—21 Сентября 1852 г.

(Письмо отъ Намѣстника Сергіевой Лавры Архимандрита Антонія).

Боголюбивѣйшій и любезнѣйшій Старецъ
Отецъ Макарій, благословите!

По слову Вашему о напечатаніи Исаака Сирина писалъ я къ Старцу нашему святому Владыкѣ. Извольте выслушать, какой отвѣтъ онъ мнѣ написалъ: „Радъ буду, если напечатаютъ Отцы Оптинскіе книгу Исаака Сирина на Славянскомъ и для цензуры затрудненія не предвижу. Желательно было бы, чтобы при семъ на нѣкоторыя мѣста сдѣланы были съ подлинника поясненія, какъ сдѣлано въ изданіи Варсануфія Великаго. Но если сіе окажется труднымъ, и безъ сего напечатать хорошо. А съ поясненіями Славянскій текстъ по мнѣ лучше Русскаго, потому что по свойству языка переводъ ближе къ подлиннику. Новымъ переводамъ я меньше вѣрю". — Вотъ Вамъ, любезный Батюшка, отъ слова до слова отвѣтъ Владыки.— Теперь остается Вамъ, призвавъ Господа въ помощь, приступить къ дѣлу.

Испрашивая св. молитвъ Вашихъ, съ сердечною любовію есмь навсегда Н. Антоній.

Отцу Игумену Моисею, о. Антонію и всей Скитской Вашей братіи передайте братскій поклонъ.

VIII.

(На слѣдующей за симъ почтѣ получено письмо отъ Н. П. Кирѣевской, въ которомъ она извѣщаетъ о. Макарія о разговорѣ своемъ со Владыкою). Владыка: „Не пи-

шетъ ли Вамъ о. Макарій что о печатаніи книги Св. Исаака Сирина; онъ писалъ о семъ къ о. Антонію, почему это? Она отвѣчала: „я не знаю ничего о семъ Владыка, но если Батюшка писалъ къ о. Антонію, то, вѣроятно, основываясь на словахъ, сказанныхъ Вами прежде мужу моему, что Вы рады будете видѣть сію книгу напечатанною, подобно книгѣ Св. Варсануфія, на Славянскомъ языкѣ съ поясненіями, но только, Владыко, осмѣлюсь замѣтить, что если поясненія эти поручите сдѣлать, Голубинскому, то будетъ очень медленно. Да кажется, Владыко, вновь потомъ надобно будетъ отсылать ее въ Синодъ и оттуда ожидать разрѣшенія о напечатаніи?" Владыка: „Нѣтъ, въ Синодъ посылать я не буду; вѣдь эта книга *Святаго Отца*, а отдамъ ее на разсмотрѣніе въ Комитетъ, и если онъ не рѣшится пропустить, то потребую къ себѣ и самъ подпишу: пусть дѣлаютъ выговоръ мнѣ одному".

Послѣ сего Батюшка испросилъ у Владыки Греческую книгу Св. Исаака Сирина, которая и была доставлена изъ Академической Библіотеки, черезъ о. Намѣстника; по полученіи книги немедленно Батюшка съ о. Амвросіемъ занялись составленіемъ объяснительныхъ примѣчаній, которыя послѣ сего еще разъ пересматривали втроемъ: о. Амвросій, о. Іоаннъ Половцевъ и о. Леонидъ; сей послѣдній пересмотръ начатъ съ 21 Октября, покончена же и переписана вся книга съ примѣчаніями и отослана въ Москву, для передачи Владыкѣ, 29-го Ноября.

IX.

1852 г.

Милостивый Государь, сердечно уважаемый Батюшка! Это письмо, вѣроятно, придетъ къ Вамъ въ Свѣтлый праздникъ: потому прошу Васъ принять мое искреннее поздравленіе—вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе!—Я вчера отправилъ къ Вамъ по почтѣ мою статью, съ перерывомъ въ серединѣ (ибо эти листы были въ типографіи), и не успѣлъ притомъ написать къ Вамъ ни слова. Я прошу Васъ, Милостивый Батюшка, когда Вы будете по благосклонности Вашей ко мнѣ чи-

тать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что Вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе Ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ Вамъ, находятся мои разсужденія о просвѣщеніи западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли Западнаго человѣка къ наружности, и къ предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Потому, я думаю, для Васъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропускъ. Для меня же особенно важны будутъ Ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о Св. Отцахъ Восточной Церкви, и о Россіи, какъ она была въ древнія времена.— Хотя я думаю, что говорю истину, однако же чувствую въ тоже время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ Вы. А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго, или невѣрнаго, особливо объ ученіи Св. Отцевъ.

X.

28 Іюля 1853 г.

Искреннолюбимый и уважаемый Батюшка! Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, Нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ, и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына, Карла, который, тому года два, вышелъ изъ Университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, и о которомъ его отецъ говоритъ, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья. — Этотъ молодой человѣкъ, вскорѣ послѣ перваго знакомства, открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія предъ лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однако же, это онъ надѣется сдѣлать со временемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію, и, можетъ быть.

тамъ совершитъ это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже Православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу Церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, я совѣтовалъ ему поѣхать къ Вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать къ Вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ подготовлять свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелъ долженъ быть для его отца, что онъ самъ пасторъ, и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ Нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу. Теперь, тому дней десять, онъ возвратился изъ Смоленской губ., и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ, въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ Вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, просилъ меня познакомить его съ какимъ нибудь Русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы сколько нибудь узнать хорошую сторону нашего бѣлаго духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго я хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго, и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Сергѣю Григорьевичу письмо, которое онъ доставилъ самъ. Сергѣй Григорьевичъ точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ, и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однако же, мнѣ поручилъ сказать съ Облеуховымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ. Однако же, молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнить своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде, чѣмъ совершитъ этотъ великій и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ

вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ Вамъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ, онъ воротится въ Москву, и окончитъ уже это дѣло здѣсь, а къ Вамъ поѣдемъ послѣ поговѣть и познакомиться съ Вами, многоуважаемый Батюшка, и видѣть Вашу обитель, и, между прочимъ, познакомиться съ о. Іоанномъ, о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ обстоятельствахъ. — Я не боялся затруднить Васъ этимъ, Батюшка: ибо дѣло идетъ о спасеніи души.—Можетъ быть, то, *какимъ образомъ*, съ какою полнотою убѣжденій совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ его поступокъ будетъ или камнемъ назиданія или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу Васъ простить мнѣ. — Имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою и духовнымъ сыномъ И. К.

XI.

8 Октября 1853 г.

Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи. Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на „Отче нашъ", кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода С. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій. Также и примѣчанія нѣкоторыя кажутся мнѣ весьма драгоцѣнными; напр., примѣч. на стр. 16 и на стр. 25. — Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою самого Митрополита. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ. — Но послѣ того, какъ рукопись была у Митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія, и, кажется, напрасно. Напр., онъ вставилъ въ текстъ слова на 16 стр.: глаголя: „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ". Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому Писателю такія слова, кото-

рыхъ онъ не говорилъ.—Но съ этимъ было дѣлать нечего.—Однако же, другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія, и приписывать ихъ Паисію?—это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: *ниже яко иною ину; не бо по производству отъ Единицы Троица небытна (несоздана) Суща и самоизъявна.* Голубинскій поправилъ: *ниже видѣти яко ину черезъ ину: не бо̀ посредствуется коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безъотносительное, акибы произведеніе къ винѣ своей относящееся: ниже яко отъ иныя ину: не бо̀ по производству отъ Единицы Троица, незаимствовано бытіе имущи и самоизъявна Суща.*—Здѣсь, какъ Вы изволите видѣть, слова подчеркнутыя два раза у Паисія не находятся, и вставлены Голубинскимъ изъ Латинскаго изданія.—Но, державши корректуру, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что, сомнительно даже, написалъ ли бы онъ, и было ли въ какомъ нибудь текстѣ Максима, ибо Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочинятъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Святой Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ, Батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ, или слишкомъ самовольно?

Въ другомъ же писаніи Св. Максима, въ *Словѣ Постническомъ*, Голубинскій много перемѣнилъ въ рукописи, и, кажется, очень часто понапрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ, какъ мнѣ кажется, неправильный; дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предъубѣдился противъ всего сочиненія, и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика, неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ

языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что переводъ носитъ характеръ Паисіевской системы *до слова*, и что поправки Голубинскаго несовсѣмъ удачны. Напр.: слово *смотреніе* онъ напрасно замѣняетъ словами *цѣль* или *намѣреніе*. Мысль, что *Господь терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ*. Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслію, говоря, что Господь *наказывалъ лукаваго* любовью къ людямъ. — Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому. Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предъубѣжденію. Все, однакоже, эта брошюрка съ двумя Писаніями Св. Максима есть, по моему мнѣнію, одна изъ самыхъ глубокомысленныхъ, изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ напечатаны.

На 15 стран. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться.

Въ Исаакѣ Сиринѣ, мнѣ кажется, очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ Васъ, въ которомъ сказать, что С. Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая его буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками—различныя отношенія между словами, которыя въ Греческомъ языкѣ очевидны сами собой, въ словенскомъ сами собою не выражаются. О значеніи этихъ точекъ С. Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что Русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ подсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется, необходимо сдѣлать для того, чтобы—во 1-хъ, оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ Греч. и Слов. иначе покажутся ни къ чему не ведущими; а во 2-хъ, для того, чтобы оправдать себя: ибо—печатая предисловіе Паисія, и выбросивъ изъ него что либо, нельзя не оговориться въ

этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и предъ его жизнію. Съ любовію преданный Вамъ, Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

XII.

8 Февраля 1853 г.

Н. П. Кирѣевская пишетъ, что была у Митрополита и имѣла съ нимъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ касательно изданныхъ Синодомъ: сокращенныхъ правилъ монашескаго житія и книги Нила Сорскаго. Она замѣтила Владыкѣ, что батюшка очень радъ, что книга эта издана въ большомъ числѣ экземпляровъ и пущена по столь умѣренной цѣнѣ (15 к. ср.), имѣя въ виду общую пользу. На это Владыка, улыбнувшись, сказалъ: „а знаете ли, кто подорвалъ ваше изданіе?—это—я; и вотъ какъ это случилось. Синодъ спрашивалъ моего мнѣнія, намѣреваясь издать нѣсколько книгъ для монашества, и прислалъ ихъ на разсмотрѣніе ко мнѣ; я откровенно, сказалъ, что думаю: книгу „сокращенныя правила монашескаго житія“, какъ давно мнѣ извѣстную, одобрилъ, а про двѣ другихъ (которыя, какъ оказалось, были представлены Пр. Евгеніемъ Астраханскимъ, а написаны Иларіономъ, бывшимъ настоятелемъ Коневскимъ) сказалъ, что врядъ ли мы поступимъ хорошо, дѣлая обязательнымъ для всѣхъ то, что написано для одного мѣста, а вмѣсто сего предложилъ издать, какъ полезную и давно извѣстную, книгу Русскаго подвижника Св. Нила Сорскаго, перепечатавъ ее съ Оптинскаго изданія и съ варіантами, а также отбрать необходимое и составить особую книжечку изъ соч. Василія Великаго; вслѣдствіе чего Синодъ, издавъ первую книжку, послѣдней заняться поручилъ мнѣ“.

XIII.

9 Марта 1853 г.

Преподобнѣйшему Отцу Макарію, о Господѣ радоваться! Помолитесь о насъ, борющихся съ волнами людей и дѣлъ, да не погрязнемъ, но да касаемся, хотя нѣ-

сколько, брега тишины и свободы. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, доколѣ я нашелъ, наконецъ, время оторваться отъ дѣлъ неволи, чтобы заняться дѣломъ желаемымъ—чтеніемъ рукописи Св. Исаака Сирина, приготовленной Вами къ печатанію: но и теперь, не кончивъ сего, принужденъ возвратиться къ окружающимъ меня неизбѣжнымъ дѣламъ должности.—Около половины книги читалъ я непрерывно, внимая учителю и Вашимъ толкованіямъ. Далѣе просматривалъ нѣкоторыя мѣста: но не могши продолжать, и опасаясь еще надолго остановить дѣло, рѣшаюсь завтра послать рукопись въ цензуру.—Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся нѣкоторыхъ примѣчаній Вашихъ, не имѣя возможности предварительно изъяснить Вамъ, почему так коснулся.

Нѣкоторыя мѣста книги темны въ Греческомъ такъже, какъ и въ Славянскомъ текстѣ. Вѣроятно, сему причиною, между прочимъ, Греческій переводчикъ съ Сирскаго. Нѣкоторыя примѣчанія на такія мѣста показались только догадочными и недовольно соотвѣтствующими Греческому тексту. Въ такихъ случаяхъ мнѣ показалось лучшимъ—оставить темное темнымъ, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль, вмѣсто мысли Св. Исаака Сирина. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ показалось, что толкованіе не соотвѣтствуетъ духу ученія. Таково слѣдующее мѣсто въ словѣ 44. Текстъ: „безмолвіе *простое* посредѣ правды укорно есть“.

Примѣчаніе къ слову—простое: безъ ощущенія благодатныхъ дѣйствій *) (о. Макарія).

Неужели всегда, когда не ощущаются благодатныя дѣйствія, безмолвіе уже есть укорно, или достойно осужденія. И добрые подвижники тотчасъ ли получаютъ ощущеніе благодатныхъ дѣйствій? И у достигшихъ, не скрываются ли иногда сіи ощущенія, по не совершенству или

*) Толкованіе сіе имѣетъ то основаніе, что если пойдетъ на безмолвіе человѣкъ еще не очистившійся отъ страстей, такой не въ состояніи и въ продолженіе времени стяжать плодовъ истиннаго безмолвія—благодатныхъ ощущеній, а посему и останется при *простомъ* безблагодатномъ безмолвіи, — которое, какъ не имѣющее цѣли, посредѣ дѣлъ правды—*есть укорно*, ибо исходъ его—*самообольщеніе*.

смотрительно?—Почему я измѣнилъ сіе толкованіе такъ: *безъ другихъ подвиговъ и добродѣтелей*. Въ семъ смыслѣ сдѣлано замѣчаніе и въ Греческой книгѣ. Одно толкованіе не рѣшился я перемѣнить самъ собою и представляю Вамъ о семъ при семъ записку. Если согласитесь на предлагаемую перемѣну, то возвратите предлагаемое мною толкованіе, дабы передать оное Цензорамъ для внесенія въ рукопись.

О измѣненіяхъ меньшей важности, которыя позволилъ я себѣ сдѣлать, говорить не нужно и по немалому числу ихъ неудобно.—Божіе благословеніе и миръ Вамъ и братству Вашему усердно призывая, поручаю себя молитвамъ Вашимъ. Особенно Отцу Игумену изъявите мое почтеніе и признаніе моей вины, что не пишу къ нему особо, и что молчалъ долго, въ чемъ у обоихъ Васъ прошу прощенія. Ф. М. М.

XIV.

17 Марта 1853 г.

Отвѣтъ о. Макарія на письмо Владыки отъ 9 Марта.

Высокое смиреніе В. В. явленное въ своеручномъ писаніи Вашемъ отъ 9-го ч. сего Марта, коимъ удостоили мою худость, до глубины души тронуло меня, и еще болѣе дало познать и видѣть мою нищету и боязнь, да не будетъ мнѣ на осужденіе таковое снисхожденіе Ваше. Молчаніемъ обротѣваю умъ мой и повергаясь мысленно къ Святительскимъ стопамъ Вашимъ, безгласное приношу благодареніе.—При многотрудныхъ и многосложныхъ подвигахъ и попеченіяхъ В. В—а о великой паствѣ пространнаго нашего Отечества, Вы изволили удѣлить время на прочтеніе рукописи Св. Исаака Сирина, по благоволенію и благословенію В. В—а приготовленной нами къ напечатанію съ толкованіями или поясненіями на нѣкоторыя неудобопонятныя мѣста Славянскаго текста, и удостоили слабый трудъ нашъ Вашего Архипастырскаго вниманія, разсмотрѣвъ оный. Это сродно токмо высокой особѣ Вашей и Вашей любви къ распространенію духовнаго ученія Святыхъ Отцевъ, для напитанія онымъ чадъ Православной нашей Церкви. Представляя сію рукопись В.

В—у, мы никакъ не смѣли считать наши поясненія точными и правильными, но утѣшались надеждою, что В. В—о обратите на нихъ милостивое вниманіе, и, бывъ осчастливлены онымъ, почитаемъ измѣненія, сдѣланныя Вами, справедливыми и святыми. Зная просвѣщенный разумъ и опытность В. В—а, съ любовію и чувствомъ невыразимой благодарности, лобызаемъ мысленно Святительскую Вашу десницу, потрудившуюся въ семъ исправленіи нашихъ погрѣшеній. Въ нѣкоторыхъ же темныхъ мѣстахъ, мы хотя и дерзали дѣлать поясненіе, не желая оставить ихъ такъ, но если В. В—о изволите находить, что лучше оставить темное темнымъ, нежели основаться на догадочныхъ мысляхъ, то вѣруемъ, что Господь возвѣстилъ Вамъ сіе, и это, безъ сомнѣнія, будетъ надежнѣе и полезнѣе.

Касательно двухъ мѣстъ, на которыя Вы изволили сдѣлать замѣчанія и измѣненія, осмѣлимся доложить В. В—ву, какъ мы понимали, не считая, впрочемъ, нашу мысль за правильную. Въ 44-мъ словѣ, на слова: *безмолвіе простое посредѣ правды укорно есть* сдѣлано нами поясненіе: *безъ ощущенія благодатныхъ дѣйствій.* В. В—о справедливо изволили замѣтить, что подвижникъ можетъ не имѣть сихъ ощущеній, не доспѣвъ еще до сего, или по другимъ причинамъ; но мы имѣли въ виду повыше сихъ строкъ исчисленныя дѣйствія преуспѣянія безмолвія и разсматривали слова: *безмолвіе простое посредѣ правды укорно есть* только по отношенію къ онымъ, въ высокомъ устроеніи находящимся людямъ, а не въ такомъ разумѣ, чтобы простое безмолвіе вовсе было укорно или осужденія достойно: въ немъ, конечно, есть свои степени и умаленія и приращенія, по мѣрѣ духовнаго возраста каждаго. Мы такъ понимали, но не могли вполнѣ выразить нашу мысль. Исправленіе же Ваше: *безъ другихъ подвиговъ и добродѣтелей*—ближе къ понятію многихъ и точнѣе, ибо отъ совершенія подвиговъ бываетъ и преуспѣяніе въ благодатныхъ ощущеніяхъ. Въ 21-мъ словѣ наше замѣчаніе на текстѣ: *чистота есть забвеніе разума сущихъ чрезъ естество, обрѣтенныхъ въ мірѣ отъ естества*, не выражаетъ настоящаго разума и точности, а замѣчаніе В. В—а очень ясно и

правильно, и мы смиренно просимъ замѣнить онымъ наше ошибочное, если есть на сіе Ваше соизволеніе.—Во всѣхъ же нашихъ недостаткахъ и погрѣшеніяхъ, какія сдѣланы въ семъ дѣлѣ, по самосмышленію или по недоразумѣнію нашему, припадая къ стопамъ В. В—ва, испрашиваемъ, какъ я, такъ и сотрудники мои, Вашего Архипастырскаго и Отеческаго прощенія и милостиваго снисхожденія.—О. Игуменъ нашъ принялъ благословеніе В. В—ва съ невыразимымъ чувствомъ благодарности и зазрѣнія себя о Высокомъ Вашемъ смиреніи, и считаетъ себя счастливымъ, что удостоился получить Ваше благословеніе.—Молитвами и благословеніемъ В. В—ва, Господь даровалъ намъ помощь окончить переводъ на Русскій языкъ книги Св. Варсануфія и Іоанна, которую надѣемся вскорѣ представить В. В—у, и смиренно просимъ Вашего соизволенія и благословенія на представленіе той въ Цензуру для разсмотрѣнія и утвержденія къ напечатанію.—Дарованное намъ В. В—мъ въ писаніи Вашемъ Архипастырское благословеніе принимаемъ съ вѣрою и любовію и благодарнымъ сердцемъ, и на будущее время осмѣливаемся испрашивать онаго и Св. Вашихъ молитвъ, на укрѣпленіе нашихъ немощей душевныхъ и тѣлесныхъ; и паки припадая къ стопамъ Вашимъ и лобызая благословляющую десницу Вашу, съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и невыразимою сыновнею преданностію имѣть счастіе пребыть Вашего Высокопреосвященста, Милостиваго Архипастыря нижайшій послушникъ І. М.

XV.

2 Мая 1853 г.

Наталья П. Кирѣевская увѣдомляетъ, что Ѳ. А. Голубинскій въ бытность у нихъ говорилъ, что онъ представлялъ Владыкѣ житія Симеона Новаго Богослова и Григорія Синаита; онъ оставилъ ихъ просмотрѣть у себя и сказалъ, что ихъ надобно отослать въ Синодъ, ибо Св. Симеонъ Новый Богословъ нашею Церковію не признанъ за Святаго, причемъ сказалъ: „ужъ не слишкомъ ли много Старцы Оптинскіе хотятъ издавать? Ѳ. А. на сіе отвѣчалъ: они В. В—о потому спѣшатъ, что же-

лаютъ для общей пользы воспользоваться тѣмъ участіемъ, которое Вы изволите принимать въ семъ дѣлѣ и безъ чего, вѣроятно, ничего не было бы издано.—„Да, сказалъ Владыка, вотъ я посылалъ въ Синодъ Св. Исаака Сирина и не вышло ничего".

XVI.

19 Мая 1853 г.

(Письмо Проф. Дух. Акад. Прот. Ѳ. А. Голубинскаго).

Ваше Высокопреподобіе, Достопочтеннѣйшій о. Макарій, вѣрный путеводитель ко Господу рабовъ Его, подвизающихся въ безмолвіи!

Приношу Вамъ сердечную мою благодарность за дорогое для меня Ваше посѣщеніе въ прошедшемъ году, за смиренномудрую бесѣду Вашу, за драгоцѣнный даръ Словесъ Пр. Симеона Новаго Богослова и за исполненное Христіанской любви Ваше писаніе отъ 24-го Марта сего года.—Простите меня, что такъ долго оставался предъ Вами безотвѣтнымъ: это произошло отъ того, что я желалъ услышать мнѣніе просвѣщеннаго Архипастыря нашего о нѣкоторыхъ переводахъ блаженнаго Старца Паисія, упоминаемыхъ въ письмѣ Вашемъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ началѣ Ѳоминой недѣли, я представлялъ ему въ Москвѣ: 1) Жизнеописаніе Пр. Симеона Новаго Богослова, 2) Житіе Св. Григорія Синаита и 3) писаніе Св. Григорія Паламы къ инокинѣ Ксеніи, Десятословіе Новаго Завѣта, и еще нѣкоторыя посланія. Сличеніемъ сихъ писаній Св. Григорія съ подлинникомъ я занялся прежде другихъ, потому что нужно было скорѣе возвратить Греческую рукопись въ Патріаршую Библіотеку, изъ которой я бралъ оную. Высокопреосвященнѣйшій оставилъ сіи переводы у себя для прочитанія, и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ (Маѣ) прислалъ ихъ сюда съ тѣмъ, чтобы жизнь Преп. Симеона и Писанія Св. Григорія Солунскаго были разсмотрѣны Цензурнымъ Комитетомъ, и первая представлена была для окончательнаго одобренія въ Св. Синодъ, съ исключеніемъ немногихъ выраженій, въ которыхъ Наставникъ Преподобнаго Симеона признается Святымъ, между тѣмъ какъ онъ не включенъ Церковію въ число

святыхъ,—а писанія Св. Григорія Солунскаго были разсмотрѣны и пропущены къ печатанію въ здѣшней Цензурѣ. Вмѣстѣ съ сими рукописями прислалъ сюда В—ый Митрополитъ вашъ переводъ Св. Варсануфія на Русскій языкъ и писалъ, что онъ ждетъ отъ Васъ отвѣта на сдѣланныя имъ на сей переводъ замѣчанія. Когда онъ получитъ сей отвѣтъ, тогда, по пріѣздѣ въ Лавру, котораго мы ожидаемъ на сихъ дняхъ (послѣ 21 Мая), прикажетъ разсмотрѣть оный переводъ Цензурному Комитету. Между тѣмъ, присланный Вами переводъ Св. Исаака Сирина разсматривается о. Инспекторомъ Академіи, Архимандритомъ Сергіемъ, и былъ бы оконченъ въ Маѣ, если бы не помѣшала о. Инспектору болѣзнь его, которая, впрочемъ, нынѣ проходитъ, такъ что онъ надѣется въ слѣдующемъ мѣсяцѣ возвратить эту рукопись съ надлежащимъ одобреніемъ. Въ томъ же мѣсяцѣ (Іюнѣ) выйдутъ изъ Цензуры и Писанія Св. Григорія Паламы и Св. Максима по вопросу и отвѣту.—Что касается до..... книги и житія Св. Григорія Синаита, то В—ый Митрополитъ находитъ неудобнымъ напечатать ихъ въ настоящее время.—При семъ долгомъ поставляю свидѣтельствовать Вамъ искреннѣйшее почтеніе о. Ректора Алексія и о. Инспектора Сергія. Мы нерѣдко съ признательностію воспоминали о Васъ и о Вашихъ назидательныхъ бесѣдахъ. Прошу Васъ покорнѣйше засвидѣтельствовать мое давнее душевное почтеніе Его Высокопреподобію о. Игумену Моисею и братское усердіе и уваженіе кроткому и любознательному Ивану Андреевичу, спутнику Вашему. Дай ему Господь быть вѣрнымъ спутникомъ Вашимъ и въ Небесное Отечество! Воздохните и о мнѣ грѣшномъ въ молитвахъ Вашихъ ко Господу. Съ симъ желаніемъ и усерднѣйшимъ почтеніемъ и благодарностію имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Пр. Ѳ. Г.

XVII.

29 Мая 1853 г.

Получено письмо А. Н. Муравьева.

Христосъ Воскресе! Приношу Вашему Преподобію, равно какъ и честнѣйшему Отцу Макарію, искреннюю мою при-

знательность за добрую обо мнѣ память и привѣтствіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ и за книги писемъ (которыхъ еще не получалъ). Хорошо подвизается пустынь ваша въ изданіи душеспасительныхъ книгъ и оставитъ по себѣ благую память въ иноческомъ мірѣ. Одно мнѣ жаль, что языкъ о. Паисія не во всемъ удобопонятенъ, особенно въ отвѣтахъ Варсануфія, не смотря на то, что я привыкъ къ духовнымъ письмамъ, хотя и не столь глубокимъ мыслями; есть мѣста, гдѣ невольно останавливаюсь и доискиваюсь уразумѣть, а это затрудняетъ чтеніе.

Отклонить этотъ трудъ легко. Впрочемъ, если уже нельзя на Русскомъ, то великое сокровище и на Славянскомъ, хотя и немногимъ доступно, особенно изъ мірскихъ. Скоро-ли составите вы Патерикъ Русскій — житія учениковъ Паисіевыхъ,—много бы утѣшили всѣхъ насъ.

Простите. Поручая себя Св. молитвамъ Вашимъ, остаюсь съ душевнымъ уваженіемъ Вашъ покорн. слуга А. М.

О. Макарію со всею Скитскою братіею поклонъ и привѣтствіе.

XVIII.

21 Февраля 1854 г.

П. О. М. о Госп. радоваться.

Какъ пишу къ Вамъ при вступленіи въ постъ, то время просить у Васъ прощенія, можетъ быть, и въ большихъ винахъ, нежели та, о которой теперь думаю, — въ долгомъ молчаніи.—Съ участіемъ слышу, что здоровье Ваше слабо. Дайте себѣ отдыхъ. Не истощайте силъ, которыя, при умѣренномъ употребленіи, долѣе могутъ служить на пользу.

Слышу также, что Вы озабочены неправыми сужденіями о нѣкоторыхъ людяхъ, получившихъ отъ Васъ наставленія. Сколько знаю обстоятельства: надобно имъ совѣтовать терпѣніе, потому что мнѣніе ихъ начальства не вдругъ измѣнить можно. Впрочемъ, нѣтъ причины опасаться, чтобы могли случиться затрудненія, подобныя случившимся съ Отцемъ Леонидомъ.

Миръ и тишина душѣ Вашей. Помолитесь о моей, молвой обуреваемой.

Ф. М. М. Цѣлованіе Вашему о. Архимандриту и о. Антонію. У перваго также прошу прощенія въ молчаніи.

XIX.

9 Іюля 1854 г.

Искренно-любимый и уважаемый Батюшка! Сейчасъ прочелъ я Ваше письмо изъ Калуги къ Н. П. и теперь же хочу поздравить Васъ съ полученіемъ наперснаго креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличіе не составляютъ для Васъ ничего существеннаго, и что не такія отличія Вы могли бы получить, если бы сколько нибудь желали ихъ, — однакоже все почему-то очень пріятно слышать это. Можетъ быть потому, что это будетъ пріятно для всѣхъ любящихъ Васъ. Мы всегда видѣли, какъ Вы внутри сердца Вашего носите крестъ Господень и сострадаете Ему въ любви къ грѣшникамъ. Теперь та святыня, которая внутри любящаго сердца Вашего, будетъ очевидна для всѣхъ на груди Вашей. Дай, Боже, чтобы на многіе, многіе и благополучные лѣта! Дай, Боже, многіе лѣта за то и благочестивому Архіерею нашему.

Другая часть письма Вашего произвела на меня совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Вы пишите, что страдаете отъ безсонницы, и что четыре ночи совсѣмъ не могли заснуть. Это, кромѣ того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Не имѣетъ ли на это какое нибудь вліяніе послѣобѣденный чай? Потомъ думаю я и то, что сонъ Вашъ отнимаютъ заботы о всѣхъ насъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ Вамъ относимся. Вы думаете, какъ и чѣмъ подсобить требующимъ Вашей помощи и это отнимаетъ у Васъ спокойствіе сердечное. Но подумайте, Милостивый Батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насъ зависитъ отъ Вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоху Вашего обо всѣхъ насъ вообще къ Милостивому Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насъ прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, Милостивый Батюшка, на здоровье всѣмъ намъ. Отгоните отъ себя заботливыя мысли, какъ враговъ не

только Вашего, но и нашего спокойствія, и, ложась на подушку, поручите заботы объ насъ Господу, Который не спитъ.—Ваша любовь, не знающая границъ, разрушаетъ тѣло Ваше.

XX.

5 Ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н. П. писала къ Вамъ, что тому дней десять Митрополитъ взялъ у меня для просмотра нѣкоторыя рукописи изъ представленныхъ въ Цензуру, т, е. сотницы Аввы Ѳалласія и главы Каллиста Антиликуды.—Вчера я былъ у него съ Зедергольмомъ, желавшимъ получить Его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочиталъ Сотницы А. Ѳалласія и думаетъ, что они должны бы быть изданы особой книжкой, что въ нихъ много полезнаго, но что читатели вообще лѣнивы на духовное чтеніе, и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ;—но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы Вы поступили съ нимъ такъ же какъ съ книгой Исаака Сирина, т. е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ, и, сличивъ съ подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницъ, а гдѣ найдутся явныя ошибки переписчика словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще онъ, кажется, очень доволенъ изданіемъ Исаака Сирина, и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ! Чтоже касается до Каллиста Антиликуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ, и, судя по началу, сомнѣвается, полезно ли будетъ его напечатать, потому что онъ кажется ему очень труденъ для пониманія, мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ, такъ что не каждый распутаетъ ихъ. Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много, не лучше ли ограничиться немногимъ, явно полезнымъ. Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многаго печатанія. Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошія книги задавлены грудою безполезныхъ, такъ что до нихъ и не доберешься.—Не надобно-ли остерегаться, чтобы и духовная литература не

подверглась такой же участи? Я отвѣчалъ ему, что Ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенныя Ст. Паисіемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изъ всѣхъ книгъ самыя полезныя. — Но на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ былъ прерванъ пріѣхавшими посторонними посѣтителями, и я спѣшу покуда сообщить его Вамъ, чтобы знать Вашъ отвѣтъ объ А. Ѳалласіи прежде, чѣмъ буду у Святаго Владыки.

XXI.

13 Ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н. Петр. сообщила мнѣ письмо Ваше къ ней отъ 6 Ноября, въ которомъ Вы изволите писать о Максимѣ Исповѣдникѣ, и я вижу изъ Вашихъ словъ мое крайнее неразуміе въ пониманіи этого высокаго духовнаго Писателя, и прошу Васъ простить меня въ этомъ. Я полагалъ, что главная трудность въ пониманіи его писаній заключается не столько въ духовной высотѣ, сколько въ формахъ языка, занятыхъ, какъ я думалъ, у философскихъ системъ того времени, и особенно новоплатониковъ. Вотъ почему я былъ такъ дерзокъ, что осмѣлился предложить Вамъ свои услуги въ дѣлѣ перевода, предполагая въ мѣстахъ неудобопонятныхъ искать объясненія въ философскихъ терминахъ и оборотахъ мыслей древнихъ школъ. Но поистинѣ, Батюшка, я думалъ только о буквальномъ смыслѣ, а не о духовномъ, и если бы зналъ, что дѣло идетъ о послѣднемъ, то не смѣлъ бы предложить своего участія. Я очень хорошо знаю, и глубоко чувствую, какъ слѣпъ я въ этомъ послѣднемъ отношеніи, и не только тамъ, гдѣ мысль выражена неясно, но даже тамъ, гдѣ она сказана просто и удобопонятно даже для дѣтей, какъ напримѣръ въ Евангеліи, — я безпрестанно нахожу для себя темноты, которыхъ не могу проникнуть, и въ этихъ случаяхъ обыкновенно рѣшаю мои недоумѣнія предположеніемъ просить объясненія у Васъ; хотя въ тоже время чувствую, что даже и Ваши объясненія могутъ только указать, *куда* смотрѣть, а не дадутъ *глазъ*, которыми ви-

дѣть.—Чтоже касается до того высшаго умозрѣнія, о которомъ Вы пишите, и которое открывается по дѣяніи, то кому же дастъ его Господь, если не Вамъ. Это умозрѣніе жизненное и живое, которое горитъ какъ свѣча предъ Господомъ, и освѣщаетъ все вокругъ себя, и зажигаетъ свѣтильникъ въ чистыхъ лампадахъ Васъ окружающихъ: это свѣтъ, на который мы, далекіе отъ Васъ, смотримъ съ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Божій даръ, посланный Имъ на пользу, вразумленіе и утѣшеніе людей Вамъ современныхъ.—Потому, простите меня, Батюшка, если я думаю, что Св. Максимъ едва ли говорилъ такія вещи, которыя въ духовномъ смыслѣ могли бы быть для Васъ невразумительными, хотя въ смыслѣ буквальномъ и наружно-философскомъ онъ сказалъ многое такое, что, можетъ быть, и навсегда и для всѣхъ останется не вполнѣ объясненнымъ.—Впрочемъ, опять повторяю, что не понимая въ этомъ дѣлѣ почти ничего, я вполнѣ покоряю мое сужденіе Вашему, и прошу меня простить за мое безразсудное мнѣніе.

XXII.

16 Ноября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Я имѣлъ счастіе получить Ваше письмо отъ 3 Ноября, въ которомъ Вы изволите писать, что съ Главами Каллиста, кажется, надобно поступить такъ же, какъ съ стишною книгою Св. Симеона Нов. Богослова, потому что эти главы не для всѣхъ понятны.—Признаюсь Вамъ, Милостивый Батюшка, что мнѣ было бы крайне жаль, еслибы это случилось. Слова Марка Подвижника еще менѣе понятны, и потому такъ же не для всѣхъ доступны, но за то для тѣхъ, кто можетъ ими пользоваться, онѣ могутъ объяснить многое существенное, и оградить ихъ понятіе отъ Западныхъ лжетолкованій.—Тѣ-же, кто поймутъ, могутъ передать другимъ.—Вы сами тоже желали напечатать Каллиста.—Митрополитъ же, когда говорилъ о немъ, еще не прочелъ его, а только началъ читать.—Къ тому же, не говоря уже о другихъ достоинствахъ, эта книга важна уже и потому, что она не находится ни на какихъ

другихъ языкахъ, и даже издателю Греческой Филокаллiи была неизвѣстна, какъ видно изъ тѣхъ главъ Каллиста Катафигiота, которыя тамъ напечатаны, и о которыхъ сказано: *оставшiяся* или *уцѣлѣвшiя изъ писанiй Каллиста.* Печатать же одно общепонятное, и слѣдующее общеизвѣстное, имѣетъ, кажется, тоже свой вредъ.—Многiе именно отъ того не берутся за наши духовныя книги, а ищутъ иностранныхъ, что наши, по большей части, повторяютъ всѣмъ извѣстныя истины, которыя можно знать и не читая, говорятъ они.

XXIII.

16 Ноября 1854 г.

(Выписка изъ письма Н. П. К—ой отъ 16 Ноября). Вотъ бесѣда со мною Владыки (Митрополита Московскаго). Онъ принесъ листокъ написанный и сказалъ: „читалъ я нашъ Академическiй переводъ книги Св. Исаака; нѣтъ, переводъ еще темнѣе, не хорошо. Я написалъ къ Ректору, чтобы онъ прислалъ мнѣ Греческiй текстъ: онъ прислалъ, я сличалъ ихъ вмѣстѣ (да и Греческiй переводъ не очень хорошъ: вѣроятно, переводчикъ не былъ изъ ученыхъ, т. е. не зналъ грамматическихъ правилъ, и потому мѣшалъ слова и вмѣсто должнаго выраженiя ставилъ неправильно и темныя слова, да и отъ переписчика быть можетъ вкрались ошибки и невѣроятности) и такъ сличая 18-ю главу, нашелъ переводъ темнѣе подлинника, и подлинникъ неяснымъ. Я попробовалъ самъ перевести немного, вотъ переводъ мой, а списать его не нашелъ кому, опасаюсь, разберутъ ли мой почеркъ Старцы?—И прошу Васъ: перешлите Старцу, мнѣ желательно слышать, какъ они найдутъ мой переводъ; попросите, чтобы Старецъ сличилъ его и съ Славянскимъ и съ переводомъ Академическимъ и сказали бы свое мнѣнiе“.

XXIV.

(Отвѣтъ о. Макарiя Владыкѣ)

В. В. М. Ар. и О.

Прiемлю смѣлость и въ настоящее время принести В. В. всенижайшее мое поздравленiе со днемъ Вашего

Ангела. Искреннее наше желаніе и молитва къ Богу, да продлитъ жизнь Вашу на многія лѣта въ вожделѣнномъ здравіи, мирѣ и утѣшеніи духовномъ. Я не посмѣлъ бы скудными моими строками безпокоить Вашу Особу, но благоволеніе В. В., многія милости къ моей худости и ниспосылаемое Вами мнѣ Архипастырское благословеніе подаетъ смѣлость повергнуть себя къ Святительскимъ стопамъ Вашимъ съ убогимъ моимъ поздравленіемъ.

В. В. угодно было чрезъ Н. П. Кир—кую прислать къ намъ листокъ перевода Вашего съ Греческаго языка изъ книги Св. Исаака Сирина начало 18 слова, чтобы сличить съ Славянскимъ и Русскимъ переводомъ и какого мы о семъ мнѣнія. Въ семъ дѣйствіи В. В. изволили показать намъ высокій примѣръ Вашего смиренія и знакъ къ намъ Архипастырскаго благоволенія; никакъ не надѣясь на свой разумъ, а паче сознавая наше скудоуміе, побуждаемы же будучи послушаніемъ, уповая на Святительскія Ваши молитвы, исполнили приказаніе В. В., читали переводъ Вашъ, сличая съ Славянскимъ и Русскимъ переводомъ, не могли постигнуть ясности въ матеріяхъ: есть въ нашей обители рукописная книга Св. Исаака, принесенная изъ Молдавіи, въ концѣ которой находятся поясненія на нѣкоторыя неясныя мѣста сей книги, сіи же самыя поясненія есть и въ Греческой книги внизу страницы, мы это видѣли, когда она у насъ была, но кѣмъ оныя написаны, намъ неизвѣстно. На самое это мѣсто есть поясненіе, которое осмѣливаемся представить В. В—ву (изъ онаго изволите увидѣть, что не на всѣхъ трехъ случаяхъ или образахъ видѣнія имѣютъ власть воли и разумѣнія, а только на двухъ послѣднихъ, а первый образъ подлежащій чувствамъ пріимателенъ и безъ участія воли). Можетъ быть, при семъ поясненіи В. В. изволите усмотрѣть и прояснить темноту этого мѣста книги Св. Исаака, я же не дерзаю сказать, чтобы въ точности понималъ сіи слова, касающіяся предметовъ высокихъ и духовныхъ; но сознаю мое невѣденіе, а потому пріемлю смѣлость только представить прилагаемый листокъ на благоусмотрѣніе В. В—ва. Повергая себя къ Святительскимъ стопамъ Вашимъ, съ чувствомъ безпредѣль-

ной преданности и глубочайшаго высокопочитанія честь имѣю пребыть.

XXV.

31 Декабря 1854 г.

(Памятная запись о. Макарія).

О напечатаніи книги Св. Исаака Сирина мы не смѣли надѣяться предпринимать какія либо средства, но Богъ судьбами Своими устроилъ неожиданно и даровалъ намъ имѣть духовное утѣшеніе веліе—видѣть ее напечатанною въ 2400 экземплярахъ. Вотъ какъ это случилось: въ 1852 году, когда я былъ въ Москвѣ, говоря съ Г.г. Кирѣевскими о русскомъ переводѣ сей книги, какъ бы хорошо и полезно было напечатать сію книгу на Славянскомъ языкѣ перевода Старца Паисія, предложилъ имъ при случаѣ предложить о семъ Высокопреосвященному Митрополиту Филарету. Бывши въ Троицкой Лаврѣ въ тоже время, предложилъ о семъ о. Намѣстнику Архим. Антонію. По отъѣздѣ моемъ, онъ, улучивъ время, въ разныя времена при разговорѣ докладывалъ о семъ Его П—ву.—Онъ сказалъ, что и самъ желаетъ издать ее, но находитъ нужнымъ сдѣлать поясненія на нѣкоторыя темныя мѣста и слова, и не знаетъ кому поручить это сдѣлать; да вѣдь, по настоящему, и не можно безъ Синода: да книга-то Отеческая, я скажу, что я напечаталъ, а съ меня нечего взять. О всемъ этомъ насъ увѣдомили.—Мы писали къ Н. П. Кир—ой предложить Владыкѣ,—не угодно ли будетъ Е. В. дозволить намъ заняться симъ дѣломъ: на это и получили Его Благословеніе и дозволеніе взять въ Московской Духовной Академіи Греческую книгу Св. Исаака Сирина. По полученіи оной въ послѣднемъ мѣсяцѣ 1852 года, начали мы дѣлать поясненія: о. Амвросій, я (отецъ Макарій), а Павелъ Ст. Покровскій въ Греческой книгѣ неудобовразумительныя мѣста переводилъ намъ. Прошедши всю книгу, паки повѣрили съ о. Іоанномъ Половцевымъ и Львомъ Ал. Кавелинымъ: переписывали на бѣло трое: Павелъ Степановичъ, Симеонъ Феодоровичъ и о. Антоній Смирновъ. Надписаніе о безмолвіи оставили, о чемъ въ предисловіи объяснено.—По окончаніи представили оную рукопись Высокопреосвящен-

ному Филарету на разсмотрѣніе. Владыка принялъ оную благосклонно, и, отправившись въ Троицкую Лавру,—находясь тамъ въ Скиту, первую недѣлю великаго поста занялся просматриваніемъ нашихъ поясненій и замѣчаній, нѣкоторыя поправилъ и своеручно о семъ удостоилъ меня писаніемъ отъ 3 Марта 1853 года, и что онъ передалъ рукопись сію въ Цензуру для разсмотрѣнія и дозволенія печатать,—которая и поручена Цензору о. Инспектору Академіи Архимандриту Сергію, который съ любовію занялся разсматриваніемъ оной, и, по окончаніи, того же года въ Іюлѣ мѣсяцѣ подписалъ дозволеніе печатать и доставилъ въ Москву къ Г.г. Кирѣевскимъ. А они съ благословенія Архипастыря приступили къ печатанію и продержали корректуру. — Между тѣмъ, Господь помогъ намъ сдѣлать на оную книгу Алфавитный указатель, который также утвержденъ Цензурою къ печатанію, и такъ сія Богодохновенная книга, помощію Божіею, напечатана благословеніемъ Владыки, и первые три печатныхъ экземпляра оной присланы къ намъ въ Обитель на Свѣтлой недѣлѣ, 13 числа,—какъ самый приличный подарокъ для Свѣтлаго Праздника.

XXVI.

22 Марта 1855 г.

(Письмо И. В. Кирѣевскаго).

Такъ какъ до сихъ поръ еще не полученъ Алфавитъ къ книгѣ Варсануфія, то можетъ быть въ немъ можно еще сдѣлать вставки. Потому прошу Васъ обратить вниманіе на то, не полезно ли будетъ въ Алфавитѣ указать на тѣ мѣста, которыя относятся къ *Іисусовой непрестанной молитвѣ?* Такъ какъ есть нѣкоторые изъ Западныхъ, которые отвергаютъ древность этой молитвы, то, кажется, не худо было бы во всѣхъ древнихъ Св. Отцахъ указать на тѣ мѣста, которыя прямо или подразумѣвательно къ ней относятся. У Варсануфія, сколько я нашелъ, сюда можно отнести отвѣтъ 39, о призваніи имени Іисуса при каждомъ искушеніи; — отвѣтъ 126— должно ли поучаться въ Божественномъ Писаніи или въ Іисусовой молитвѣ: Господи Іисусе Христе, помилуй мя.—

Отв. 423 о томъ, что Имя Божіе должно призывать во время искушеній; что непрестанное именованіе Бога есть не только врачеваніе страстей, но и дѣянія, и что, какъ лекарство дѣйствуетъ на больнаго непонятнымъ для него образомъ, такъ и призываніе Имени Божія убиваетъ страсти образомъ намъ невѣдомымъ. Отв. 424, что Имя Іисусово должно призывать не только во время искушеній, но и тогда, когда повидимому помыслы безмолвствуютъ и сердце мирно, и что непрестанное призываніе Имени Божія есть собственно молитва.—425, что призываніе Имени Божія отгоняетъ злые помыслы, возникающіе во время псалмопѣнія, или молитвы, или чтенія (слѣдоват., молитва Іисусова не должна останавливаться во время произнесенія другихъ молитвъ. Тоже сказалъ о. Серафимъ отцу Архимандриту). 429,—не только призываніе Имени Божія устами, но и воспоминаніе Его въ сердцѣ—тоже молитва, ибо Богъ сердцевѣдецъ и внимаетъ сердцу. Затворяющій уста и именующій Бога въ сердцѣ, исполняетъ заповѣдь, глаголющую: „затвори двери твоя и помолися Отцу твоему Иже въ тайнѣ" и проч.—430,—углубляться молитвою въ сердце, не произнося словъ, прилично только совершеннымъ, могущимъ управлять свой умъ, не совращаясь въ мечтанія. Начинающій же такое художество, какъ не умѣющій плавать по глубокому морю, долженъ, когда ощутитъ глубину, выходить на берегъ, и отдохнувъ опять пускаться въ пучину, покуда совершенно познаетъ художество сего плаванія и достигнетъ въ силу вѣдущихъ.

И еще есть много мѣстъ, которыя сюда же относятся, но я ихъ теперь не умѣлъ найти. Если вы одобрите это, то можно будетъ эту вставку въ алфавитъ послать особо къ Цензору.

XXVII.

14 Іюня 1855 г.

(Письмо Н. П. Кирѣевской).

Владыка изволилъ пріѣхать въ Лавру изъ Скита въ Субботу въ 3-мъ часу; за 1/2 часа я узнала о его пріѣздѣ отъ добраго о. Іоасафа и встрѣтила изъ его служителей нѣкоторыхъ, всѣ по пріѣздѣ Владыки—доло-

жили ему о желаніи моемъ быть у него, и не медля прибѣжалъ служитель сказать, что Владыка приказалъ просить васъ, если угодно, теперь, на короткое время. Владыка принялъ насъ отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземляръ отъ имени Вашего, Батюшка, благодарила отъ Васъ съ поклоненіемъ земнымъ. Владыка съ большимъ удовольствіемъ принялъ книгу и сказалъ: „У старцевъ какъ все поспѣваетъ, удивительно! очень имъ благодаренъ“. Я просила Владыку обратить вниманіе на печать, на Алфавитъ, и Владыка все очень, очень одобрилъ. Любезно говорилъ. Я подала Владыкѣ (экземпляръ) 3-й сотницы перевода Ѳаласія. Владыка спросилъ: „это что?“—„Остальная сотница Ѳалассія—самыя послѣднія главы 4-й сотницы Батюшка о. Макарій не перевелъ, потому что боялся погрѣшить въ изложеніи сихъ высокихъ предметовъ Богословія и оставилъ это на волю В. В—ва, и какъ Вамъ Господь возвѣститъ“. „Напрасно, лучше бы перевели,—мнѣ бы помогли.—Погодите, сейчасъ“—и пошелъ Владыка на другую комнату, тутъ же при насъ былъ о. Ректоръ и какой-то старый баринъ.

Владыка возвратился держа въ рукахъ 1-ю сотницу Св. Ѳаласія. „Вотъ 1-ая сотница, я ее прочиталъ, нѣкоторое измѣнилъ, въ одномъ мѣстѣ думалъ что догадался, переправилъ, а какъ здѣсь въ Лаврѣ нашелъ Греческій подлинникъ, то увидѣлъ, что я ошибся, и измѣнилъ поправку. Въ другомъ же мѣстѣ было не такъ, вѣроятно потому, что пропущено было одно слово въ подлинникѣ. Вотъ отдайте отъ меня Старцамъ и спросите, угодны ли будутъ имъ мои поправки? Я озабочивался и не зналъ, какъ мнѣ имъ переслать эту сотницу, очень радъ, что Вамъ могу отдать ее!“ Я очень благодарила и говорила, что Вы примете милость Владыки съ глубочайшимъ чувствомъ признательности, и что Ваши поправки—благодѣянія. Владыка сказалъ: „ну, это какъ Старцы найдутъ“. Потомъ я спросила: когда Старцы перепишутъ, то позвольте къ Вамъ обратно доставить? „Можно и въ Цензуру отдать,—какъ хотите“.

Окончивши матерію о Ѳаласіѣ, я выразила желаніе напечатать переводъ книги Св. Аввы Доровея—К. К. Зе-

дергольма (отъ насъ), сказавши также и опасеніе мое, что такъ какъ это изданіе Синода, то можетъ быть нельзя частному лицу печатать. Владыка отвѣчалъ: „извольте печатать, можно, Синодъ въ протестъ не взойдетъ, очень можно печатать“. Я поблагодарила Владыку. Теперь слѣдуетъ переписать книгу Аввы Дороѳея для Цензуры и послать рукопись прямо къ о. Инспектору Сергію. Владыка пригласилъ насъ (съ семействомъ) на другой день въ 3 часа по полудни. Я подала Владыкѣ изображенія на всѣ книги, т. е. 22 экз. Св. Варсануфія и Іоанна, и потомъ *воздухи* съ пеленою для Скита отъ Свекрови. Владыка все принялъ благосклонно и благодарилъ, сказалъ: „за что же меня Старцы такъ награждаютъ. Я ихъ обираю книгами. Сколько Вы мнѣ ихъ прислали!“ Отв. Такъ Батюшка усердно желаетъ Вамъ доставлять, я лишь исполняю его желаніе. Ваша милость такъ велика, что Господь одинъ можетъ воздать Вамъ. Говорили, какъ назначить цѣну изображеніямъ и какъ лучше ихъ продать. Результатомъ разговора было, что Владыка сказалъ: „еслибъ можно было ихъ при книгахъ продавать за туже цѣну, то это хорошо бы было“. Я отвѣчалъ, что можно, потому что Батюшка не цѣны, а пользы душевной ищетъ. Владыка сказалъ; „однако нужно, чтобы и окупалось изданіе, а на эти деньги другія книги печатать можно“.

22 Іюня 1855 г. XXVIII.

(Письмо Митрополита Филарета).

Миръ свышній Преподобному о. Макарію!

Возвращаю переводъ Аввы Ѳалассія, испещренный мною, можетъ быть также некрасиво въ отношеніи къ разуму, какъ въ отношеніи къ буквамъ. Отдаю на Ваше разсужденіе.

Не излишнимъ думаю сказать, что мною сдѣлано и почему.

Первую сотницу сличалъ я только съ переводомъ Старца Паисія. Въ немногихъ главахъ усомнясь, прибѣгнулъ къ подлиннику.

Три остальныя сотницы что-то побудило меня постоянно сличать съ Греческимъ подлинникомъ, а иногда и съ Ла-

тинскимъ переводомъ, который напечатанъ при Греческомъ подлинникѣ, но не всегда съ нимъ сходенъ. Оказалось, что для нѣкоторыхъ главъ необходима была помощь Греческаго подлинника, а иногда и Латинскаго перевода, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ главахъ нашъ переводъ очевидно вѣренъ, а печатный Греческій теменъ— очевидно испорченъ.

Въ 59-й главѣ 3-й сотницы переводъ нашъ оставленъ неприкосновеннымъ; а переводъ съ Греческаго поставленъ въ примѣчаніи,—потомучто нѣсколько сомнительно, которое чтеніе правильнѣе, хотя, по моему мнѣнію вѣроятнѣе, что истинное чтеніе—Греческое, ибо только догадочно и принужденно можно дать значеніе словамъ *въ трудолюбивомъ другѣ ты найдешь покровъ очамъ твоимъ;* но слова: *въ трудолюбивомъ другѣ ты найдешь покровъ твоимъ погрѣшностямъ* даютъ ясный смыслъ, и можно видѣть ихъ источникъ въ словахъ Апостола: *обратившій грѣшника отъ заблужденія покрыетъ множество грѣховъ.*

О томъ, что 89 и 92 главы 4-й сотницы не на своемъ мѣстѣ, прилагается при семъ особая записка.

Прилагаю также послѣднія 21 главу, переписанныхъ особо, дабы Вы лучше могли прочитать нежели то, что я связно пишу по недосугу, по немощи, а болѣе всего по лѣности, отъ которой избавиться помогите мнѣ молитвами Вашими.—Паки цѣлованіе мира Вамъ, и о. Архимандриту, и о. Антонію *). Ф. М. М.

XXIX.

25 Іюня 1855 г.

(Отвѣтъ о. Макарія Митрополиту Филарету).

В. В. Милостивый Архипастырь и Отецъ.

Неоднократно получая отъ В. В. черезъ Н. Н. К. Архипастырское благословеніе, принималъ оное благоговѣйно съ чувствомъ благодарности и не смѣя безпокоить В. В. писаніями моими для выраженія онаго, сохранялъ въ

*) Главы, переведенныя М. Ф. напечатаны въ концѣ переписки въ главѣ 4-й.

молчаніи доселѣ; но нынѣ вновь изліянная Архипастырская и Отеческая милость Ваша подала смѣлость къ написанію сихъ моихъ скудоумныхъ строкъ.

При всѣхъ Вашихъ многотрудныхъ и полезныхъ занятіяхъ Вы изволили удѣлить время для разсмотрѣнія представленной отъ насъ В. В. черезъ Н. П. рукописи Аввы Ѳалассія первой сотницы съ Славянскимъ текстомъ переводъ на Русскій языкъ. Получа оную обратно, съ радостію увидѣли во многихъ мѣстахъ исправленіе перевода, сдѣланное Святительскою рукою В. В., которое намъ ясно показало правильность Славянскаго текста и наше скудоуміе, и еще столько явили милости—изволили принять и остальныя три сотницы на Ваше благоразсмотрѣніе. Простите, милостивѣйшій Владыко, такую нашу дерзость, что мы осмѣлились симъ утруждать особу В. В.

Считаемъ также веліею Вашею милостію къ намъ и счастіемъ для себя то, что удостоили принять отъ нашего глубочайшаго усердія экземпляры книги Св. Варсануфія и Іоанна въ Русскомъ переводѣ, это не наше произведеніе, а плодъ Вашего Архипастырскаго благоволенія и благословенія, безъ коихъ не могло бы совершитъся сіе предпріятіе.—Продолжая Ваши Архипастырскія и Отеческія милости, В. В. изволили прислать чрезъ о. Намѣстника Лавры о. Архимандрита Антонія въ нашу обитель 100 руб. сер.

Все оное слагая въ сердцахъ нашихъ, осмѣливаемся въ сихъ слабыхъ скудоумныхъ строкахъ принести В. В. нашу наиглубочайшую благодарность и мысленно припадаемъ къ стопамъ В. В. лобызая Святительскую Вашу десницу.

При чемъ дерзая испрашивать Вашего Архипастырскаго благословенія и Св. молитвъ всей нашей Скитской братіи, трудившейся въ дѣлѣ книжномъ, и мнѣ послѣднему, съ безпредѣльнымъ высокопочитаніемъ и сыновнею преданностію, имѣю счастіе пребыть В. В. Милостивѣйшаго Архипастыря и О. нижайшій сынъ и послушникъ Многр. І. М.

XXX.

9 Сентября 1855 г.

Возлюбленный и глубоко уважаемый о Господѣ о. Макарій!

Спѣшу поблагодарить Васъ за присылку рукописи и препровождаю ее обратно къ Вамъ. Жалѣю, что я не испросилъ ее прежде у Васъ: мои недоумѣнія давно разрѣшились бы. По своему скудоумію, относительно нѣкоторыхъ мѣстъ въ сотницахъ я думаю иначе, нежели какъ перевелъ ихъ Владыка. Теперь же я привелъ въ совершенное согласіе съ выраженіями, написанными рукою Владыки, свои, самовольно сдѣланныя перемѣны въ переводѣ. Замѣчаніе отца Ювеналія, что слово, имѣющее много значеній, не можетъ быть переводимо всегда одинаково — совершенно справедливо. Но для меня важно было и нужно знать, какія именно значенія давалъ нашъ Владыка одному и тому же Греческому слову въ разныхъ мѣстахъ перевода.

Краегранесія написалъ я въ началѣ каждой сотницы; поелику Славянскій переводъ Сотницъ имѣетъ свое важное значеніе, то я разсудилъ за лучшее, чтобы онъ сохраненъ былъ вполнѣ, безъ всякихъ опущеній. Притомъ краегранесія служатъ основаніемъ (въ подлинникѣ) къ порядку главъ въ Сотницахъ. Нѣтъ нужды, что сего не будетъ видно въ переводѣ.

Общее заглавіе въ одобренной рукописи я оставилъ точно то, которое видите на Вашей, теперь отосланной къ Вамъ назадъ. Если заглавіе покажется Вамъ широко, или что въ немъ сказано не такъ, какъ слѣдуетъ; то сократите или исправите, какъ будетъ угодно Вамъ.

Натальѣ Петровнѣ при случаѣ скажите, что второе письмо ея ко мнѣ получено дня черезъ два послѣ того, какъ отправлено было мною къ ней письмо. Извѣстите ее также, что нынѣшняго числа рукопись Пр. Ѳалассія съ одобреніемъ въ печать отослана въ контору Университетской типографіи. Въ заключеніе почитаю долгомъ сказать, что всякое Ваше письмо, достопочтеннѣйшій Батюшка, какимъ бы оно перомъ, и на какой бы бумагѣ ни было написано, съ великимъ утѣшеніемъ и благодарно-

стію къ Вамъ я получаю. Прошу Васъ усерднѣйше, не забывайте въ молитвахъ Вашихъ преданнѣйшаго Вашего слугу

Арх. Сергія.

P. S. О. Арх. Моисею мое глубочайшее почтеніе и о. Ювеналію желаніе спасенія. Извините, что не пишу ничего Вамъ о великой радости, какою въ сіи дни преисполнена была Лавра: скоро прочтете въ газетахъ о пріѣздѣ сюда Высочайшаго богомольца. Скажу только, что и въ моемъ скромномъ углу помѣщался одинъ высокій гость, Его Высочество, принцъ Ольденбургскій. Самъ я за нѣсколько часовъ до сего письма перебрался въ свои комнаты.

XXXI.

20 Сентября 1855 г.

Милостивый Батюшка!

Прилагаю письмо Инспектора Сергія, полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по Вашему приказанію о послѣднихъ главахъ Аввы Ѳалассія, и прошу вразумите меня, что ему отвѣчать? Составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе, или просить его самого составить? Въ его указаніи на І. Дамаскина онъ ошибся; я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3 параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пресвятой Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го *параграфа* прочелъ 3 *часть*, и въ ней искалъ одиннадцатой главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно о безначальности и небезначальности Сына. Для усмотрѣнія Вашего выписываю это мѣсто и при семъ прилагаю. Выписываемый о. Инспекторомъ Ирмосъ кажется мнѣ тоже не довольно ясенъ. Не имѣется ли въ Церковныхъ пѣсн. что-либо еще ближе къ предмету?—Въ книгѣ І. Дамаскина указана ссылка на Григорія Назіанзина слово 29 и 39. Но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, я думаю, къ выпискѣ изъ Іоанна Дамаскина достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово *начало* имѣетъ нѣсколько силы словъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени

или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо, иногда причину или вину. Здѣсь не безначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ, и собственно значитъ имѣющій вину Своего Сыновняго Бытія во Отцѣ, совѣчно Ему и безначально пребывая, какъ Божество Ему Единосущное, но отъ Него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ Истинный отъ Бога Истиннаго.—Когда будете разсматривать переводъ Филиппова Максима Исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ говорится о томъ, что любовь составляется изъ вожделѣнія и страха,—не найдете ли приличнѣе замѣнить слово *вожделѣніе*—словомъ *влеченіе*? Я не пишу къ Вамъ о нашихъ домашнихъ обстоятельствахъ, Милостивый Батюшка, потому что И. П. пишетъ обо всемъ обыкновенно и всегда. Но очень много у насъ затруднительнаго, для чего крайне потребны намъ В. Св. молитвы и совѣты. Прошу отъ всего сердца В. Св. молитвъ и благословенія, и остаюсь съ безпредѣльнымъ почтеніемъ и преданностію любящій Васъ, Вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

XXXII.

24 Января 1856 г.

Возлюбленный и досточтимый о Господѣ, Батюшка!

Предаю на Вашу волю: сами ли Вы письменно представите Владыкѣ на разрѣшеніе сомнительное въ книгѣ мѣсто, или поручите это сдѣлать мнѣ. У меня нѣтъ списка съ этого мѣста, а по памяти я не могу написать его. Поэтому надобно, чтобы Вы, или снова прислали мнѣ рукопись, или, по крайней мѣрѣ, списокъ того отдѣленія изъ бесѣды о лжи, гдѣ разсказанъ случай.

Прямѣе казалось бы поступить такъ: Вы напишите Владыкѣ письмо, въ которомъ скажете, что Цензоръ, переславъ къ Вамъ рукопись, указалъ сомнительное мѣсто, изъявляя желаніе, чтобы прежде печатанія оно было показано нашему Архипастырю. Затѣмъ, присовокупить и свое мнѣніе, что находите болѣе успокоительнымъ для издателей и читателей совсѣмъ исключить это мѣсто изъ книги. Къ письму приложите отдѣленіе это изъ бесѣды о

лжи, или даже самые листы рукописи одобренной, а для словъ исключаемыхъ прикажите сдѣлать выписку изъ Греческой книги, чтобы Владыка видѣлъ, какъ онѣ читаются въ подлинникѣ.

Все сіе пишу не съ тѣмъ, чтобы учить Васъ, Батюшка, но искренно предъ Вами открывая свои мысли.

P. S. Глубочайшую приношу Вамъ благодарность за благодѣяніе, какое Вы сдѣлали душѣ покойнаго моего родителя, записавъ имя его въ ряду приснопоминаемыхъ въ Вашемъ Скиту. Это для меня такая отъ Васъ утѣшительная награда, которая всегда будетъ дѣйствовать одобрительно на духъ мой: она одна достаточна, чтобы я навсегда остался должникомъ и послушникомъ Вашимъ и Святой Вашей Обители. Да воздастъ Вамъ Господь сторицею за все, что Вы воздали мнѣ.

XXXIII.

Москва. 20 Іюля 1856 г.

Всечестнѣйшій Отецъ Макарій!

Честь имѣю Васъ увѣдомить, что со вчерашнею почтою отправлено къ Вамъ на 10 фунтовъ (7 экз.) книгъ. Вчера же я былъ у Владыки и подалъ ему одинъ экземпляръ въ переплетѣ и 25 въ сорочкѣ. Когда ему представилась кипа Вашихъ книгъ, онъ сказалъ: „ахъ! да зачѣмъ же они такъ много"? Потомъ спросилъ меня, отчего это поручено мнѣ; я ему сказалъ, что съ отъѣздомъ Натальи Петровны ея заботы объ изданіи переданы мнѣ, по Вашему милостивому вниманію. Тутъ онъ разговорился со мною о Натальѣ Петровнѣ, объ ея положеніи. Онъ узналъ о смерти Ивана Васильевича изъ Вѣдомостей. Я ему объявилъ, что его похоронили рядомъ съ о. Леонидомъ; онъ на это сказалъ: „ахъ! гдѣ Богъ удостоилъ его лечь"! Наконецъ, онъ приказалъ благодарить Васъ: „благодарите старцевъ и скажите имъ, что они очень щедры".

А я все не могу успокоиться, что задержалъ Вашу книгу такъ долго: простите меня ради Бога! 10 экз. Пр. Симеона тоже посланы въ цензуру, но билета не высылаютъ; да я и не знаю, вышлютъ ли безъ о. Сергія. Потрудитесь мнѣ написать, какое заглавіе дать 600 экземплярамъ, которые будутъ содержать первыя два поученія Аввы Дороѳея. И какую обертку употребить для нихъ и для житія пр. Симеона?

Въ ожиданіи прощенія и приказаній Вашихъ, честь имѣю пребыть

Вашъ покорный слуга
Т. Филипповъ.

Не забудьте насъ съ братомъ въ молитвахъ своихъ святыхъ и потрудитесь передать наше общее увѣреніе въ уваженіи и преданности о. Ювеналію и о. Льву.

XXXIV.

Москва. 7 Августа 1856 г.

Всечестнѣйшій Отецъ Макарій!

Съ человѣкомъ Натальи Петровны, я послалъ, какъ Вамъ уже извѣстно, 5 экз.; съ почтой послалъ 1 пудъ (25 экз.); объ остальныхъ же (за вычетомъ 500 и 300. назначенныхъ къ Ѳерап. и Зейде, и нѣсколькихъ у меня находящихся и по Вашему указанію разосланныхъ) 1400 экземплярахъ я просилъ Ѳерапонтова позаботиться, и онъ обѣщалъ мнѣ найти случай. Всякій разъ, какъ я пишу къ Вамъ или отъ Васъ получаю письмо, мнѣ бываетъ очень стыдно своего неумѣнія исполнять Ваши порученія къ Вашему удовольствію. Простите меня ради Бога! желаю, но не умѣю. Оттиски статьи Ивана Васильевича еще не готовы; я перешлю Вамъ ихъ въ скорѣйшемъ времени, надѣюсь—въ этотъ четвергъ, и впишу тѣ 4 строчки, которыя вычеркнулъ Делицынъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на мѣсто покоя безцѣннаго и незамѣнимаго для насъ многихъ Ивана Васильевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ и получить бы духовное утѣшеніе отъ словъ Вашей вѣры

и открыть бы Вамъ немощи и страсти моей больной души.

Прошу Васъ не забыть меня и брата моего въ Вашихъ святыхъ молитвахъ и передать чувства нашего уваженія отцу Ювеналію и отцу Льву.

Вашъ всепокорнѣйшій слуга

Т. Филипповъ.

Переводъ творенiй Аввы Өалассiя, сдѣланный Митрополитомъ Филаретомъ *).

(изъ IV сотницы главъ).

Глава 80. Умъ, начиная любомудрiе отъ постоянной вѣры, оканчиваетъ оное превысшимъ всякаго ума Богословiемъ, которое опредѣляютъ такъ: Богословiе есть незабытная вѣра и созерцанiе предмета неявляемаго.

81. Святые и блаженные отцы наши слова свои о Богѣ почерпаютъ отъ созерцанiя не того, что въ Немъ, но того, что окрестъ Его.

82. Всѣ слова о томъ, что окрестъ Его, то-есть Бога, разумѣются однѣ положительно, а другiя отрицательно, какъ то:

83. Сущность, Божество, благость и подобныя свойства Божiи разумѣются положительно и утвердительно: а безначальность, безконечность, безпредѣльность и подобныя имѣютъ значенiе отлучительное и отрицательное.

84. Какъ единое Божество Святыя Троицы есть превысшее ума и слова и сокровенное: то вышесказанное и подобное, какъ сказуютъ, окрестъ Его созерцаемо бываетъ.

85. Какъ единое Божество Святыя Троицы проповѣдуютъ, такъ и три ѵпостаси единаго Божества славятъ.

86. Вышереченныя понятiя, отрицательныя и положительныя, признаютъ общими Святой Единосущной Троицѣ, кромѣ личныхъ свойствъ; ибо и изъ сихъ большая часть положительно, а нѣкоторыя отрицательно изрекаются.

87. Сказуютъ также, что личныя свойства трехъ ѵпостасей суть сiи: отечество, сыновство, исхожденiе и прочее, что говорится, какъ собственное ѵпостаси.

88. Ѵпостась же опредѣляютъ сущностiю съ личными свойствами. Почему каждая ѵпостась имѣетъ одно, общее сущности, а другое собственное ѵпостаси.

*) Приложенiе къ письмамъ М. Ф. 22 Iюня 1855 г. Оригиналъ хранится въ Скитской библiотекѣ.

89. Полагаютъ, что сказанное выше вообще о Святой Троицѣ отрицательно, говорится болѣе собственно, нежели сказанное положительно. Но не такъ относительно личныхъ свойствъ. Ибо и о сихъ, какъ выше сказано, говорится частію положительно, частію отрицательно, какъ напримѣръ: рожденность, нерожденность и подобное. Ибо нерожденность и рожденность разнятся только по значенію: нерожденность означаетъ Отца, а рожденность Сына.

90. Реченія и имена употребляютъ для изъясненія разумѣній, созерцаемыхъ, какъ сказано, окрестъ сущности Святыя Троицы, а не въ самой сущности: ибо то, что въ сущности совершенно, недовѣдомо уму и неизрекаемо никакимъ словомъ, и единой Святой Троицѣ вѣдомо.

91. Какъ единое существо Божества тріѵпостаснымъ признаютъ, такъ и Святую Троицу единосущною исповѣдуютъ.

92. Созерцается ими Отецъ и какъ безначальный, и какъ начало; безначальный, какъ нерожденный: начало, какъ родитель и изводитель сущихъ изъ Него по сущности, отъ вѣчности въ Немъ существующихъ, Сына Слова и Духа Святаго.

93. Единица, простираясь у нихъ до Троицы, пребываетъ Единицею; и Троица, собираясь въ Единицу, пребываетъ Троицею. И сіе чудно.

94. Всѣ разумѣютъ Сына и Духа не безначальными, однако присносущными. Они не безначальны въ отношеніи къ Отцу, Ихъ началу и источнику; но присущны, какъ сущіе изъ Присносущнаго, и Ему сосуществующіе, единъ рождественно, а другій исходно.

95. Едино Божество Троицы нераздѣльно хранятъ, и три ѵпостаси единаго Божества несліянны соблюдаютъ.

96. Полагаютъ личными свойствами: Отца — безначальность и нерожденность, Сына—то, что Онъ въ началѣ, и рожденность, Святаго Духа—то, что Онъ съ началомъ, и исходность. Начало же Сына и Духа полагаютъ не временное. Какъ это можно? Но подъ именемъ начала показываютъ причину, отъ которой Сынъ и Святый Духъ, какъ свѣтъ отъ солнца, имѣютъ бытіе отъ вѣчности; ибо изъ нея они по сущности, хотя и не послѣ ея.

97. Сохраняется также у нихъ свойство ѵпостасей неподвижнымъ и непреложнымъ, и общность сущности, т. е. Божества, нераздѣльною.

98. Исповѣдуемъ Единицу въ Троицѣ, и Троицу въ Единицѣ, раздѣляемою нераздѣльно и совокупляемую раздѣлительно.

99. Единое знаютъ начало всего—Отца. Онъ начало Сына и Духа, яко Родитель, и яко источникъ присносущный и соприсносущный, и собезконечный, и безпредѣльный, и единосущный, и не-

раздѣльный. Онъ начало созданій, яко Создатель, и Промыслитель, и Судія: т. е., Сыномъ во Св. Духѣ. Ибо изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая: Тому слава во вѣки, аминь.

100. Сказуютъ, что Сынъ и Святый Духъ соприсносущны Отцу, но не безначальны: соприсносущны, какъ отъ вѣчности сосуществующіе Отцу; не собезначальны, потому что имѣютъ вину бытія. Ибо изъ Него, хотя и не послѣ Его, подобно какъ изъ солнца свѣтъ, какъ сказано выше. Впрочемъ, нарицаютъ ихъ и безначальными, когда кто начало беретъ отъ времени, дабы не представлялись подъ временемъ Тѣ, отъ Которыхъ время. Итакъ, они не безначальны въ отношеніи къ своей причинѣ, но въ отношеніи ко времени безначальны, яко сущіе прежде всякаго времени и вѣка и превыше вѣка и времени, чрезъ Которыхъ всякій вѣкъ и время, и то, что въ вѣкѣ и во времени, и яко Отцу, какъ выше сказано, соприсносущные, съ Которыми Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Обличительная отповѣдь о. Игумена Моисея униату Флавіану Лисовскому.

Почтенный Флавіанъ Лисовскій! [1]).

Письмо твое, похожее болѣе на пасквиль, безъ означенія года, мѣсяца и числа, получено въ одно почти время съ твоею жалобою на меня ко Владыкѣ; на которое, убѣждаясь только тѣмъ, что безпокоишь Архипастыря нашего, пишу къ тебѣ сей отвѣтъ:

1) Требуемая тобою Граммота о рукоположеніи во Іеромонаха представлена отъ меня Епархіальному Начальству на разсмотрѣніе еще прошлаго 1845 года 25 Сентября при рапортѣ въ одно число по твоемъ отбытіи изъ монастыря.

2) Принадлежащіе тебѣ деньги Указомъ изъ Консисторіи отъ 10 Іюля 1842 года предписано было мнѣ принять подъ росписку *32 Голландскихъ червонцевъ и 50 рублей серебромъ*, но по прибытіи твоемъ 12 того Іюля у тебя не оказалось вполнѣ и онаго количества: при жандармѣ Житомирской команды Амвросіѣ Блюминчѣ ты подалъ мнѣ *32 Голландскихъ черв. и 46 р. 50 к. серебромъ*, а о недостающихъ противъ Указа деньгахъ при жандармѣ же объявилъ, что ты употребилъ оныя на свои нужды въ дорогѣ:

[1]) Прилагаемая отповѣдь Введ. Опт. Пуст. Игумена Моисея, на клеветническія обвиненія нѣкоего Флавіана Лисовскаго, не безлюбопытна для характеристики отношеній сыновъ католичества къ Св. Православной Церкви, почему и приводится. *Ред.*

въ принятіи твоихъ денегъ дана мною тогда же квитанція жандарму Блюмичу и подробно отрепортовано Епархіальному Начальству. Принятые мною деньги полнымъ количествомъ возвращены тебѣ при отъѣздѣ изъ Оптиной въ Сентябрѣ 1845 г. подъ росписку безъ всякаго принужденія еще за три дня до отбытія твоего; при томъ удовлетворялись всѣ требованія твои снисходительно: во первыхъ, ты просилъ обмѣнять разныя монеты на золотую русскую монету; я поручилъ монаху Сергію обмѣнять въ городѣ Козельскѣ и по твоему желанію доставлены тебѣ Русскіе полуимперіалы съ добавленіемъ полнаго количества другою монетою. Въ одномъ часѣ времени выданы тебѣ и на путевыя издержки *30 р. серебромъ* подъ вторую росписку. И всѣ вещи твои отданы тебѣ изъ монастырской кладовой. Ты же, получа деньги и вещи подъ росписки, выпросилъ время на три дня, чтобы собраться тебѣ въ дорогу; въ эти дни перешивали тебѣ одежду и починивали безъ всякой съ тебя платы за работу; выпросилъ ты у рухляднаго дорожную свиту какую самъ хотѣлъ, за которую ты самъ безъ вынужденія отдалъ поясъ ни къ чему здѣсь не годный; сверхъ того выпросилъ ты на дорогу изъ монастырскихъ вещей: полушубокъ, сапоги новые, шапку зимнюю, двѣ пары бѣлья, все это дано тебѣ отъ обители безъ платы изъ одного снисхожденія; во вторыхъ: совсѣмъ приготовившись, ты просилъ довезти тебя до Бѣлева на монастырскихъ лошадяхъ и дать послушника, именно Константина, который бы пріискалъ тебѣ въ Бѣлевѣ нанять подводы до Харькова. Обѣщался ты за подовезеніе тебя съ имуществомъ въ Бѣлевѣ заплатить въ монастырь изъ полученной тобою отъ казны на путевыя издержки суммы; для тебя и это было сдѣлано; напутствованъ ты хлѣбомъ—солью, со всѣми распростившись, и ничего болѣе не требуя отъ меня—ни денегъ, ни вещей, отправился съ честію, мирно, не имѣя никакой причины и къ малѣйшему неудовольствію или жалобѣ, и никто отъ тебя здѣсь не слыхалъ оной. Но доѣхавши въ Бѣлевъ, ты за монастырскую подводу не заплатилъ ничего и оставлено было за тобою безъ требованія. Послѣ этого всего, пропустя около полугода, къ удивленію моему присылаешь ко мнѣ письменный своеручный пасквиль, въ которомъ описываешь странную небылицу, что будто бы ты при вступленіи своемъ ввѣрилъ мнѣ не только прописанныя въ указѣ, но и не означенныя тобою высшему начальству деньги, тогда какъ у тебя не оказалось и прописаннаго въ указѣ количества оныхъ; и что при отбытіи твоемъ задержаны будто бы мною изъ твоихъ денегъ *130 р. асс.*, а рухольнымъ такъ же задержанъ якобы изъ вещей твоихъ поясъ, которому ставишь

цѣну восемь цѣлковыхъ. Требуешь возвратить тебѣ Граммоту и по крайней мѣрѣ *10 цѣлковыхъ*, за которые обѣщаешься доволенъ остаться въ своей вымышленной клеветѣ. Въ одно же время съ симъ пасквилемъ посылаешь письмо свое къ Преосвященнѣйшему съ жалобою на меня, которымъ самъ себѣ противорѣчишь въ своей клеветѣ объясненіемъ: что будто бы ты при вступленіи отдалъ мнѣ въ сохраненіе *Голландскихъ 33 червонца, одинъ русской золотой и 46 р. серебромъ*, изъ коихъ якобы задержано мною при отъѣздѣ твоемъ *25 р. асс.*, да сверхъ того задержано будто бы поясъ цѣною въ шесть рублей серебромъ и 15 ф. восковыхъ свѣчей, которыхъ ты съ собою не имѣлъ нисколько привезенными и ни откуда къ тебѣ присылаемы не были; и при томъ еще напоминаешь въ пасквилѣ своемъ о какихъ то потахъ своихъ въ трудахъ во время нахожденія твоего въ Оптиной; а въ письмѣ къ Архипастырю, что будто бы трудился ты на равнѣ съ прочими монастырскими рабочими; и что будто бы при отъѣздѣ хотѣлъ ты прямо изъ Пустыни ѣхать въ Калугу съ жалобою на меня къ Преосвященному, но я якобы не дозволилъ и для того отправилъ тебя въ г. Бѣлевъ.

Повторяю мое не малое удивленіе о таковой предательной твоей клеветѣ; что только побудило тебя вымышлять оную и безсовѣстно домогаться по оной исполненія?—Неужели ты нисколько не можешь почувствовать оказанной тебѣ терпимости при твоихъ тяжелыхъ для обители поступкахъ?—Во все время нахожденія твоего въ Оптиной довольствовался ты на равнѣ съ братіею всѣмъ отъ Обители, какъ-то: платьемъ, обувью, бѣльемъ, трапезою, кельею и освѣщеніемъ, что все въ теченіи трехъ лѣтъ стоило издержки монастырю болѣе 400 р. асс., но отъ тебя ничего не было требовано за оное, даже о томъ и не помянуто; когда же бывалъ ты въ нѣкоторыхъ занятіяхъ съ братіями, то по твоему желанію, скучая праздностію, нимало къ онымъ не принужденно, но добровольно и доброхотно, и хотя иногда, не знаю по какимъ замысламъ, просилъ ты дозволенія трудиться тебѣ съ наемными рабочими, но на это всегда было внушаемо тебѣ, что ты присланъ въ Оптину не на работы, а для увѣщанія тебя выдти изъ своего заблужденія, и обратиться въ православіе; которыми увѣщаніями ты не только не убѣждался, но напротивъ, вопреки запрещенія и надзора, смущалъ нѣкоторыхъ легковѣрныхъ и простодушныхъ людей въ правовѣріи противными сужденіями о Православной Церкви. Одинъ изъ таковыхъ, именно: отставной унтеръ-офицеръ изъ польскихъ шляхтичей Иванъ Мамоновъ, присоединившійся еще на службѣ въ полку изъ католиковъ къ Православной Греко-

Россійской Церкви, по собственному желанію вышелъ въ отставку и поступилъ въ Оптину Пустынь съ ревностнымъ усердіемъ къ монашеской жизни для испытанія себя. Ты же тайно ходилъ въ его келлію и противными своими сужденіями замѣчательно было поколебалъ его такъ, что Мамоновъ вышелъ изъ монастыря и гдѣ находится неизвѣстно. Привлекалъ ты къ себѣ изъ приходящихъ въ обитель богомольцевъ лицемѣрными видами добродѣтелей и притворнымъ знаніемъ благодатнаго цѣленія болѣзней, какъ чудотворецъ выказывался. Этими то вымышленными средствами выманивалъ ты восковыя свѣчи и другія вещи; а Іеромонахомъ Мелхиседекомъ тогда еще было открыто, что ты дерзалъ въ келліи своей совершать священнодѣйствіе, служилъ молебны, вечерни и утрени по своимъ книгамъ; святую же церковь такъ препебрегалъ, что лучше желалъ бы ты находиться въ рабочей избѣ, нежели въ церкви при богослуженіи. И такъ какъ суетныя и тщеславныя молитвы Господь не пріемлетъ, то и привлекаемые тобою больные получали горшую болѣзнь: цѣлилъ ты пильщика крестьянина Симона боль въ глазахъ, и отъ твоего цѣленія онъ получилъ неисцѣльное поврежденіе; то дабы за тебя не отвѣчать, неоднократно тебѣ дѣлаемо было мною воспрещеніе. Такъ же самовольно дѣлалъ ты въ лѣсѣ порубки и продавалъ дрова; и когда по ходатайству схимонаха Вассіана, котораго ты напросилъ, дозволено было тебѣ помогать въ братской трапезѣ столовщикамъ, ты тайно изъ трапезы уносилъ порціями хлѣбъ, сушилъ оный и раздавалъ тайно же обольщаемымъ тобою людямъ; и по случаю отбиранія у тебя служебныхъ книгъ и келаремъ Іероманахомъ Паисіемъ съ рясофорнымъ монахомъ Петромъ Григоровымъ найдено у тебя въ келліи болѣе пуда хлѣба. О таковыхъ и подобныхъ твоихъ самовольныхъ поступкахъ кто изъ братіи напоминалъ тебѣ или объяснялъ мнѣ какъ Настоятелю, на тѣхъ ты негодовалъ и считалъ себя оскорбленнымъ. Приносилъ и ты жалобы на нѣкоторыхъ изъ братіи въ обидѣ тебя, но по разсмотрѣніи оныхъ ты болѣе оказывался виновнымъ; потому что обнаруживались твои придирки къ братіи, коими ты раздражалъ ихъ, понося правительство наше, будто бы уніатовъ присоединяли съ истязаніемъ и тебя самаго запирали въ ледникъ на три дня раздѣтаго, били и принуждали тебя присоединиться. Таковая нелѣпая выдумка твоя оскорбительна для всякаго слуха; такъ же раздражалъ ты братію и толками своими о Римской церкви и безгрѣшности Главы оной Папы, охуждая Православную Греко-Россійскую Церковь, и называлъ ты находящихся въ некатолицкомъ исповѣданіи погибшими. Слышавши

клеветы твои на правительство и охужденіе Православной Церкви, нѣкоторые изъ братіи не могли отъ ревности по истиннѣ переносить въ молчаніи и, вынуждаемы самимъ тобою, назвали тебя противникомъ Православной Церкви; и поэтому твое пребываніе здѣсь было въ тягость для братіи, слышавши хуленіе на Православную Церковь, и удалялись отъ вредныхъ твоихъ и дерзкихъ сужденій. Ты же, не сознавая своей вины, называешь таковыхъ простодушныхъ братій незнающими Законовъ Божіихъ и невѣждами. Довольно было и на тебя жалобъ, и не легко было для обители твое нахожденіе съ вредными и своевольными поступками, но все покрываемо было тебѣ списхожденіемъ и терпимостію, дабы ты хотя сколько нибудь почувствовалъ всѣ тѣ Монаршія милости и благія средства, употребляемыя Правительствомъ къ душевной твоей пользѣ. Теперь сравни употребляемыя средства въ Римской Церкви къ обращенію къ оной другихъ вѣроисповѣданій; одна учрежденная Инквизиція предавала не только строжайшимъ пыткамъ противомыслящихъ въ чемъ-либо, но даже и смертной казни,—сожженію; и такъ же и при отторженіи отъ Православія въ Унію употребляемы были жестокія средства; о чемъ Исторія ясно всему міру объясняетъ. Тебѣ же, по Высочайшей Монаршей милости, дарована свобода и еще отъ казны ежегодное жалованье по 100 р. серебромъ на содержаніе. И вотъ, взамѣнъ благодарности, ты на свободѣ составилъ злѣйшую клевету, домогаешься прибытковъ и безсовѣстно безпокоишь Начальство, забывши, что теперь представятся Начальству неоспоримыя доказательства, по коимъ ясно обнаружатся клеветы и корыстолюбивое твое качество, засвидѣтельствованное еще прежнимъ Начальствомъ въ формулярномъ твоемъ спискѣ.

Въ заключеніе всего осталось сказать: Господь Богъ, по милосердію Своему, всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истинны пріити. Желаю и тебѣ, почтенный Флавіанъ! оставить ложь, познать истину; ею только успокоишь себя и другихъ.

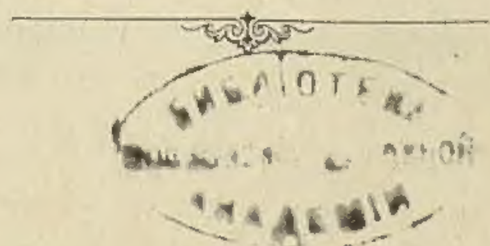
Подлинное подписано:

Козельской Введенской Оптиной Пустыни Игуменъ Моисей.

27 Апрѣля 1848 года.

(Адресъ въ Харьковъ, 1-й части въ 1-мъ кварталѣ за институтскій огородъ, на Пескахъ, въ домѣ унтеръ-офицера Шлюнкина.

Послано страховымъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія:

